

Індэкс: для індывідуальных падпісчыкаў - 00829
для арганізацый - 008292

ISSN 2218-0362

ВЕСНІК

Мазырскага
дзяржаўнага
педагагічнага
ўніверсітэта
імя І. П. Шамякіна

УО МГПУ имени И.П.Шамякина

ул. Студенческая, 28
247760, г. Мозырь,
Республика Беларусь
Тел.: (+375 236) 32 43 14
Факс: (+375 236) 32 43 31
E-MAIL vesnik.mgpu@mail.ru

**MOZYR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
NAMED AFTER I.P. SHAMYAKIN**

STUDENCHESKAYA STREET, 28
247760 MOZYR
REPUBLIC OF BELARUS
TEL.: (+375 236) 32 43 14
FAX: (+375 236) 32 43 31
E-MAIL vesnik.mgpu@mail.ru

ISSN 2218-0362. Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. 2014. №2(43). С.1-150.

2014 2(43)

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
МОЗЫРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. И.П. Шамякина

Галоўны рэдактар
В. В. Валетаў, д. біял. н.

Рэдакцыйная калегія:

Кралевіч І. М., намеснік галоўнага рэдактара, к. пед. н.,
Шур В. В., д. філал. н. (адказны за рубрыку «Філалагічныя навукі»),
Емяльянава М. В., к. пед. н. (адказны за рубрыку «Педагагічныя навукі»),
Катовіч І. В., к. біял. н. (адказны за рубрыку «Біялагічныя навукі»),
Болбас В. С., к. пед. н.,
Зайцава Н. У., д. пед. н.,
Коваль У. І., д. філал. н.,
Кулак Г. У., д. ф.-м. н.,
Кураш С. Б., к. філал. н.,
Парфёнаў В. І., д. біял. н.,
Русецкі В. Ф., д. пед. н.,
Савенка У. С., д. т. н.,
Сузько А. У., к. філал. н.,
Усеня У. У., д. с.-г. н.,
Шапялёвіч В. В., д. ф.-м. н.

Заснавальнік
Установа адукацыі
«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»

Адрас рэдакцыі:
вул. Студэнцкая, 28,
247760, Мазыр, Гомельская вобл.
Тэл.: +375 (236) 32-46-29

Карэктар *Л. В. Жураўская*
Камп'ютарная вёрстка *А. В. Ліс*

Падпісана да друку 09.06.2014. Фармат 60 x 90 1/8. Папера афсетная.
Рызаграфія. Ум. друк. арк. 17,4. Ул.-вык. арк. 15,2.
Тыраж 100 экз. Заказ № 399.

Установа адукацыі «Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна».
Вул. Студэнцкая, 28, 247760, Мазыр, Гомельская вобл.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі сродку масавай інфармацыі № 1233 ад 08.02.2010,
выдадзенае Міністэрствам інфармацыі Рэспублікі Беларусь.

Установа адукацыі «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны».
Спецыяльны дазвол (ліцэнзія) № 02330/450 ад 18.12.2013.
Вул. Савецкая, 104, 246019, г. Гомель.

Меркаванні, выказаныя аўтарамі,
могуць не супадаць з пунктам погляду рэдакцыі

ВЕСНІК

Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта

імя І. П. Шамякіна

Навуковы часопіс

Выдаецца з сакавіка 1999 года

Выходзіць 2 разы на год

№ 2(43) 2014

З М Е С Т

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

- Бахарев В. А., Лесничий Д. Ю.* Особенности распределения, плотности поселений, фоллидоза ужа обыкновенного – *Natrix natrix* (L., 1758) на территории Припятского Полесья ... 3
- Бодяковская Е. А., Гольнец В. Г.* Показатели качества воды из колодцев деревень Лучежевичи и Слобода Мозырского района 10
- Бычкова Е.И.* Зональные и биотопические особенности распределения иксодовых клещей на территории Национального парка «Нарочанский» 16
- Позывайло О. П., Котович И. В., Кулеш Н. В.* Содержание макро- и микроэлементов в кормах и крови у коров-первотелок на третьем месяце лактации 21
- Потапенко А. М., Серяжкова В. А., Старшикова Л. В.* Способы защиты семян дуба черешчатого на ранних стадиях развития 26
- Романишко Е. Л., Михайлова М. Е., Киреева А. И.* Технология HRM-анализа (High Resolution Melting) для определения полиморфизма *ESR1-PvuII* в гене эстрогенового рецептора у свиней (*Sus scrofa*) 32

ПЕДАГАГІЧНЫЯ НАВУКІ

- Булгакова А. А.* PR-технологии формирования благоприятного имиджа высшего учебного заведения 39
- Дойняк И. П.* Интерактивный подход в управлении процессом развития двигательной сферы младшего школьника 46
- Журавский А. Ю., Яковлев А. Н., Горовой В. А.* Воспитание физических качеств у студенток в условиях применения метода круговой тренировки 50
- Журлова И. В., Бируль К. С.* Модель коррекции и профилактики аддиктивного поведения студенческой молодежи 55
- Кошман М. Г., Кошман Е. Е.* Игро моделирование в экологическом образовании старшеклассников 61

<i>Кралевиц И. Н.</i> Заочная форма обучения: этапы становления и развития, особенности функционирования	67
<i>Перец Н. А.</i> Мотивация студентов белорусско-российского университета к занятиям дзюдо и самбо	73
<i>Щур С. Н., Беляева Н. П.</i> Педагогическая практика студентов: организационный аспект.....	80

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

<i>Барковіч А. А.</i> Сусветнае павуцінне, сеціва, вэб і інтэрнэт у камп'ютарна-апасродкаванай камунікацыі	84
<i>Буевич А. А.</i> Код: понятие и его варианты в гуманитарных дисциплинах	90
<i>Кочерго Д. Ч.</i> Выражение категории количественности в метафорах неопределенного множества в белорусском языке	96
<i>Кошман П. Р.</i> Традыцыя літаратурнай міфатворчасці як аснова канструявання вобраза Беларусі ў навукова-папулярных нарысах П. Шпілеўскага	101
<i>Лазаревич Е. М.</i> Эвфемизмы, используемые для обозначения беременности, в диахронической перспективе (на материале русского языка)	106
<i>Лісоўская І. С., Парфіновіч Ю. М.</i> Беларускае паэтычнае мадэляванне ў аспекце катэгарызацыі і канцэптуалізацыі (на матэрыяле паэзіі Пімена Панчанкі).....	112
<i>Новіцкая Н. Г., Бараіш І. Н.</i> Самопрезентация в иноязычном общении и технология обучения на уроках английского языка.....	117
<i>Прыступа Н. Н.</i> Прототермины со значением 'Субъекты кредитной сделки' в истории немецкого языка	121
<i>Рагаўцоў В. І.</i> Вербальныя сродкі камічнага ў драме "Кастусь Каліноўскі" Еўсцігнея Міровіча.....	127
<i>Сурженко Е. В.</i> Интерпретационная часть грамматического поля императива в английских пословицах.....	132
<i>Тимошенко Е. И.</i> О лексикализации безличной формы глагола в русском языке (на материале глаголов движения)	138

ПЕРСАНАЛІІ .....

143

РЭЦЭНЗІЯ .....

145

БІБЛІЯГРАФІЯ .....

147

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ.....

149

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 598.1 (276.4)

**ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ, ПЛОТНОСТИ ПОСЕЛЕНИЙ,
ФОЛИДОЗА УЖА ОБЫКНОВЕННОГО – *NATRIX NATRIX* (L., 1758)
НА ТЕРРИТОРИИ ПРИПЯТСКОГО ПОЛЕСЬЯ****В. А. Бахарев**кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры биологии
УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ**Д. Ю. Лесничий**студент биологического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ
Научный руководитель: В. А. Бахарев

В данной статье приведены результаты полевых исследований *Natrix natrix* (L., 1758) на территории Припятского Полесья. Представлено биотопическое распределение и плотность поселения змей. Дана характеристика морфологических особенностей, фолидоза и фенов *Natrix natrix* (L., 1758). Дана характеристика мест находок (23), «очагов» массового скопления (7) змей. За период исследований апрель – август 2013 года было встречено 154 особи, среди которых отловлено 68 особей *Natrix natrix* (L., 1758).

Введение

Общая тенденция обеднения животного населения и резкого сокращения численности многих видов в настоящее время приобретает угрожающий характер. В значительной степени этому подвержены змеи. Это обстоятельство явилось определяющим в намерении провести оценку состояния популяции *Natrix natrix* (L., 1758) на территории Припятского Полесья в разных типах биотопов. Характеристика состояния популяции велась по фенетической структуре, территориальному распределению, а выявление микрогруппировок велось с целью дальнейшего генетического анализа вида.

Цель и задачи исследований. Целью настоящей работы явилось изучение особенностей территориального распределения, изменчивости рисунка тела (фенов), щитков (фолидоза) и плотности поселений *Natrix natrix* (L., 1758).

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

- 1) детализировать территориальное распределение *Natrix natrix* (L., 1758);
- 2) дать сравнительную характеристику изменчивости рисунка тела (фенов) *Natrix natrix* (L., 1758);
- 3) выявить «очаги» массового скопления змей;
- 4) определить варианты комбинаций щитков *Natrix natrix* (L., 1758);
- 5) изучить изменение плотности поселения *Natrix natrix* (L., 1758) в разных типах биотопов.

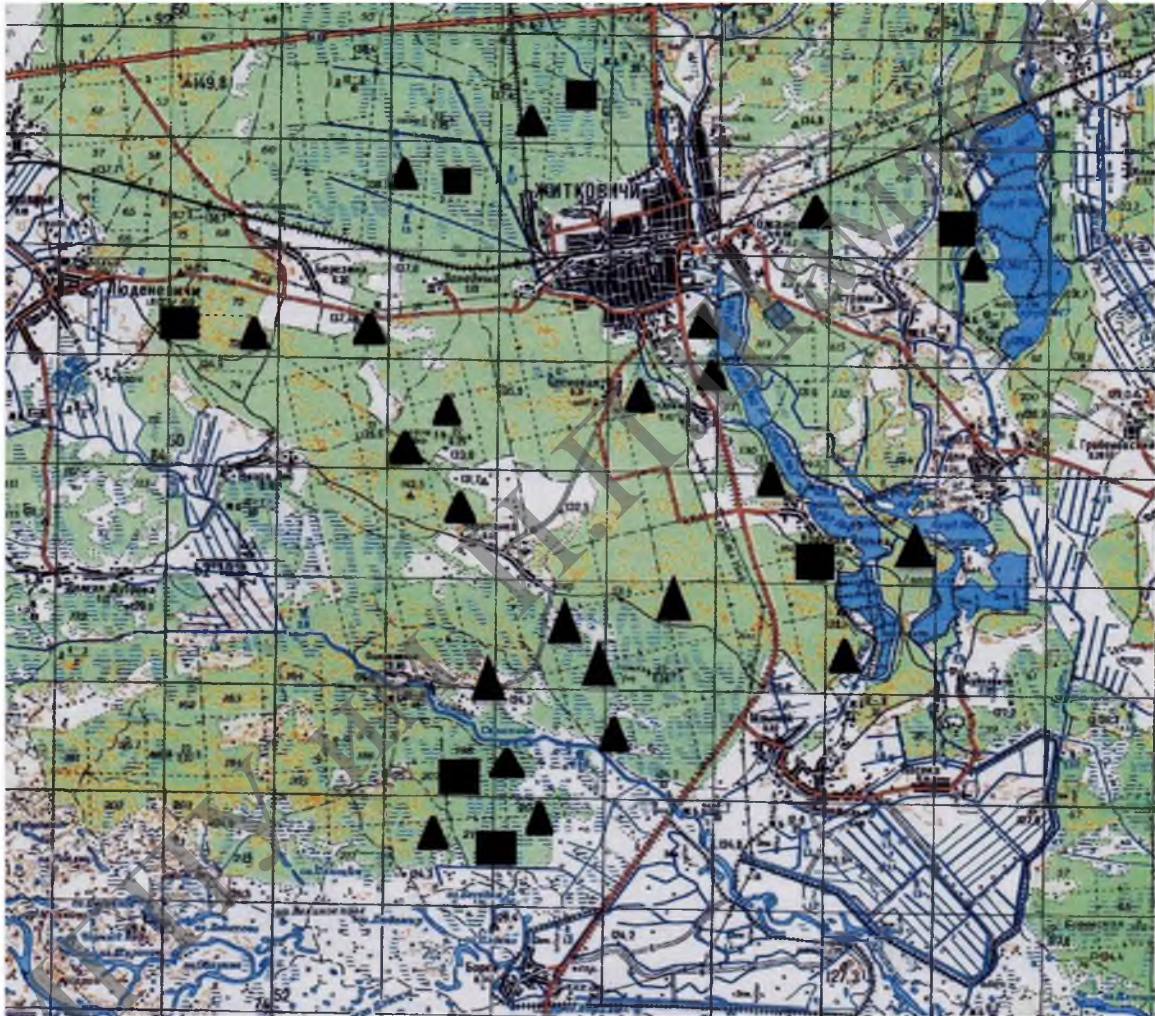
Материал и методы. Исследования проводились в весенне-летний период апрель – август 2013 года на территории Припятского Полесья. В качестве модельного объекта был выбран Житковичский район Гомельской области, на территории которого было обследовано девятнадцать деревень и поселков (Дедовка, Лагвощи, Люденевичи, Березина, Долгая Дуброва, Черетянка, Рудня, Красная Зорька, Борки, Погост, Туров, Гребень, Науть, Остранка, Забродье, Кожановичи, Подовж, Дуброва, Морохорово). Для изучения плотности поселения был применен метод пробных площадок по методике М. М. Пикублика [1]. Учетник проходит 5-метровую трансекту протяженностью в 100 метров, поворачивается и проходит ее в обратном направлении, и так 20 раз. На исследуемой территории проводился учет и отлов змей в целях изучения плотности поселения, морфометрических характеристик, фенетических особенностей. Отлов змей производился с помощью энтомологического сачка, фиксатора, ременной петли. Каждая отловленная змея была помечена индивидуальной меткой раствором (Viridis nitentis) для

избегания повторного отлова. На исследуемой территории проводилось картирование мест находок змей и «очаги» их массового скопления. За время исследований было обследовано 135 пробных площадок, что составило 135 гектаров. Всего было встречено 154 особи, из которых отловлено 68 змей *Natrix natrix* (L., 1758).

У отловленных змей *Natrix natrix* (L., 1758) проводилось описание морфологических признаков, определение вариантов комбинаций щитков, элементов рисунка тела (фенов) по методике М. М. Пикулика [1].

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе проведения данных исследований были выявлены места находок и «очаги» массового скопления *Natrix natrix* (L., 1758). Данные результаты представлены на рисунке.

▲ – места находок *Natrix natrix* (L., 1758); ■ – очаги массового скопления *Natrix natrix* (L., 1758)

Рисунок – Места находок и очаги массового скопления *Natrix natrix* (L., 1758)

за апрель – август 2013 года

Исследования показывают, что распределение *Natrix natrix* (L., 1758) на данной территории неравномерно. Ужи охотнее поселяются в лесных районах, предпочитая смешанные леса, сосняки, березняки, опушки леса и берега водоемов. Выбор места обитания обуславливается комплексом условий: степенью влажности биотопа, наличием укрытий (летних и особенно зимних), кормовой базой, наличием факторов беспокойства. Весной и осенью ужи часто встречаются на открытых участках около зимовок. Летом предпочитают возвышения среди массивов болот, экотоны леса между низменными влажными и возвышенными сухими местами, территории с травянисто-кустарниковой растительностью или поросшие кустарником южные,

восточные и западные склоны берегов рек. В лесах – опушки, поляны, иногда возвышенности и гари, вырубки, поросшие брусничкой или другими характерными для данной местности видами полукустарников и кустарников. Не только весной, но и в летнее время ужи могут образовывать скопления в особо благоприятных местах.

Находки *Natrix natrix* (L., 1758) на данной территории показывают, что преимущественные места обитания особей – это сосняки, березняки, смешанные леса, влажные и заболоченные территории, а также возле берегов рек и водоемов. Отмечены места находок ужей на лугах, полянах и вырубках леса. Высокая плотность поселения, массового скопления *Natrix natrix* (L., 1758) отмечена вблизи водоемов, заболоченных и влажных территорий леса, а также на возвышенных сухих участках лесной зоны. Данное территориальное распределение объясняется в первую очередь оптимальными абиотическими факторами, наличием видового разнообразия рациона питания, удаленностью от жилых застроек.

По результатам наших наблюдений, которые согласуются с данными других исследователей [2]–[6], видно, что наибольшая приуроченность *Natrix natrix* (L., 1758) характерна для сосняков, березняков, смешанных лесов, влажных и заболоченных территорий, а также вблизи берегов рек и водоемов, территорий лугов, полей и вырубок леса. Показатели поселения змей в разных типах биотопов представлены в таблице 1. Нами отмечено неравномерное распределение змей на исследуемой территории: места находок *Natrix natrix* (L., 1758) имеют существенный разброс, что более выражено для мест массового скопления «очагов», находящихся на значительно удаленном расстоянии друг от друга.

Таблица 1 – Характеристика биотопического распределения *Natrix natrix* (L., 1758)

Тип биотопа	Количество обследованных биотопов	Общее количество особей
Сосняк		
мшистый (сухой)	17	4
мшистый (влажный)	22	14
вересковый	19	17
Луг		
злаково-разнотравный	6	12
осоковый	4	7
Березняк		
осоковый	9	10
разнотравный	7	18
Обочины дорог	21	6
Водоем и прилегающая территория	7	21
Канавы и прилегающая территория	9	16
Территория вокруг пруда	14	29
Итого	135	154

Наибольшее количество особей *Natrix natrix* (L., 1758) на данной территории отмечено для следующих биотопов: сосняк мшистый (влажный), сосняк вересковый, луг злаково-разнотравный, березняк разнотравный, водоем и прилегающая территория, канава и прилегающая территория, территория вокруг пруда. Такое распространение змей объясняется наличием благоприятной экологической среды обитания. Для каждого из биотопов была определена плотность поселений (таблица 2).

Как показывают результаты этой таблицы, распределение обыкновенного ужа носит очаговый характер, однако плотность поселений изучаемого вида в наиболее благоприятных местообитаниях достигает значительных величин. Наибольшая плотность поселения особей характерна для биотопов: сосняк мшистый (влажный) – 5 экз./га, сосняк вересковый 6 экз./га, луг злаково-разнотравный – 3 экз./га, березняк разнотравный – 7 экз./га, водоем и прилегающая территория – 7 экз./га, канава и прилегающая территория – 4 экз./га, территория вокруг пруда – 6 экз./га. Таким образом, в исследуемых биотопах сосредоточены «очаги» массового скопления ужа обыкновенного.

Таблица 2 – Плотность поселений *Natrix natrix* (L., 1758) в различных типах биотопов

Тип биотопа	Обследованная площадь биотопа (га)	Плотность (экз./га)	
		min	max
Сосняк			
мшистый (сухой)	17	0-1	2
мшистый (влажный)	22	0-1	5
вересковый	19	0-1	6
Луг			
злаково-разнотравный	6	0-1	3
осоковый	4	0-1	2
Березняк			
осоковый	9	0-1	2
разнотравный	7	0-1	7
Обочины дорог	21	0-1	1
Водоем и прилегающая территория	7	0-1	7
Канавы и прилегающая территория	9	0-1	4
Территория вокруг пруда	14	0-1	6

Вместе с тем, если в изученном нами районе плотность поселений ужа в сосново-березовых лесах колебалась от 2-х до 7 экз./га, то на северной границе ареала в Западной Сибири она достигала лишь 6,3 экз./га [7].

Результаты изучения нескольких вариантов комбинаций щитков змеи на обследуемой территории представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Варианты комбинаций щитков *Natrix natrix* (L., 1758), $n = 68$

Комбинация	Количество особей с данной комбинацией	% от общего количества
Передних и задних нижнечелюстных		
А III	44	64,7%
А IV	24	35,3%
Первых брюшных		
Б II	13	19,1%
Б III	33	48,5%
Б IV	22	32,4%
Анальных		
В II	16	23,5%
В III	31	45,6%
В IV	21	30,9%

Проведенный сравнительный анализ показал, что варианты щитков передних и задних нижнечелюстных у *Natrix natrix* (L., 1758) на данной территории представлены как А III, так и А IV. Преобладающая – А III (64,7%), А IV (35,3%) соответственно.

Первых брюшных щитков у *Natrix natrix* (L., 1758) определено три комбинации: Б II, Б III, Б IV. Доминирующей явилась Б III (48,5%) среди всех отловленных змей.

Среди анальных щитков у большинства особей встречается проявление В III (45,6%). Всего же установлено три комбинации: В II, В III, В IV. Наименьшее – В II (23,5%) от общего количества особей.

Определенный интерес для данного региона представляет изменчивость элементов рисунка тела (фенов) *Natrix natrix* (L., 1758), что представлено нами в таблице 4. Уж обыкновенный обычно отличается от других змей, обитающих в Белоруссии, двумя крупными, довольно резко выделяющимися светлыми пятнами по бокам головы (желтыми, ярко-оранжевыми).

Таблица 4 – Изменчивость вариантов элементов рисунка тела (фенов) *Natrix natrix* (L., 1758), n = 68

Комбинация	Количество особей с данной комбинацией	% от общего количества
Варианты проявления затылочных пятен		
A ₁	---	---
A ₂	25	36,8%
A ₃	43	63,2%
A ₄	---	---
A ₅	---	---
A ₆	---	---
A ₇	---	---
Проявление пятнистости на туловище		
b	46	67,6%
B	22	32,4%

Анализ проявления затылочных пятен у *Natrix natrix* (L., 1758) показал, что для данной территории характерны только два варианта: A₂ (36,8%) и A₃ преобладающий (63,2%).

Наличие пятнистости на теле у *Natrix natrix* (L., 1758) 32,4%, а ее отсутствие 67,6% и является доминирующим.

Результаты анализа окраски спины и брюха изученного вида существенно варьируют и представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Различные варианты окраски тела *Natrix natrix* (L., 1758), n = 68

Окраска спины	Окраска затылочных пятен	Фон вентральной части тела	Количество особей	% от общего количества
Серая	Желтая	Белый	9	13,2%
Серая	Оранжевая	Голубой	6	8,8%
Темно-серая	Желтая	Белый	13	19,1%
Темно-серая	Желтая	Голубой	8	11,8%
Темно-серая	Оранжевая	Белый	32	47,1%
Итого			68	100%

Окраска дорзальной стороны тела обыкновенного ужа является сложным многоэлементным признаком, в который входят цвет и рисунок. Каждое изученное животное характеризуется наличием этих признаков, а их сочетание приводит к наблюдаемому многообразию вариантов морф. Как показывают результаты проведенных исследований, среди цветовых вариаций преобладающей является темно-серая окраска спины (78%). Окраска спины серого цвета составила у особей 22%. Было выделено несколько вариантов окраски спины и затылочных пятен:

- 1) темно-серая спина и желтые пятна (30,9%);
- 2) темно-серая спина и оранжевые пятна (47,1%);
- 3) серая спина и желтые пятна (13,2%);
- 4) серая спина и оранжевые пятна (8,8%).

Фон вентральной стороны *Natrix natrix* белого или голубоватого цвета. Белый фон отмечен у 79,4% особей, голубоватый – у 20,6% особей. У особей с голубоватым фоном в момент описания линька не наблюдалась.

Однако в исследованной нами выборке не встречен вариант красных затылочных пятен, описанный Д. А. Гордеевым [5], и отмечены отличия от ужей из других частей ареала [8]–[10].

Вместе с тем анализ наших данных показал, что преобладающей окраской затылочных пятен оказалась оранжевая с темно-серой морфой спины (47,1%). Проявление почти белой окраски затылочных пятен, оливковый и черный фены тела не зарегистрированы. Комбинации затылочных пятен *Natrix natrix* (L., 1758), не соприкасающихся друг с другом (63,2%), явились доминирующим показателем, как и по данным Т. Г. Владимировой [8], – 91%. Слияния затылочных пятен у змей не отмечено.

Такой полимарфизм окраски может быть обусловлен генетически через естественный отбор под влиянием внешней среды: характером растительности, фоном субстрата, условиями увлажнения и как результат выступать адаптивной значимостью для данного вида, обитающего на исследуемой территории.

В виду того, что окраска спины довольно изменчива: от светло-серой, до темно-серой, а фон брюха имеет белую и голубоватую окраску, – целесообразным явилось определение изменчивости элементов рисунков (фенов) брюшной стороны и вентральной части хвоста (таблица 6).

Таблица 6 – Изменчивость вариантов элементов рисунка тела (фенов), рисунков брюшной стороны и вентральной части хвоста *Natrix natrix* (L., 1758), $n = 68$

Комбинация	Количество особей с данной комбинацией	% от общего количества
Варианты проявления рисунка брюшной стороны		
V ₁	---	---
V ₂	33	48,5%
V ₃	---	---
V ₄	---	---
V ₅	27	39,7%
V ₆	8	11,8%
V ₇	---	---
Варианты проявления рисунка вентральной части хвоста		
L	35	51,5%
L ₁	19	27,9%
L ₃	14	20,6%

Установленные рисунки брюшной стороны у отловленных особей *Natrix natrix* (L., 1758) показали, что на исследуемой территории характерны три варианта (V₂, V₅, V₆). Преобладающим явился V₂ (48,5%), имеющий шахматный порядок, наиболее редким – рисунок в виде широкой темной полосы V₆ (11,8%). Вентральная часть хвоста (L, L₁, L₃) соответственно, доминирующая – L (51,5%). В то же время данные Т. Г. Владимирова [7] показали, что в основном встречаются особи с фенотипом D и F, а в нашем случае морфы совпадают только с морфой D, имеющей шахматный рисунок, что соответствует морфе V₂ (48,5%). Морфы F – различные фигуры, расположенные в хаотичном порядке – V₃ не встречены.

Выводы

1. Результаты проведенных исследований показали, что *Natrix natrix* (L., 1758) предпочитает сосняки (вересковый и влажный), березняки (осоковый и злаковый), влажные и заболоченные территории, вблизи канав и прудов, а также берега рек, луга, поляны и вырубki в лесу. Таким образом, в биологическом и экологическом отношении *Natrix natrix* (L., 1758) на территории Припятского Полесья приурочен к увлажненным участкам.

2. Анализ изменчивости окраски (фенов) *Natrix natrix* (L., 1758) показал, что преобладает темно-серая окраска спины – 78%, серая – 22%. Фон брюха, соответственно, белого и голубоватого цвета. Белый фон – 79,4%, голубоватый – 20,6%. Для змей данной территории характерны только две комбинации затылочных пятен: A₂ (36,8%), A₃ (63,2%). Проявление пятнистости на теле 32,4%, а ее отсутствие 67,6%. Рисунок брюшной стороны *Natrix natrix* (L., 1758) имеет три разновидности – V₂, V₅, V₆, вентральная часть хвоста – L, L₁, L₃. Доминирующие – V₂ (48,5%) и L (51,5%). Данный полиморфизм окраски, вероятно, определяется географическими особенностями, наличием пространственной изоляции, которая ослабляет генетический поток. Возникновение эколого-географических преград ведет к усилению дифференциации группировок и формированию их уникальной эпигенетической системы. Различия ландшафтных условий зонального характера проявляются в фенотипе змей и достигают значимых величин через относительно продолжительные промежутки времени в разобренных районах.

3. За время проведения исследований на территории Житковичского района (апрель – август 2013 года) были определены «очаги» скопления змей. Высокую плотность поселений *Natrix natrix* (L., 1758) обеспечивают 7 «очагов»: Науть, Красная Зорька, Борки, Людженевичи, Западный, Забродье (2 очага).

4. Сравнительный анализ фоллидоза показал, что комбинации щитков передних и задних нижнечелюстных у *Natrix natrix* (L., 1758) составил А III (64,7%), А IV (35,3%) соответственно. Сочетание первых брюшных щитков (Б II, Б III, Б IV), анальных (В II, В III, В IV). Доминирующие – Б III (48,5%) и В III (45,6%). Это характеризуется относительно низкой способностью к расселению, в связи с этим локальные популяции нередко оказываются в условиях репродуктивной изоляции, масштабы которой в значительной степени связаны с мозаичностью ландшафтов поселений змей. Данные отличия, в частности особенности щиткования, косвенно отражают степень генетических популяционных различий *Natrix natrix* (L., 1758).

5. Наибольшая плотность среди «очагов» отмечена в биотопах: березняк разнотравный – 7 экз./га, водоем и прилегающая территория – 7 экз./га, территория вокруг пруда – 6 экз./га. Наименьшая плотность змей на лугах осоковых, в сосняках мшистых (сухих) – 2 экз./га, по обочинам дорог – 1 экз./га. Поселения *Natrix natrix* (L., 1758) на данных территориях обусловлены в первую очередь характером местности низинного типа (влажность и заболоченность), наличием зарослей кустарников, являющихся основным убежищем, разнообразием кормовой базы (*Rana lessonae*, *Rana arvalis*, *Rana esculenta*, *Lacerta agilis*, молодь рыб), а также удаленностью от жилых застроек. В итоге, все это благоприятно сказывается на численности змей данного региона.

Літэратура

1. Пикулик, М. М. Пресмыкающиеся Белоруссии / М. М. Пикулик, В. А. Бахарев, С. В. Косов. – Минск: Наука и техника, 1988. – 166 с.
2. Табачишин, В. Г. Распространение и особенности экологии обыкновенного ужа (*Natrix natrix*) на севере Нижнего Поволжья / В. Г. Табачишин, И. Е. Табачишина // Поволж. экол. журн. – 2002. – № 2. – С. 179–183.
3. Табачишина, И. Е. Эколого-морфологический анализ фауны рептилий севера Нижнего Поволжья: дис. ... канд. биол. наук: 03.00.16 / И. Е. Табачишина. – Саратов, 2004. – 182 л.
4. Вершинин, В. Л. Амфибии и рептилии Урала / В. Л. Вершинин. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 170 с.
5. Гордеев, Д. А. Особенности распространения, биологии, экологии и морфологии ужа обыкновенного *Natrix natrix* (Linnaeus, 1758) в Волгоградской области / Д. А. Гордеев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – Т. 14, № 1. – С. 150–153.
6. Табачишин, В. Г. Распространение и особенности экологии обыкновенного ужа (*Natrix natrix*) на севере Нижнего Поволжья / В. Г. Табачишин, И. Е. Табачишина // Поволж. экол. журн. – 2002. – № 2. – С. 179–183.
7. Шишкин, А. В. Размещение и плотность популяции обыкновенного ужа (*Natrix natrix*) на северной границе ареала в Западной Сибири / А. В. Шишкин // Вопросы герпетологии: материалы IV съезда Герпетологического общества имени А. М. Никольского. – Казань, 2011. – С. 312–314.
8. Владимирова, Т. Г. К вопросу изучения морфометрии и фенетики обыкновенного ужа *NATRIX NATRIX* (SQUAMATA, REPTILIA) / Т. Г. Владимирова // Научные труды национального парка «Чаваш вармане». – Чебоксары, 2009. – Т. 3. – С. 116–122.
9. Воронов, Л. Н. Морфометрические исследования ужа обыкновенного в Алатырском районе Чувашской Республики / Л. Н. Воронов, Е. В. Владимирова, Т. Г. Владимирова // Научные труды заповедника «Присурский». – Чебоксары-Атрат: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – Т. 14. – С. 13–19.
10. Лазарева, О. Г. Змеи Ивановской области: численность, распределение, краткий морфологический и биологический очерк / О. Г. Лазарева // Актуальные проблемы герпетологии и токсикологии: сборник научных трудов. – Вып. 6. – Тольятти, 2003. – С. 64–66.

Summary

The results of *Natrix natrix* (L., 1758) field exploration on the territory of the Pripyat Polesye have been demonstrated in this article. Habitat distribution and density location of serpents have been presented. Morphological features, pholidosis and *Natrix natrix* (L., 1758) phenomes have been defined. Places of finds (23), core areas of serpents (7) have been defined. 154 species were met over a period of April – August 2013; among them 68 species of *Natrix natrix* (L., 1758) were caught.

Поступила в редакцию 14.03.14

УДК 556.11 (476.2)

ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ВОДЫ ИЗ КОЛОДЦЕВ ДЕРЕВЕНЬ ЛУЧЕЖЕВИЧИ И СЛОБОДА МОЗЫРСКОГО РАЙОНА

Е. А. Бодяковская

кандидат ветеринарных наук, доцент,
доцент кафедры природопользования и охраны природы
УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ

В. Г. Гольнец

кандидат ветеринарных наук,
Государственный пограничный комитет Республики Беларусь,
главный ветеринарный врач, г. Минск, РБ

В статье представлены результаты определения химических показателей качества питьевой воды из колодцев деревень Лучежевичи и Слобода Мозырского района в разные сезоны года. Химические показатели качества воды, за исключением содержания хлорид-ионов и ионов железа, соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям к качеству воды источников нецентрализованного питьевого водоснабжения населения. В образцах питьевой воды, взятых в деревне Слобода, концентрация хлорид-ионов и ионов железа превысила нормативный показатель.

Введение

Ресурсы для жизни всегда являлись той движущей силой, которая определяла миропорядок. Борьба за ресурсы диктовала логику расселения человеческих племен, вела первопроходцев и поднимала народы друг против друга. В разные времена разные ресурсы становились вождельной добычей экспансионистского инстинкта человечества. Однако есть природный ресурс, без которого представить существование человека невозможно, – это вода [1], [2].

С ростом численности населения планеты и загрязнения окружающей среды все больше и больше вода становится дефицитной. Ее начинает не хватать в определенных районах и для отдельных городов, стран и даже континентов. Ситуация усугубляется еще и тем, что нарастание недостатка воды повсеместно сопровождается загрязнением имеющихся водных ресурсов благодаря антропогенной деятельности человека. Международное сотрудничество является необходимым условием решения глобальной проблемы, обусловленной дефицитом пресной воды [3]–[7].

Цель работы – изучить динамику химических показателей качества воды из колодцев деревень Лучежевичи и Слобода Мозырского района по сезонам года.

Материал и методика исследований. Исследования по определению химического состава колодезной воды проводились в весенний, летний, осенний и зимний периоды в деревнях Лучежевичи и Слобода Мозырского района. В деревне Лучежевичи имеется 8 колодцев. Исследуемый колодец расположен в самом начале деревни возле проселочной дороги. Надземная часть колодца (оголовок) защищена шатром с закрывающейся дверью. Колодец оборудован железным воротом (для подъема воды) с одной ручкой. Для подъема воды из колодца используется ведро, а рядом расположена скамья для ведер. Площадка вокруг колодца не имеет покрытия. В деревне Слобода насчитывается 19 колодцев. Исследуемый колодец расположен в центре деревни. Облицовка колодца деревянная, оголовок защищен шатром с закрывающейся дверью. Подъем воды осуществляется при помощи «журавля», на который крепится ведро. Возле колодца имеется скамья для ведер. Площадка вокруг колодца не имеет покрытия. Пробы колодезной воды отбирались в соответствии с СТБ ГОСТ Р 51593-2001 Вода питьевая. Отбор проб [8]. Нормативные показатели качества воды приведены согласно СанПиН 10-124 РБ 99 [9] и Санитарных норм, правил и гигиенических нормативов «Гигиенические требования к источникам нецентрализованного питьевого водоснабжения населения» [10]. Определение гидрохимических показателей выполнено согласно стандартным методикам в ГУ «Республиканский центр аналитического контроля в области охраны окружающей среды», аккредитованной для выполнения подобных исследований. В воде определялись: концентрация ионов водорода (рН), сухой остаток, общая жесткость, содержание сульфатов, хлоридов, нитратов, ионов железа. Статистическая обработка данных выполнена в стандартном пакете Excel.

Результаты исследований и их обсуждение

Водородный показатель характеризует концентрацию свободных ионов водорода (вернее, гидроксония) в воде. В зависимости от величины рН может изменяться скорость протекания химических реакций, степень коррозионной агрессивности воды, токсичность загрязняющих веществ и т. д. Водородный показатель воды для питьевых нужд должен составлять 6,0–9,0 единиц. В исследованных образцах колодезной воды названных населенных пунктов Мозырского района данный показатель соответствовал предъявляемым требованиям (таблица).

Таблица – Водородный показатель воды из колодцев деревень Лучежевичи и Слобода

Показатель	СанПиН	Весна	Лето	Осень	Зима
		Деревня Лучежевичи			
рН, ед	6–9 ед	7,7	6,8	6,9	6,8
		Деревня Слобода			
		7,8	6,8	7,1	7,1

Как видно из таблицы, диапазон колебаний рН составил от 6,8 (в д. Лучежевичи – летом и зимой, в д. Слобода – летом) до 7,8 единиц (весной в д. Слобода).

При определении уровня общей минерализации воды (сухой остаток) в образцах колодезной воды было установлено, что все пробы воды, за исключением пробы взятой в летний период в деревне Слобода, соответствовали санитарно-гигиеническому нормативу (рисунок 1), т. е. уровень не превышал 1 500 мг/дм³. Сухой остаток представляет собой суммарный количественный показатель содержания растворенных в воде веществ. Варьирование данного показателя в деревне Лучежевичи в течение года было незначительным. В деревне Слобода отмечалось резкое возрастание данного показателя с 790 мг/дм³ (весной) до 1 546 мг/дм³ (летом), что даже незначительно превысило норматив (3%). Такое увеличение, вероятно, связано с малым поступлением влаги в почву (относительно сухое лето) и накоплением в ней большого количества солей. В другие сезоны года колебания показателя были незначительными.

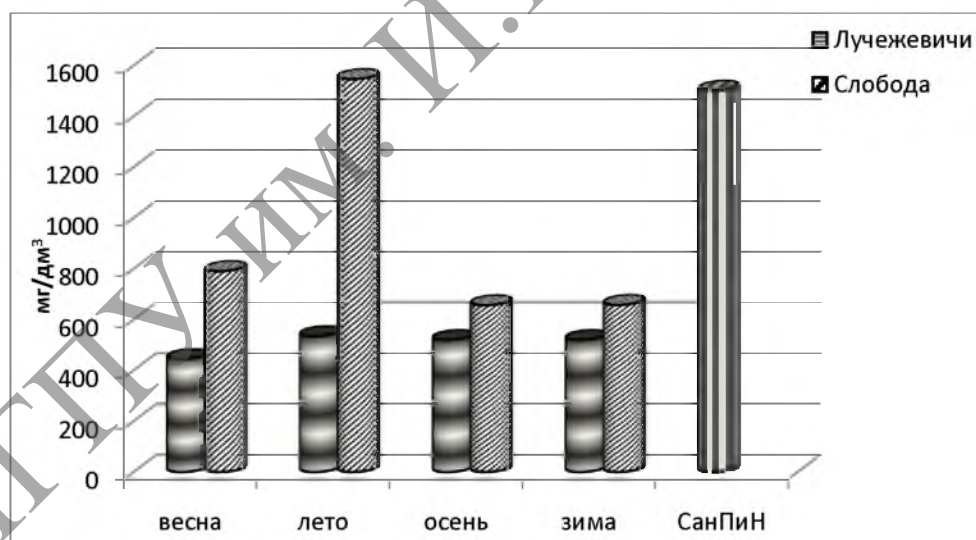

Рисунок 1 – Уровень общей минерализации колодезной воды в деревнях Лучежевичи и Слобода

Содержание в воде катионов кальция и магния придает воде так называемую жесткость. При анализе данного показателя установлено, что все образцы питьевой воды, взятой в разные сезоны года, соответствовали требованиям СанПиН (рисунок 2). При этом минимальный уровень наблюдался весной в деревне Лучежевичи – 3,2 мг-экв./дм³, а максимальный зимой в этой же деревне – 8,9 мг-экв./дм³. Как видно из рисунка 2, этот показатель в деревне Лучежевичи возрастал в каждом сезоне относительно предыдущего. А в деревне Слобода он увеличился в 2 раза летом относительно весны, что также, возможно, связано с малым поступлением влаги в почву.

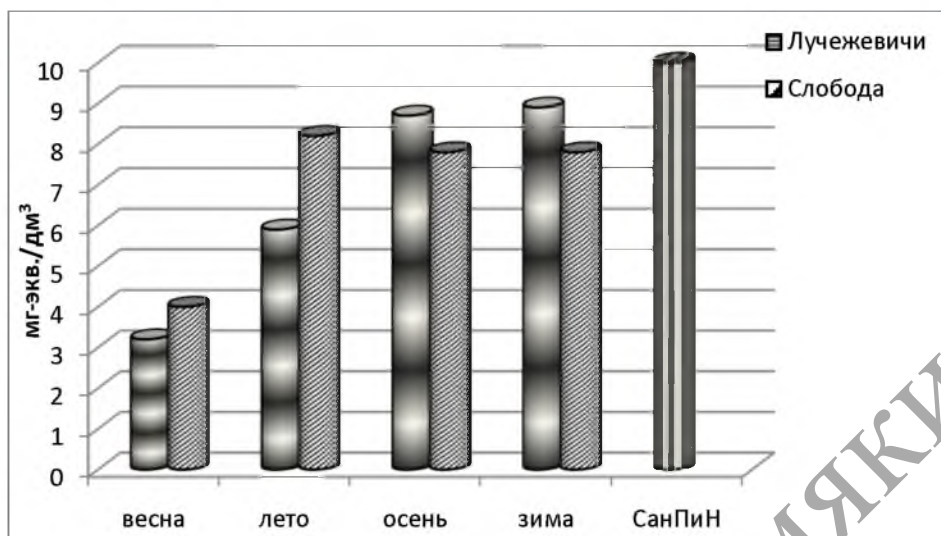

Рисунок 2 – Уровень общей жесткости в колодезной воде деревень Лучезhevичи и Слобода

В воде всегда в той или иной мере растворены различные вещества. При этом весьма существенную роль играют соли соляной и серной кислот (хлориды и сульфаты). При определении содержания сульфатов в колодезной воде было установлено, что во все сезоны года все пробы воды соответствовали нормативному показателю – до 500 мг/дм³ (рисунок 3).

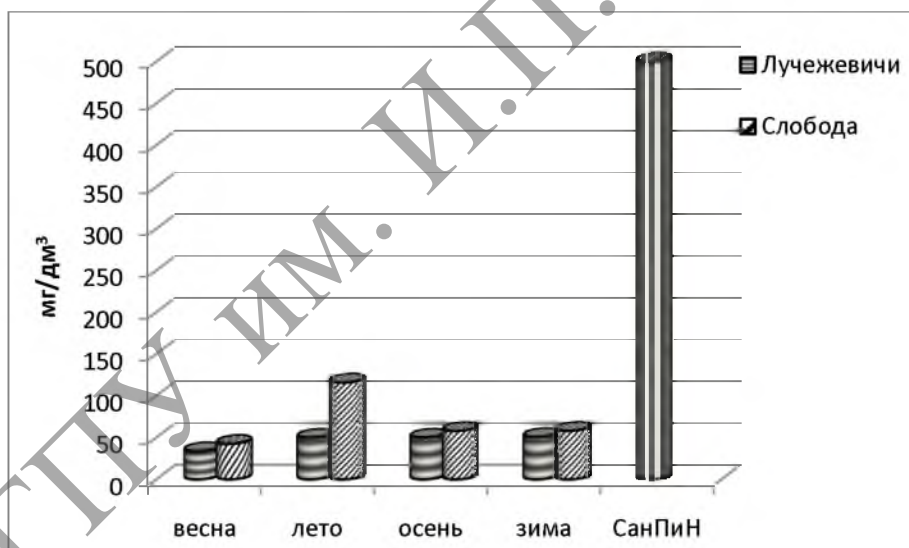

Рисунок 3 – Концентрация сульфатов в колодезной воде деревень Лучезhevичи и Слобода

Минимальный уровень сульфатов был отмечен весной в деревне Лучезhevичи – 33,8 мг/дм³, а максимальный летом в деревне Слобода – 116,0 мг/дм³. При этом в последней деревне летний показатель превысил весенний в 2,7 раза.

Уровень содержания хлоридов в питьевой воде не во все периоды года в деревне Слобода соответствовал санитарно-гигиеническим требованиям (рисунок 4). Так, в осенний и зимний периоды он незначительно превысил нормативный показатель – соответственно на 4,6% (366,0 мг/дм³) и 5,1% (368,0 мг/дм³). В летний же период превышение гигиенического требования составило 29,9% (454,9 мг/дм³). В связи с тем, что уровень хлоридов возрос именно летом, можно предположить, что весной на сельскохозяйственные поля вблизи данных населенных пунктов были внесены удобрения или же они были орошены стоками животноводческих объектов, что привело к нарушению естественного гидрогеохимического фона подземных вод. Это выразилось в росте содержания в колодезной воде хлоридов. Жителям д. Слобода хотелось бы порекомендовать

употреблять колодезную воду для питьевых нужд только после осаждения хлоридов, а это возможно только при ее замерзании или испарении. Все хлористые соли сильно растворимы, поэтому хлориды редко выпадают в осадок. Они относительно слабо подвержены ионному обмену, адсорбции и воздействию биологических факторов. Таким образом, если в водном растворе оказался хлорид, то естественные процессы с трудом выводят его из раствора. В деревне Лучежевичи минимальный уровень хлоридов наблюдался зимой – 22,8 мг/дм³, а максимальный – осенью – 229,0 мг/дм³.

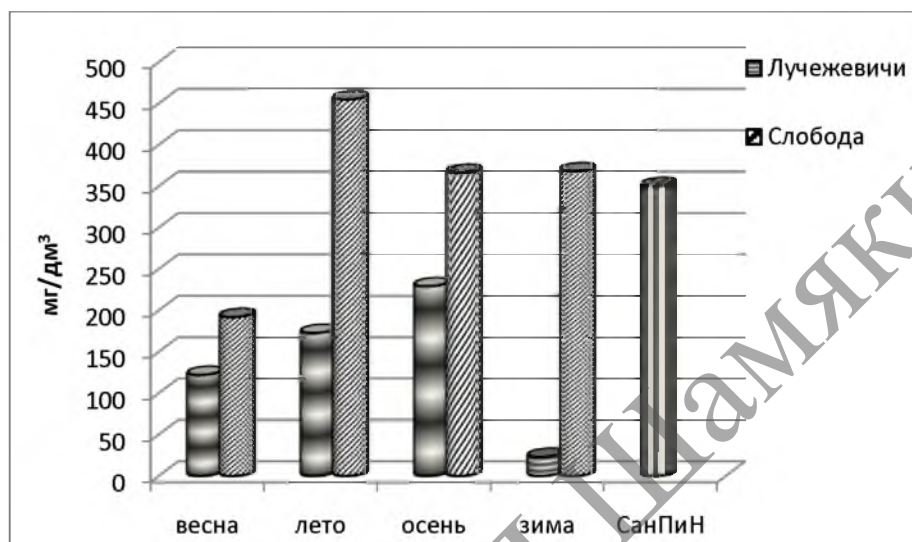

Рисунок 4 – Концентрация хлоридов в колодезной воде деревень Лучежевичи и Слобода

Согласно СанПиН [10], содержание нитратов в питьевой воде нецентрализованного водоснабжения населения не более 45 мг/дм³ является безвредным. При анализе данного показателя было установлено, что все пробы воды, исследованные во все периоды года, соответствовали требованиям к качеству воды (рисунок 5). Минимальный уровень нитратов зафиксирован летом в деревне Лучежевичи – 0,86 мг/дм³ и весной в деревне Слобода – 0,91 мг/дм³, а максимальный в этой же деревне, но в летний период – 14,27 мг/дм³. Возрастание уровня нитратов в колодезной воде деревни Слобода именно летом, возможно, связано с внесением на сельскохозяйственные поля вблизи данных населенных пунктов азотных удобрений. Однако стоит заметить, что уровень нитратов в питьевой воде не превысил нормативный показатель.

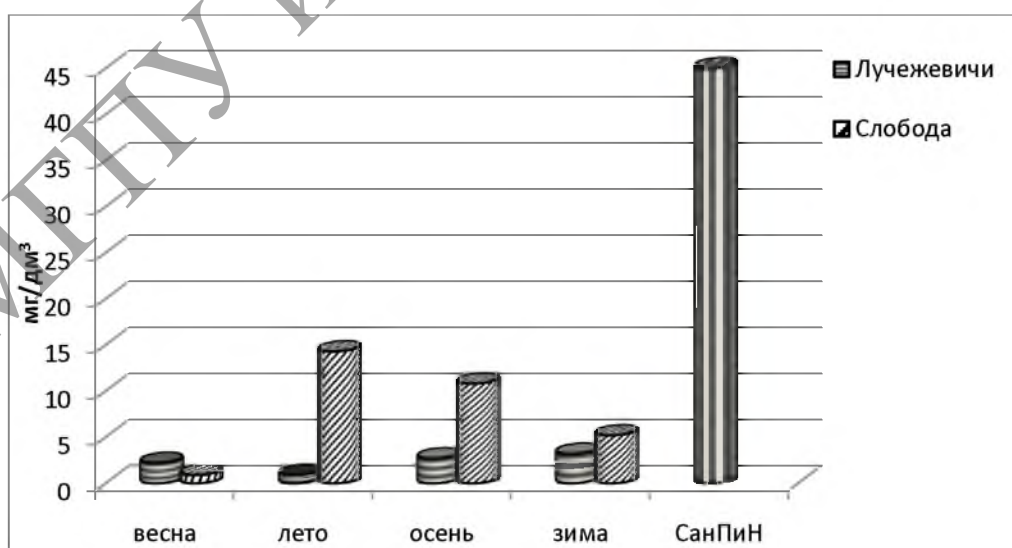

Рисунок 5 – Концентрация нитратов в колодезной воде деревень Лучежевичи и Слобода

По содержанию железа в питьевой воде более 70% разведанных подземных водоисточников в Республике Беларусь не соответствует гигиеническим требованиям. Концентрация соединений железа в них составляет от 1 до 10 мг/л и более [3], [11]. Присутствие в воде железа не угрожает здоровью. Однако при употреблении для питья воды с содержанием железа выше норматива человек рискует приобрести различные заболевания печени, аллергические реакции и др. При определении данного показателя в колодезной воде деревни Лучежевичи было установлено, что все пробы воды соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям (рисунок 6). При этом минимальный уровень ионов железа отмечен весной – 0,21 мг/дм³, а максимальный осенью и зимой – 0,29 мг/дм³. А в деревне Слобода не все пробы воды соответствовали нормативу. Осенью этот показатель превысил требования СанПиН на 10% (0,33 мг/дм³), а зимой – на 13% (0,34 мг/дм³).

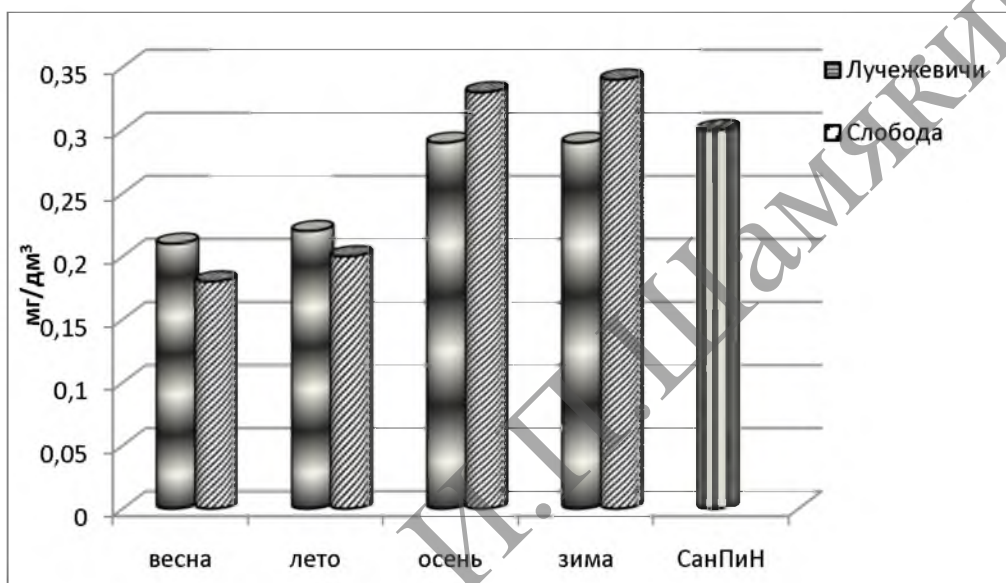

Рисунок 6 – Концентрация ионов железа в колодезной воде деревень Лучежевичи и Слобода

В связи с высоким содержанием железа в колодезной воде жителям деревни Слобода можно порекомендовать несколько способов снижения его уровня в воде. И хотя на сегодняшний день не существует единого универсального метода комплексной очистки воды от всех существующих форм железа, используя ту или иную схему водоподготовки, можно добиться желаемого результата в каждом конкретном случае.

Наиболее простые способы, используемые нашими предками:

- отстаивание воды, правда, процесс осаждения коллоидных частиц гидроксида трехвалентного железа происходит медленно;
- кипячение воды, тем самым еще и обеззараживая ее;
- заморозка воды – это наиболее действенный метод, но, к сожалению, трудоемкий и длительный.

Традиционные методы обезжелезивания воды основываются на окислении двухвалентного железа кислородом воздуха (аэрация) и сильными окислителями (хлор, перманганат калия, перекись водорода) до трехвалентного состояния, с образованием нерастворимого гидроксида железа (III), который впоследствии удаляется отстаиванием или фильтрацией. Окисление железа аэрацией может проводиться: переливанием воды из одной емкости в другую несколько раз, фонтанированием, душированием. Во многих случаях вода, прошедшая обезжелезивание аэрацией с последующим отстаиванием и фильтрацией, уже оказывается пригодной к употреблению в качестве питьевой. Добавление в воду сильных окислителей значительно интенсифицирует процесс окисления двухвалентного железа. Наиболее широко применяется для очистки воды от железа хлорирование, позволяющее также решить проблему дезинфекции воды. Что касается современных систем очистки воды, то, если верить специалистам, самыми эффективными являются фильтры [12].

Выводы

Таким образом, анализ полученных результатов показал, что химические показатели качества воды, отобранной из колодцев деревень Лучежевичи и Слобода в разные сезоны года, соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям к качеству воды источников нецентрализованного питьевого водоснабжения населения, за исключением содержания хлоридов и ионов железа. В образцах питьевой воды, взятой в деревне Слобода в летний период, уровень хлоридов в воде превысил норматив на 29,9%. А в осенний и зимний периоды он был выше гигиенической нормы соответственно на 4,6% и 5,1%. В этой же деревне концентрация ионов железа превысила нормативный показатель осенью (на 10%) и зимой (на 13%). Также в деревне Слобода в пробах колодезной воды, отобранных в летний период, было установлено незначительное превышение (3%) сухого остатка. В деревне Лучежевичи динамика химических показателей колодезной воды в течение всего года соответствовала предъявляемым к ним требованиям СанПиН, что указывает на высокое качество колодезной воды.

Літэратура

1. Батмангхелидж, Ф. Вода для здоровья / Ф. Батмангхелидж. – Минск : Попурри, 2004. – 88 с.
2. Засименко, В. В. Получение полноценной питьевой воды – проблема национальной безопасности / В. В. Засименко // Водный доктор [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://www.wdprof.ru/ru/need-to-know/articles-and-publications/384-2011-02-14-12-56-12.html>. – Дата доступа : 18.12.2013.
3. Станкевич, Р. А. Картирование качественных показателей подземных источников водоснабжения – актуальная задача в Беларуси / Р. А. Станкевич // Белорусский геологический портал [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://geology.by/-q-q/673-art1.html>. – Дата доступа : 08.12.2013.
4. Зуев, В. Н. Изучение и охрана водных объектов / В. Н. Зуев. – Минск : Орех, 2006. – 70 с.
5. Валетов, В. В. К вопросу о гидрохимической оценке состояния родников Мозырского района / В. В. Валетов, Н. А. Лебедев, И. М. Шиманская // Природные ресурсы Национального парка «Припятский» и других особо охраняемых природных территорий Беларуси: изучение, сохранение, устойчивое использование : сб. науч. тр. / ГПУ НП «Припятский»; редкол.: В. И. Парфенов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2009. – С. 47–49.
6. Позин, С. Г. Качество воды источников нецентрализованного хозяйственно-питьевого водоснабжения в 1994 и 2009 годах / С. Г. Позин // Военная медицина. – 2011. – № 2. – С. 92–95.
7. Позин, С. Г. О некоторых направлениях обеспечения безопасности воды для здоровья населения Республики Беларусь / С. Г. Позин, Т. В. Амвросьева, В. И. Ключенович // Военная медицина. – 2006. – № 1. – С. 90–93.
8. Вода питьевая. Отбор проб : СТБ ГОСТ Р 51593-2001. – Введ. 01.11.2002. – Минск : Гос. комитет по стандартизации Респ. Беларусь, 2001. – 12 с.
9. Вода питьевая. Общие требования к организации методам контроля качества : СТБ 1188-99. – Введ. 01.07.2000. – Минск : Госстандарт: Гос. стандарт Респ. Беларусь, 2006. – 20 с.
10. Санитарные нормы, правила и гигиенические нормативы «Гигиенические требования к источникам нецентрализованного питьевого водоснабжения населения»: Постановление № 105. – Введ. 02.08.2010. – Минск : М-во здравоохранения Респ. Беларусь, 2011. – 20 с.
11. Плитман, С. Н. К вопросу корректировки гигиенических нормативов с учетом уровня жесткости питьевой воды / С. Н. Плитман // Гигиена и санитария. – 1998. – № 7. – С. 5–7.
12. Мосин, О. В. Очистка воды от железа / О. В. Мосин // Вода. ру [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : osode.ru/article/answer/clean/o4ictka_vody_ot_geleza.htm. – Дата доступа : 08.01.2014.

Summary

Chemical quality factors of drinking-water from the wells in the Luhezhevichi village and the Sloboda village (Mozyr district) have been defined in the different periods of the year. Chemical quality factors of water (except chloride ions and iron ions content) corresponds to sanitary requirements to quality of water from the noncentralized sources of domestic water supply. Concentration of chloride ions and iron ions have been over the limits in the samples of drinking water taken in the Sloboda village.

Поступила в редакцию 12.03.14

УДК 576.895.421:502.4

ЗОНАЛЬНЫЕ И БИОТОПИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ИКСОДОВЫХ КЛЕЩЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА «НАРОЧАНСКИЙ»**Е. И. Бычкова**

доктор биологических наук, доцент,
ГНПО «НПЦ НАН Беларуси по биоресурсам»,
заместитель генерального директора по научной и инновационной работе,
г. Минск, РБ

*Оценена значимость различных типов биотопов в поддержании численности преимагинальных стадий иксодовых клещей на территории НП «Нарочанский». В ряду заповедная зона – регулируемого пользования – хозяйственная зона наблюдается увеличение в 2,5 раза относительной численности преимагинальных фаз *I. ricinus* на мышевидных грызунах.*

Введение

Иксодовые клещи являются важнейшим компонентом паразитарной системы возбудителей природно-очаговых инфекций, так как они могут длительно хранить и участвовать в циркуляции возбудителей в популяциях диких и домашних животных. Возможность паразитирования имагинальной фазы на человеке делает иксодид одними из наиболее опасных переносчиков. Распространение иксодовых клещей на территории национальных парков имеет свои особенности из-за того, что нацпарки характеризуются наличием больших по площади лесных массивов, которые граничат с территориями, используемыми в рекреационных целях. Согласно функциональному зонированию на территории Национального парка «Нарочанский» выделены 3 зоны (заповедная зона, зона регулируемого пользования, хозяйственная зона), которые характеризуются различной степенью антропогенной нагрузки, а следовательно, различной численностью иксодовых клещей и формированием участков повышенной опасности в отношении природно-очаговых инфекций. В зоне регулируемого пользования и хозяйственной зоне лесные массивы постоянно подвергаются рекреационным нагрузкам, постепенно изменяя свой облик, приспособляясь к антропогенному воздействию и, тем не менее, в большей степени сохраняют облик естественных биоценозов. Учитывая то, что зоны отдыха характеризуются повышенной плотностью людей, увеличивается возможность их контакта с возбудителями клещевых инфекций. В этих условиях формируются сообщества хозяев и паразитов, отличающиеся от таковых в лесных массивах заповедной зоны, где антропогенное воздействие сведено к минимуму. При этом необходимо отметить, что роль различных типов биоценозов в поддержании численности имаго и преимагинальных стадий иксодид не одинакова. Это определяется целым рядом факторов: экологической емкостью биотопов в отношении данной группы членистоногих, наличием прокормителей преимагинальных и взрослых стадий иксодовых клещей, степенью рекреационной нагрузки, а также сочетанием вышеуказанных факторов с климатическими особенностями биотопа.

В связи с вышесказанным, целью данной работы было исследование биотопического распределения имаго и преимагинальных стадий иксодовых клещей, установление особенностей их зонального распределения для установления зон повышенной эпидемической опасности в отношении клещевых инфекций и разработки научных основ их профилактики с минимальным ущербом для природных комплексов национального парка.

Материалы и методы исследований. Материалом для настоящей статьи послужили данные по изучению в 2010–2012 гг. видового состава, численности и биотопического распределения иксодовых клещей на территории Национального парка «Нарочанский» в трех зонах с различной степенью антропогенной нагрузки: заповедной, регулируемого пользования и хозяйственной зоне в однотипных формациях (сосновые леса, черноольшаники и суходольные луга). Учеты численности мышевидных грызунов проводились плашками «Геро» с последующим пересчетом числа пойманных зверьков на 100 ловушко-суток (л.-с.) [1]. Отловленных зверьков помещали в матерчатые белые мешочки. Личиночных стадий иксодид, собранных с грызунов,

фиксируют в 70° спиртом. Для их определения изготавливали постоянные препараты. Ювенильные стадии иксодовых клещей заделывали в жидкость Фора-Берлеза [2].

Учеты численности имаго иксодовых клещей проводились по общепринятой методике [3] в течение теплого периода с мая по октябрь посредством сбора их на флаг. В связи с особенностями суточного хода активности половозрелой фазы иксодиды учеты проводили в период ее максимума: в ясные дни утром, от момента высыхания росы до наступления дневной жары, и вечером, после спада жары до наступления сумерек или вечернего понижения температуры; в пасмурные дни при отсутствии полуденной жары. Протяженность маршрута составляла 1 м (флага/км). Имаго иксодовых клещей фиксируются в 70° этиловом спирте [4].

Для оценки степени опасности территории в отношении Лайм-боррелиоза рассчитывали индекс бактериофорности иксодовых клещей – лабораторно установленный процент инфицированных клещей боррелиями [5].

Результаты исследований и их обсуждение

В результате проведенных исследований установлено, что во всех обследованных биотопах на территории Национального парка «Нарочанский» на мелких млекопитающих в личиночной стадии паразитирует 2 вида иксодовых клещей – *Ixodes ricinus* (Linnaeus, 1758) и *Ixodes trianguliceps* Birula, 1895 с доминированием преимагинальных стадий *I. ricinus* (встречаемость (В) – 26,4%, относительная численность 0,9 экземпляров (экз.) на 1 зверька). Клещи *I. ricinus* относятся к пастбищным видам иксодид, клещ *I. trianguliceps* характеризуется переходом от пастбищного типа паразитирования к гнездово-норовому. По мнению И. Т. Арзамасова [6], в условиях Беларуси личинки и нимфы этого вида встречаются на хозяевах в течение круглого года, в том числе и в зимний период. Имеющиеся литературные данные позволяют утверждать, что, во всяком случае, на территории Беларуси для *I. trianguliceps* характерен своеобразный (смешанный) тип паразитирования, при котором личинки и нимфы проявляют активность в течение всего года, встречаясь в норах грызунов и на животных-прокормителях, а имаго только в весенне-летнее время, когда ведут пастбищный образ жизни. Распределение личиночных стадий и имаго иксодид носит дискретный характер, и, как указывалось выше, роль различных типов биоценозов в данном процессе не одинакова.

Сосновые леса. В сосновых лесах Национального парка «Нарочанский» зараженность мелких млекопитающих ювенильными стадиями *I. ricinus* составила 20,2%, относительная их численность – 0,3 экз. на 1 зверька, для *I. trianguliceps* значения данных показателей были значительно ниже и составили 2,9% и 0,03 экз. на 1 зверька соответственно. По всем показателям у мышевидных грызунов доминировали преимагинальные стадии *I. ricinus*.

Основными прокормителями преимагинальных фаз иксодид в сосновых лесах являются рыжая полевка и желтогорлая мышь. На рыжей полевке зарегистрировано паразитирование двух видов иксодид в двух зонах: заповедной (В – 18,9, индекс обилия (ИО) – 0,2) и регулируемого пользования (В – 28,1, ИО – 0,6), в хозяйственной зоне один вид – *I. ricinus* (В – 14,6, ИО – 0,2). Средняя зараженность рыжих полевок *I. ricinus* составляла 0,3 экз. на одного зверька. Выявлены зональные изменения данного показателя от 0,1 в заповедной зоне до 0,5 экз. в хозяйственной зоне. Высокие значения показателя частоты встречаемости и обилия ювенильных стадий *I. ricinus* в сосняках обусловлены высокими значениями плотности популяций рыжей полевки, достигающими своего максимума в сосновых лесах зоны регулируемого пользования и в хозяйственной зоне (10,9 и 7,9 экз./100 л.-с. соответственно). На желтогорлых мышках зарегистрирован один вид – *I. ricinus* (В – 36,0, ИО – 0,9) в сосняках двух зон – регулируемого пользования и хозяйственной зоне (В – 36,4 и 36,7 соответственно).

Преимагинальные стадии *I. trianguliceps* в данном биотопе отмечены на рыжей полевке в двух зонах: заповедной (В – 10,8, ИО – 0,1) и регулируемого пользования (В – 1,8, ИО – 0,02). В целом в сосновых лесах зоны регулируемого пользования зарегистрированы самые высокие показатели относительной численности преимагинальных стадий иксодид (ИО – 0,7) для всей территории национального парка.

Что касается относительной численности имаго *I. ricinus*, то максимальные ее значения отмечены для сосновых лесов хозяйственной зоны – 2,0 экз. на флаг/км. При сравнении полученных результатов исследований с данными 80-х годов прошлого столетия установлено, что с изменением режима заповедности под влиянием антропогенной нагрузки на экосистемы происходит освоение иксодовыми клещами новых биотопов (сосновых лесов), увеличение их

численности. В ряду заповедная зона – регулируемого пользования – хозяйственная зона в сосновых лесах численность имаго *I. ricinus* возрастает в 4 раза. Кроме того, в сосновых лесах зоны регулируемого использования и хозяйственной зоны зарегистрированы иксодовые клещи, инфицированные боррелиями с равными значениями индекса бактериофорности – 33,3%, что свидетельствует о повышенной опасности данного типа биотопа в отношении боррелиоза. Учитывая тот факт, что сосновые леса на территории зоны регулируемого пользования и хозяйственной зоны занимают достаточно большую площадь, примыкают непосредственно к санаторно-оздоровительным учреждениям и интенсивно подвергаются рекреационной нагрузке, то существует необходимость проведения мониторинга за численностью иксодовых клещей в сосняках на территории этих зон.

Черноольшовые леса. В черноольшаниках на территории НП «Нарочанский» на мелких млекопитающих зарегистрированы преимагинальные стадии 2 видов иксодовых клещей – *I. ricinus* (В – 42,0, ИО – 0,8) и *I. trianguliceps* (В – 2,8, ИО – 0,03). Прокормителями личиночных фаз иксодид в данном биотопе являются три вида мышевидных грызунов: рыжая полевка, желтогорлая и полевая мыши. Основная роль в прокормлении иксодид принадлежит рыжей полевке и желтогорлой мыши, что обусловлено высокой относительной их численностью в данном биотопе – 4,3 и 2,2 экз. на 100 л.-с. (соответственно). На рыжей полевке зарегистрировано паразитирование двух видов иксодид. *I. ricinus* паразитировал на этом виде грызунов во всех трех зонах с увеличением относительной численности в ряду заповедная зона – регулируемого пользования – хозяйственная зона с 0,3 экз. (заповедная зона) до 1,6 экз. на одного зверька (хозяйственная зона). *I. trianguliceps* на рыжих полевках зарегистрирован в черноольшаниках только заповедной зоны (В – 16,7, ИО – 0,2). Желтогорлая мышь участвует в поддержании численности только 1 вида личиночных стадий иксодид – *I. ricinus* (В – 31,3, ИО – 0,7) в двух зонах – регулируемого пользования и хозяйственной зоне с частотой встречаемости 21,4% и 38,9% соответственно. Относительное обилие *I. ricinus* на этих грызунах по зонам примерно одинаково – 0,6 (зона регулируемого пользования) и 0,7 экз. на одного зверька (хозяйственная зона). Полевая мышь, имеющая невысокую численность, только в черноольшаниках хозяйственной зоны принимает участие в прокормлении *I. ricinus* (ИО – 0,8). Как показывают результаты исследований, в ряду заповедная зона – регулируемого пользования – хозяйственная зона происходит расширение круга хозяев иксодид с 1 (заповедная зона) до 3 (хозяйственная зона), увеличение средней зараженности мышевидных грызунов преимагинальными стадиями иксодовых клещей в 3 раза (с 0,4 до 1,2 экз. на одного зверька). Несмотря на то, что в зараженности грызунов личиночными стадиями *I. ricinus* в черноольшаниках выявлена тенденция к увеличению данного показателя в направлении от заповедной к хозяйственной зоне, в изменении численности имаго иксодовых клещей в данном направлении достоверных различий не выявлено ($p < 0,05$). Вероятно, изменение этого показателя зависит еще и от численности прокормителей взрослых стадий иксодид, а также абиотических факторов в данном типе биотопов. В зоне регулируемого пользования отмечены иксодовые клещи, инфицированные боррелиями (индекс бактериофорности – 30,0%).

Суходольные луга. На суходольных лугах Национального парка «Нарочанский» в поддержании численности преимагинальных стадий иксодид участвуют 4 вида мышевидных грызунов. На мышевидных грызунах в данном типе биотопов зарегистрировано 2 вида иксодовых клещей – *I. ricinus* (В – 18,6, ИО – 0,7) и *I. trianguliceps* (В – 4,3, ИО – 0,06), которые паразитируют на рыжей полевке. *I. ricinus* паразитировал на данном виде мышевидных грызунов в двух зонах: заповедной (В – 8,3, ИО – 0,1) и хозяйственной (В – 25,0, ИО – 0,25), а *I. trianguliceps* – только в заповедной зоне (В – 12,5, ИО – 0,2). В данном биотопе обыкновенная полевка характеризуется самой высокой численностью, что и обуславливает высокую степень зараженности ее ювенильными стадиями *I. ricinus* (В – 23,3, ИО – 0,6) в двух зонах – регулируемого пользования и хозяйственной зоне (В – 9,1 и 31,6, соответственно). Выявлены зональные особенности изменения относительного обилия *I. ricinus* на грызунах данного вида: увеличение относительной численности личиночных стадий *I. ricinus* с 0,1 в зоне регулируемого пользования до 0,9 экз. на одного зверька в хозяйственной зоне. Низкая относительная численность полевой мыши в данном биотопе во всех зонах снижает ее роль в прокормлении ювенильных стадий *I. ricinus*. Анализ полученных результатов исследований показал, что в ряду заповедная зона – регулируемого пользования – хозяйственная зона на суходольных лугах наблюдается увеличение в 1,5 раза относительной численности личиночных стадий иксодид, тогда как значения показателя их встречаемости

на грызунах знаходзяцца прыкладна на адным узроўні. В цэлым на тэрыторыі Нацыянальнага парка «Нарочанскі» в ряду заповедная зона – рэгулируемого пользования – хозяйственная зона наблюдается увеличение в 2,5 раза относительной численности преимагинальных фаз *I. ricinus* на мышевидных грызунах (рисунок). Выявлены зональные особенности изменения относительной численности имаго иксодовых клещей от 1,5 до 8,0 экз. на флаго/км, достигая максимального значения на суходольном лугу в хозяйственной зоне (8,0 экз. на флаго/км). Зараженность имаго иксодовых клещей боррелиями в данном биотопе составила 50,0%.

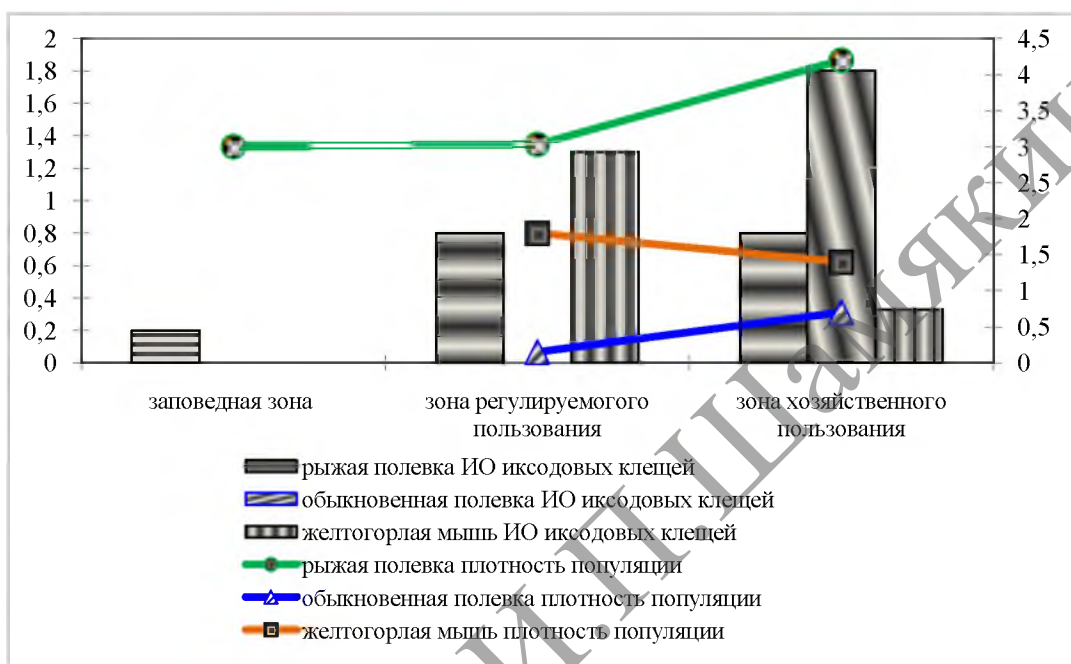

Рисунок – Относительная численность преимагинальных стадий иксодовых клещей и плотность популяций грызунов в различных зонах на территории НП «Нарочанский»

Выводы

1. Таким образом, оценивая значимость различных типов биотопов в поддержании численности преимагинальных стадий иксодовых клещей, следует отметить, что основную роль в данном процессе на территории Национального парка играют черноольшаники. Это обусловлено широким кругом прокормителей (3 вида) в данном биотопе, высокой их относительной численностью (суммарный показатель плотности их популяций составил 6,9 экз./100 л.-с) и зараженностью мышевидных грызунов преимагинальными стадиями иксодид (средняя зараженность варьирует от 0,4 до 1,2 экз. на одного зверька).

2. Мелкие млекопитающие играют важную роль в поддержании численности личинок и нимф *I. ricinus* в силу своего широкого распространения на территории Беларуси и высокой их численности. Установленную значимость различных видов мышевидных грызунов в поддержании численности *I. ricinus* можно использовать при составлении краткосрочного прогноза резкого увеличения численности взрослых клещей и предпринимать соответствующие меры против подобных вспышек.

3. Что касается значимости различных биотопов в поддержании численности имаго иксодовых клещей, то здесь основную роль во всех зонах играют суходольные луга, которые характеризуются самыми высокими показателями относительной численности иксодид (min – 1,5, max – 8 экз. на флаго/км). При этом выявлена тенденция в возрастании численности клещей *I. ricinus* в данном типе биотопов с увеличением антропогенной нагрузки на экосистемы (в 5,3 раза).

Перечень сокращений

экз. – экземпляров;

В – встречаемость, в %;

ИО – индекс обилия;

экз./100 л.-с. – экземпляров на 100 ловушко-суток.

Літаратура

1. Кучерук, В. В. Новое в методике количественного учета вредных грызунов и землероек / В. В. Кучерук // Организация и методика учета птиц и вредных грызунов. – М. : АН СССР, 1963. – С. 159–183.
2. Брегетова, Н. Г. Гамазовые клещи (Gamasoidea) / Н. Г. Брегетова. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. – 246 с.
3. Филипова, Н. А. Иксодовые клещи подсемейства Ixodinae. Фауна СССР. Паукообразные / Н. А. Филипова. – Л. : Наука, 1977. – Т. 4. – Вып. 4. – 396 с.
4. Филипова, Н. А. Тажный клещ *Ixodes persulcatus* Schulze (Acarina, Ixodidae): Морфология, систематика, экология, медицинское значение / Н. А. Филипова. – Л. : Наука, 1985. – 416 с.
5. Веденьков, А. Л. Порядок расчета и использования показателя степени активности природного очага (САПО) болезни Лайма / А. Л. Веденьков. – Постановление № 13-4/73 от 09.02.2005 г. – 5 с.
6. Арзамасов, И. Т. Иксодовые клещи / И. Т. Арзамасов. – Минск : изд-во АНБССР, 1961. – 123 с.

Summary

The importance of various types of biotopes in maintenance of larva and nymph stages of *Ixodes* ticks number on the territory of the NP "Narochansky" has been evaluated. The increase by 2,5 times of larva and nymph stages of *I. ricinus* relative number on rodents has been observed among protected zone – regulated nature zone – economic use zone.

Поступила в редакцию 21.03.14

МДПУ ІМ. І. П. ШАМЯКІНА

УДК 636.2.087.72: 612.015.31

**СОДЕРЖАНИЕ МАКРО- И МИКРОЭЛЕМЕНТОВ
В КОРМАХ И КРОВИ У КОРОВ-ПЕРВОТЕЛОК НА ТРЕТЬЕМ МЕСЯЦЕ ЛАКТАЦИИ****О. П. Позывайло**

кандидат ветеринарных наук, доцент,

декан биологического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ

И. В. Котович

кандидат биологических наук, доцент,

заведующий кафедрой биологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ

Н. В. Кулеш

студентка биологического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ

Проведены исследования минерального питания и обмена у коров-первотелок третьего месяца лактации в СПК «Козенки-Агро» Мозырского района Гомельской области. Установлено, что в рационе животных имеет место дефицит макроэлементов (кальция, фосфора) и микроэлементов (кобальта, меди и цинка). В сыворотке крови снижено содержание кальция, а в цельной крови – меди, цинка и кобальта. С целью профилактики нарушения обменных процессов у первотелок и предупреждения алиментарных заболеваний необходимы введение в их рацион минеральных премиксов и добавок с учетом норм кормления и продуктивности, а также мониторинг химического состава кормов и биохимический анализ крови.

Введение

В условиях промышленной технологии производства молока и высокой концентрации поголовья, возросшего числа различных стресс-факторов, несбалансированности рационов по отдельным элементам питания, особенно у высокопродуктивных животных нередко снижается иммунитет, нарушается обмен веществ, что приводит к алиментарным заболеваниям.

Увеличение и распространение алиментарных заболеваний связано с изменением традиционного типа кормления и содержания: уменьшением в рационах сена, корнеплодов, увеличением концентратов, силосованных кислых кормов, недостатком инсоляции, движения и низким обеспечением животных минеральными веществами [1].

Характерной особенностью минеральных веществ является то, что они не синтезируются в живых организмах и должны регулярно поступать с кормами и водой. Кроме того, большинство эссенциальных макро- и микроэлементов не способны накапливаться в организме животных, даже при их высоком содержании во внешней среде. В сложившихся условиях чаще приходится иметь дело с недостаточным содержанием в организме животных не одного, а нескольких нормируемых минеральных элементов, а также неправильным их соотношением, что в значительной степени лимитирует продуктивность и здоровье скота. Это происходит потому, что «срабатывает» сформулированный Юстусом Либихом «закон минимума». Следовательно, как ни нормируй рацион по другим компонентам, они не будут эффективно включаться в метаболические процессы и положительно влиять на удои и привесы [2].

Патологии обмена веществ, связанные с нарушением минерального обмена, у высокопродуктивных коров обычно развиваются, проходя две стадии. Первая – субклиническая (скрытая) – протекает в форме недостаточности или дисбаланса минерального обмена веществ, но без клинического проявления. Диагностируется она только по данным биохимических исследований крови, молока и мочи. Вторая – клиническая стадия. Проявляется наличием общих и специфических синдромов, свойственных болезням нарушения минерального обмена веществ. Установлено, что субклинические хронические нарушения минерального и других обменов у высокопродуктивных коров прогрессирует в конце стойлового периода содержания и пик клинически выраженных заболеваний обмена веществ приходится на период с марта по май. Затем при переходе на пастбищно-выгульное содержание обменные процессы постепенно нормализуются [1].

Высокопродуктивные коровы намного требовательнее к условиям кормления и содержания, чем животные со средней продуктивностью. Повышенная молочная продуктивность вызывает

большое напряжение обменных процессов в организме и предъявляет соответствующие требования к качеству кормов, организации полноценного кормления и ранней диагностике нарушений метаболизма. Нормальное физиологическое состояние коров и их высокая продуктивность возможны лишь при детализированном нормировании потребностей в энергии, питательных и биологически активных веществах и обеспечении этих потребностей за счет рационального подбора кормов и соответствующих подкормок. Основные заболевания лактирующих коров проявляются в первые месяцы лактации, то есть во время выхода на пик продуктивности. Они обусловлены изменениями в обмене веществ в переходный период, которые не подкрепляются адекватными изменениями в организации кормления и достаточным обеспечением питательными веществами. У 60–80% высокопродуктивных коров в период интенсивного раздоя наблюдается закономерное отклонение от нормы ряда биохимических показателей [3].

Таким образом, постоянный контроль за полноценностью минерального кормления, качеством кормов является необходимым условием для достижения высокой продуктивности коров, длительного производственного их использования и повышения экономической эффективности отрасли молочного скотоводства.

Целью нашей работы было изучение взаимосвязи между содержанием макроэлементов (Ca, P, Mg), микроэлементов (Cu, Zn, Co, Mn, Fe) в кормах и крови дойных коров на третьем месяце лактации.

Методы исследования. Работа проводилась на базе молочного комплекса СПК «Козенки-Агро» Мозырского района Гомельской области. Для решения поставленных задач были отобраны 10 коров-первотелок черно-пестрой породы (привязное содержание) третьего месяца лактации с живой массой 480–500 кг и среднесуточным удоем 14 кг. Коровы получали рацион, состоявший из силоса кукурузного (20 кг), сенажа разнотравного (8 кг), комбикорма собственного изготовления (4 кг), жмых рапсовый (0,8 кг).

Исследование кормов, входивших в состав рациона первотелок, проводили в соответствии с традиционными методами зоотехнического анализа в научно-исследовательском институте прикладной ветеринарной медицины и биотехнологии учреждения образования «Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины». В кормах рассчитывали обменную энергию и определяли содержание сухого вещества, сырого и переваримого протеина, сырой клетчатки, сырого жира, каротина, кальция, фосфора, магния, меди, кобальта, железа и марганца.

Содержание микроэлементов в кормах исследовали при полном разложении органических веществ корма путем сжигания пробы в электропечи при контролируемом температурном режиме. Полученный минерализат растворяли в азотной кислоте с последующим анализом на атомно-абсорбционном спектрофотометре МГА-915.

Для проведения биохимических исследований у коров брали пробы крови из яремной вены в стерильные пробирки с соблюдением правил асептики и антисептики. Стабилизацию крови осуществляли с помощью гепарина. Биохимический анализ крови выполняли в лаборатории научно-исследовательского института прикладной ветеринарной медицины и биотехнологии (НИИПВИБ, аттестат аккредитации согласно СТБ/ИСО/МЭК 17025 № BY / 11202.1.0.0870).

В цельной крови определяли содержание меди, цинка, кобальта и марганца атомно-абсорбционным методом. До аналитических концентраций, лежащих в зоне линейности использованного спектрофотометра, разбавление проб проводили методом прямого разведения бидистиллированной водой [4]. Стандартизация метода определения проводилась посредством использования метода добавок.

В сыворотке крови с использованием фотометрических методов была исследована концентрация кальция (по реакции с орто-крезолфталеин комплексом), неорганического фосфора (с молибдатом аммония), магния (с ксиллидиловым синим), железа (по образованию комплекса ионов Fe^{2+} с хромогеном).

При определении содержания магния, железа в сыворотке крови использовали наборы фирмы «Витал Диагностика СПб» (Российская Федерация). Для исследования уровня неорганического фосфора и кальция в сыворотке крови применяли наборы фирмы НТК «Анализ-Х» (Республика Беларусь).

Полученные данные были статистически обработаны с использованием программы «Microsoft Excel».

Результаты исследований и их обсуждение

Проведенный нами анализ рациона коров-первотелок на третьем месяце лактации показал [5], что по уровню магния и железа он соответствовал норме кормления данных животных (таблица 1). В то же время по большинству компонентов рацион был не сбалансирован. Так в нем зарегистрирован дефицит обменной энергии (7,2%), сухого вещества (13,34%), сырого протеина (6,97%), переваримого протеина (2,84%), сырой клетчатки (36,52%), кальция (5,28%), фосфора (15,65%) и всех исследованных микроэлементов, кроме железа. Так, содержание марганца было на 54,42% ниже нормативных критериев, меди – на 20%, кобальта – 47,27%. Но особенно острый дефицит выявлен для цинка (63,04%). При этом в рационе отмечался значительный переизбыток сырого жира (52,06%).

Таблица 1 – Содержание элементов питания в рационе коров-первотелок на третьем месяце лактации

Показатели	Силос кукурузный	Сенаж разнотравный	Жмых	Комби-корм	Всего в рационе	Норма	% обеспеченности
Количество, кг	20	8	0,8	4			
Обменная энергия, Мдж	46,20	30,24	10,93	39,76	127,13	137	92,8
Сухое вещество, кг	4,80	3,76	0,752	3,6	12,91	14,9	86,66
Сырой протеин, г	394,60	288,80	257,28	715,20	1655,88	1780	93,03
Переваримый протеин, г	217,00	167,52	216,11	550,72	1151,35	1185	97,16
Сырая клетчатка, г	1169,40	1045,6	102,24	241,2	2558,44	4030	63,48
Сырой жир, г	171,2	70,80	102,24	241,20	585,44	385	152,06
Кальций, г	21,20	24,00	5,92	25,60	76,72	81	94,72
Фосфор, г	10,40	11,60	9,68	16,40	48,08	57	84,35
Магний, г	5,00	6,00	4,32	11,60	26,92	23	117,04
Медь, мг	18,04	13,984	4,030	47,916	83,97	105	79,97
Цинк, мг	85,60	61,12	6,79	103,40	256,91	695	36,96
Кобальт, мг	0,446	0,568	0,136	2,96	4,11	7,8	52,73
Марганец, мг	102,80	104,48	15,63	93,88	316,79	695	45,58
Железо, мг	541,80	168,88	30,41	216,52	957,61	930	102,97
Каротин, мг	240	24,0	–	–	264	520	50,77

Несбалансированность рациона коров-первотелок по ряду питательных компонентов отразилась и на их уровне в крови (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели минерального обмена в крови коров-первотелок на третьем месяце лактации

Исследованные показатели	Min–Max	M ± m	Норма
Ca, ммоль/л	1,51–3,03	2,33 ± 0,15	2,50–3,13
P, ммоль/л	1,34–2,68	2,22 ± 0,14	1,45–1,94
Ca : P	0,68–1,53	1,08 ± 0,08	1,29–2,16
Mg, моль/л	0,68–1,34	1,07 ± 0,06	0,82–1,23
Fe, мкмоль/л	34,73–120,15	68,85 ± 10,09	17,85–28,57
Cu, мкмоль/л	9,18–22,07	15,64 ± 1,50	12,50–18,75
Zn, мкмоль/л	28,80–55,21	42,37 ± 2,58	45,90–76,48
Co, нмоль/л	232,68–931,08	523,06 ± 62,29	510,00–850,00
Mn, мкмоль/л	1,92–3,72	2,89 ± 0,21	2,73–4,55

*Примечание: содержание меди, цинка, кобальта, марганца приведено в цельной крови, остальных показателей – в сыворотке крови.

В результате проведенных исследований по определению содержания кальция и неорганического фосфора в плазме крови коров-первотелок было установлено, что данные показатели не соответствуют нормативным критериям. Уровень кальция в сыворотке крови был ниже физиологической нормы у 50% животных. В то же время концентрация фосфора у 80% коров оказалась выше нормативных значений, несмотря на дефицит данного макроэлемента в рационе первотелок. Такая же картина была нами выявлена у коров-первотелок в начале лактации [6]. Кальций-фосфорное (Ca : P) отношение было нарушено у 70% животных, что может привести к остеомалации, остеопорозу и остеофиброзу.

Уровень магния в сыворотке крови всех исследованных животных был в пределах нормы.

Содержание марганца цельной крови коров имело широкий диапазон колебаний и в среднем соответствовало нижней границе физиологической нормы (2,89 мкмоль/л). Однако недостаточное содержание марганца в рационе (45,58%) может в дальнейшем привести к нарушению протекания обменных процессов у коров-первотелок, так как данный микроэлемент активирует ряд ферментов метаболизма углеводов, липидов и белков.

Концентрация кобальта в крови первотелок соответствовала норме лишь у 40% животных [7]. На наш взгляд, это связано с дефицитом данного микроэлемента в рационе животных. Так, уровень обеспеченности первотелок кобальтом с кормами составил лишь 52,73%. Недостаток кобальта в рационе может привести к снижению интенсивности микробиальных процессов в рубце, нарушению процессов кроветворения, что подтверждается низким уровнем гемоглобина (79,02–95,90 г/л) у 60% исследованных животных. Кобальт также участвует в белковом и углеводном обмене. Недостаток данного микроэлемента ведет к пониженному усвоению кальция и фосфора. В конечном итоге может снизиться живая масса коров, их продуктивность, что приведет к ранней выбраковке животных из стада [8].

Уровень меди в плазме крови коров-первотелок имел широкий диапазон колебаний и у 30% животных был ниже нормы. Медь участвует в кроветворении, катализирует включение железа в структуру гема, способствует созреванию эритроцитов на ранних стадиях развития. Поэтому при ее дефиците снижается количество эритроцитов без изменения в них концентрации гемоглобина [9]. Медь участвует в системе антиоксидантной защиты организма, являясь кофактором супероксиддисмутазы, необходимой для нейтрализации свободных радикалов кислорода. При дефиците данного микроэлемента наблюдается угнетение функции иммунной системы [10]. Для жвачных животных медь необходима для нормальной жизнедеятельности микрофлоры преджелудков. При ее дефиците у коров отмечается слабое появление тетки и отсутствие охоты [2].

Республика Беларусь относится к биохимической провинции с низким содержанием цинка в кормах и высоким риском возникновения у животных эндемически обусловленной его недостаточности. Результаты мониторингового исследования, проведенного А. А. Мациновичем (2005), показали, что содержание цинка в цельной крови крупного рогатого скота из различных регионов Республики Беларусь составило $46,9 \pm 10,82$ мкмоль/л. На основе анализа гистограмм широты распределения результатов выявлено, что большая их часть приходится в цельной крови на интервалы 38,2–42,8 мкмоль/л и 47,4–64,2 мкмоль/л [11]. В наших исследованиях концентрация цинка в цельной крови имела широкий диапазон колебаний и была ниже нормы у 50% исследованных животных, в среднем составив $42,37 \pm 2,58$ мкмоль/л. Низкое содержание цинка в крови связано с дефицитом данного микроэлемента в рационе животных. Так, уровень обеспеченности первотелок цинком с кормами составил лишь 36,96%. Цинк участвует в секреторной деятельности половых желез и гипофиза, в активации ферментов и гормонов, в регуляции минерального обмена в организме. Недостаток цинка отрицательно действует на функции воспроизводства. Например, у коров подавляется весь механизм полового цикла [8].

Содержание железа было выше нормы у всех исследованных животных. Избыток железа не менее опасен для организма животных, чем его дефицит. При высоком содержании данного элемента он оказывает в первую очередь токсическое действие на печень и селезенку, а также усиливает воспалительные процессы в организме. Кроме того, перегрузка организма железом приводит к подавлению многих функций иммунитета, особенно клеточного. Данная проблема осложняется еще и тем, что ионы железа являются индуктором перекисного окисления липидов, а следовательно, стимулируют возникновение свободных радикалов, которые могут вызывать повреждения ДНК и даже гибель клеток [10]. Поэтому особенно опасны высокие дозы железа на фоне стрессовых ситуаций и дефицита антиоксидантов – витаминов Е, С и микроэлементов:

селена, цинка, меди (витамин Е и цинк снижают уровень железа). А такие ситуации в наших условиях ведения животноводства встречаются достаточно часто [2].

Выводы

Исследования состояния минерального питания и обмена у коров-первотелок на третьем месяце лактации позволили сделать следующие *выводы*:

1. В рационе коров отмечается дефицит макроэлементов (кальций, фосфор) и микроэлементов (кобальт, марганец, медь и цинк), что отражается на низком уровне большинства из них в крови. Так, в сыворотке крови первотелок снижено содержание кальция, а в цельной крови – кобальта, меди и цинка. Несмотря на низкое содержание в рационе фосфора, в сыворотке крови концентрация этого элемента находилась у большинства животных выше нормы.

2. Для профилактики нарушения метаболических процессов и предупреждения возможных гипомикроэлементозов необходимо использовать минеральные премиксы и добавки с учетом норм кормления и плановой продуктивности первотелок на основании мониторинговых исследований химического состава собственных кормов хозяйства и биохимического анализа крови коров.

Літаратура

1. Интенсификация производства молока: опыт и проблемы / В. И. Смулев [и др.]. – Витебск : ВГАВМ, 2011. – 486 с.
2. Кучинский, М. П. Биоэлементы – фактор здоровья и продуктивности животных : монография / М. П. Кучинский. – Минск : Бизнесофсет, 2007. – 372 с.
3. Мищенко, В. А. Анализ нарушения обмена веществ у высокоудойных коров / В. А. Мищенко, А. В. Мищенко // Управление ветеринарии Курской области [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : http://vet.rkursk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=103:2012-03-26-13-55-11&catid=11:2012-02-15-12-32-47&Itemid=21. – Дата доступа : 16.04.2014.
4. Мацинович, А. А. Особенности подготовки крови при определении в ней микроэлементов атомно-абсорбционным методом без озоления / А. А. Мацинович // Актуальные вопросы ветеринарной медицины: материалы Сибирского Междунар. ветеринар. конгресса / Новосибир. аграр. ун-т. – Новосибирск, 2005. – С. 317–318.
5. Нормы и рационы кормления сельскохозяйственных животных : справочное пособие / под ред. А. П. Калашникова [и др.]. – М., 2003. – 456 с.
6. Позывайло, О. П. Характеристика состояния минерального питания и обмена у коров-первотелок на начальном этапе лактационного периода / О. П. Позывайло, И. В. Котович, Н. В. Кулеш // Весн. Мазьр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2014. – № 1 (42). – С. 50–54.
7. Методы ветеринарной клинической лабораторной диагностики : справочник / И. П. Кондрахин [и др.]; под ред. проф. И. П. Кондрахина. – М. : КолосС, 2004. – 520 с.
8. Разумовский, Н. П. Высокопродуктивные коровы: обмен веществ и полноценное кормление / Н. П. Разумовский, В. В. Ковзов, И. Я. Пахомов. – Витебск : УО ВГАВМ, 2007. – 290 с.
9. Георгиевский, В. И. Минеральное питание животных / В. И. Георгиевский, Б. Н. Анненков, В. Т. Самохин. – М. : Колос, 1979. – 471 с.
10. Скальный, А. В. Биоэлементы в медицине / А. В. Скальный, М. А. Рудаков. – М. : Издательский дом «Оникс 21 век» : Мир, 2004. – 272 с.
11. Мацинович, А. А. Содержание цинка в крови крупного рогатого скота и свиней в различных регионах Республики Беларусь, а также в возрастном аспекте / А. А. Мацинович // ІТАУ «Сельское хозяйство» : сб. науч. тр. / Гродн. гос. аграр. ун-т. – Гродно, 2005. – Т. 4, ч. 2. – С. 71–75.

Summary

Mineral nutrition and metabolism of first-calf cows of the third month galactosis in the agricultural production co-operative “Kozenki-Agro” (Mozyr, Gomel Region) have been investigated. The deficiency of macro-elements (Calcium, Phosphorus) and micro-elements (Cobalt, Cuprum, Zinetum) was established in the food conditions of the animals. The content of Calcium was reduced in blood serum. The content of Cobalt, Cuprum and Zinetum was reduced in whole blood. To implement preventive measures of first-calf cow metabolic processes and to prevent alimentary diseases it is necessary to carry mineral premixes and balancers in food ration taking into account the norms of feeding and productivity. It is obligatory to monitor the chemical content of feeding stuff and bio-chemical blood analysis.

Поступила в редакцию 18.04.14

УДК 630*232.327.3

**СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ СЕЯНЦЕВ ДУБА ЧЕРЕШЧАТОГО
НА РАННИХ СТАДИЯХ РАЗВИТИЯ****А. М. Потапенко**

научный сотрудник лаборатории проблем почвоведения
и реабилитации антропогенно нарушенных лесных земель,
ГНУ «Институт леса НАН Беларуси», г. Гомель, РБ

В. А. Серенкова

аспирант ГНУ «Институт леса НАН Беларуси», г. Гомель, РБ
Научный руководитель кандидат биологических наук А. В. Пугачевский

Л. В. Старшикова

кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры биологии
УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ

Исследована эффективность применения репеллентов для защиты желудей и лесных культур дуба черешчатого от диких животных и мышевидных грызунов. Использование дезинфицирующего средства в качестве репеллента показало увеличение приживаемости сеянцев дуба в среднем на 41%; спиртосодержащего раствора – на 33%. Ущерб лесным культурам дуба при использовании спиртосодержащего раствора уменьшился в 2,0 раза; дезинфицирующего раствора – в 2,8 раза, в опыте с использованием смеси репеллентов – в 2,9 раза. В целом, использование репеллентов увеличивает сохранность сеянцев дуба на 37% по сравнению с контролем.

Введение

В последнее время значительное влияние на лесные культуры дуба оказывают воздействие дикие животные и мышевидные грызуны. Из диких животных серьезный вред лесным культурам дуба наносят косуля, лось, олень и дикий кабан. Для всех этих видов в осенне-зимний период дуб является наиболее предпочитаемым древесно-веточным кормом. С увеличением численности диких животных, главным образом копытных видов, растет и вред, наносимый ими лесным культурам. В период 2005–2012 гг. в лесах Минлесхоза РБ дикими животными было повреждено более 7 тысяч гектаров лесных культур [1].

Семенному возобновлению дуба и лесных культур наносят вред также мышевидные грызуны, поедающие желуди и повреждающие сеянцы дуба. В отдельные годы в Беларуси отмечалось нашествие мышей, истреблявших не только желуди, но и посевы желудей на больших площадях в лесных питомниках [2]. О мерах борьбы с мышевидными грызунами имеется обширная литература [3]–[10].

Сегодня известно много средств, которые во всем мире применяются для защиты молодых лесов от поедания дикими животными. Но следует отметить, что они почти все либо очень дорогостоящие, либо не дают значительного эффекта. Последние два года в Республике Беларусь активно проводятся исследования по применению репеллентов. В качестве репеллентов используются импортные препараты (Armakol, Wam-Porokol, Epsom), которые были опробованы в Слуцком и Осиповичском опытных лесхозах в рамках реализации проекта ПРООН/ГЭФ «Интеграция вопросов сохранения биоразнообразия в политику и практику территориального планирования в Беларуси». Применение этих препаратов показало их высокую результативность [1].

Целью работы является разработка системы мероприятий по защите семян и лесных культур дуба от фитофагов; поиск дешевых, доступных и высокоэффективных репеллентов. Разработка мероприятий требует изучения следующих вопросов: способов посева желудей; видов предпосевной подготовки посевного материала и их влияния на рост сеянцев дуба под пологом насаждений и в несомкнувшихся лесных культурах; методов подготовки репеллентов и способов защиты лесных культур с использованием репеллентов.

Материалы и методика исследований. Для проведения опытов заложено четыре опытных объекта посевом желудей дуба под пологом березовых, еловых насаждений и в несомкнувшихся лесных культурах дуба. Опытные объекты созданы посевом желудей в состоянии покоя и проросших желудей под меч Колесова с использованием предпосевной обработки семян на основе композиционного полимерного состава и целевых добавок. Контролем являлись желуди в состоянии покоя [11].

Посев желудей проведен по методу Б. А. Доспехова в апреле–мае 2013 г. [12]. В течение летне-осеннего периода 2013 г. проведены учеты приживаемости сеянцев дуба черешчатого и определены их биометрические показатели.

Предпосевная обработка семян проводилась с применением стимулятора роста. В качестве стимулятора роста использовали раствор композиционного полимерного состава с целевыми добавками. Рабочий раствор получали путем разведения препарата в соотношении 1:20. Полученный 2% водный раствор композиционного полимерного состава применяли для замачивания перед посевом семян дуба черешчатого в течение 24 часов. Расход рабочего раствора стимулятора составлял 1,5–2 литра на 1 кг семян.

Всхожесть, приживаемость и биометрические показатели сеянцев дуба черешчатого учитывали в течение вегетационного летне-осеннего периода 2013 г. по вышеуказанным методикам [11], [12].

Влияние репеллентов на приживаемость сеянцев дуба определяли на учетных площадках с высевными желудями. Приживаемость сеянцев дуба рассчитывали в процентах по отношению численного количества проросших желудей к общему числу высевных. Влияние мышевидных грызунов и диких кабанов на приживаемость растений на учетных площадках определяли визуально с учетом количества поврежденных сеянцев.

Определение биометрических показателей каждого растения проводили при помощи измерительных инструментов: высоту – линейкой с миллиметровыми делениями; диаметр корневой шейки – штангенциркулем (с точностью до 0,1 мм).

Результаты исследований и их обсуждение. Исследования влияния предпосевной обработки семян раствором композиционного полимерного состава и вида посевного материала на сохранность сеянцев дуба проводили в посевах дуба в березняке орляковом, ельнике и дубраве кисличных. Количественные показатели сохранившихся посевов растений дуба в опытах с использованием различных видов посевного материала представлены на рисунке 1.

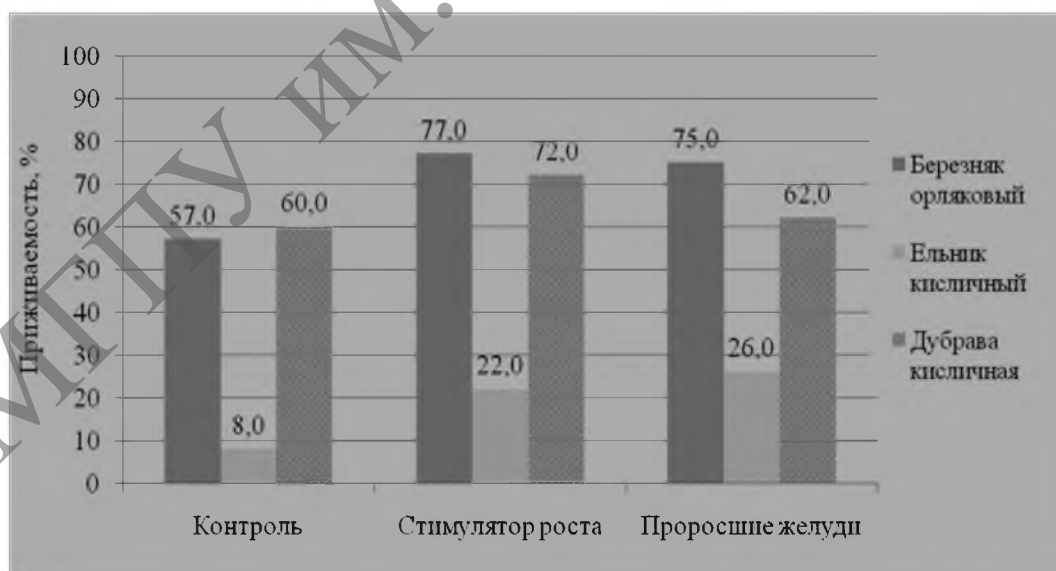

Рисунок 1 – Количество сохранившихся растений дуба под пологом насаждений при использовании различных видов посевного материала

Из рисунка 1 следует, что количество сохранившихся растений дуба в среднем увеличивается на 20–35%, при предпосевной обработке желудей раствором стимулятора роста на основе композиционного полимерного состава. В опыте с использованием в качестве посевного материала проросших желудей этот показатель составил 3–30%.

В контрольных вариантах, как видно из рисунка 1, более низкое количество сохранившихся растений дуба объясняется повреждением желудей мышевидными грызунами и дикими кабанями.

Результаты исследований приживаемости сеянцев дуба в опытах с использованием в качестве репеллентов дезинфицирующего средства на основе фенола и смоляных мыл и спиртосодержащего раствора представлены на рисунке 2.

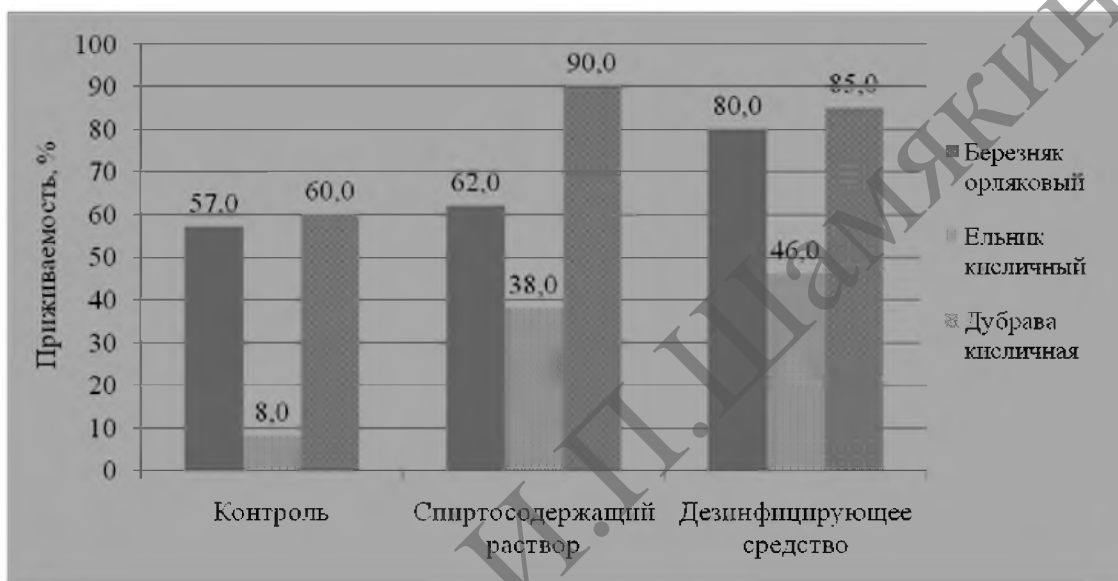

Рисунок 2 – Влияние способов защиты на приживаемость сеянцев дуба под пологом насаждений

Определяя эффективность действия репеллентов, следует отметить, что в опытах с использованием в качестве репеллента дезинфицирующего средства на основе фенола и смоляных мыл и спиртосодержащего раствора количество сохранившихся растений дуба увеличивается по сравнению с контролем в среднем на 41 и на 33%, соответственно.

В вариантах опыта с использованием дезинфицирующего средства количество сохранившихся растений дуба увеличилось в среднем на 19% по сравнению с опытом со спиртосодержащим раствором. В связи с этим можно сделать вывод, что спиртосодержащий репеллент менее эффективен по сравнению с дезинфицирующим средством на основе фенола и смоляных мыл.

Нами изучено влияние раствора композиционного полимерного состава с различными целевыми добавками на биометрические показатели сеянцев дуба черешчатого. В таблице 1 представлены полученные результаты исследований по влиянию предпосевной обработки семян раствором композиционного полимерного состава на высоту стволика и диаметр корневой шейки растения.

Из таблицы 1 следует, что предпосевная обработка семян раствором композиционного полимерного состава с целевыми добавками способствует увеличению высоты и диаметра стволика сеянцев дуба по сравнению с контролем на 19–37% и 14–22%, соответственно.

В опыте установлено достоверное положительное влияние ($p = 0,03-0,009$) предпосевной обработки семян раствором композиционного полимерного состава на среднюю высоту сеянцев дуба.

Влияние вида посевного материала на биометрические показатели сеянцев дуба черешчатого изучали, используя два вида желудей: желуды в состоянии покоя – контроль; проросшие – опыт. Результаты исследований представлены в таблице 2.

Таблица 1 – Влияние предпосевной обработки семян раствором композиционного полимерного состава на биометрические показатели сеянцев дуба

Способ предпосевной обработки семян	Средняя высота стволика			Средний диаметр у корневой шейки	
	M±m, см	v, %	P	M±m, мм	v, %
Березняк орляковый					
Контроль	9,4±0,4	30,4	–	2,2±0,1	28,9
Стимулятор роста	11,2±0,5	36,0	0,003	2,5±0,1	26,5
Ельник кисличный					
Контроль	10,9±0,9	21,7	–	1,8±0,1	12,7
Стимулятор роста	14,7±0,9	28,3	0,004	2,2±0,1	23,2
Дубрава кисличная					
Контроль	8,7±0,9	43,0	–	2,2±0,1	19,4
Стимулятор роста	11,9±0,7	40,0	0,009	2,6±0,1	21,4

Примечание: v – коэффициент вариации, P – уровень значимости.

Таблица 2 – Биометрические показатели сеянцев дуба в опыте с использованием обычных и проросших желудей

Вид посевного материала	Средняя высота стволика			Средний диаметр у корневой шейки	
	M±m, см	v, %	P	M±m, мм	v, %
Березняк орляковый					
Контроль	9,4±0,4	30,4	–	2,2±0,1	28,9
проросшие желуди	10,1±0,4	32,2	0,114	2,3±0,1	21,4
Ельник кисличный					
Контроль	10,9±0,9	21,7	–	1,8±0,1	12,7
проросшие желуди	12,3±0,8	30,9	0,190	2,1±0,1	31,5
Дубрава кисличная					
Контроль	8,7±0,9	43,0	–	2,2±0,1	19,4
проросшие желуди	9,6±0,8	48,2	0,471	2,7±0,1	27,4

Примечание: v – коэффициент вариации, P – уровень значимости.

Из данных, представленных в таблице 2, следует, что использование в качестве посевного материала проросших желудей способствует увеличению высоты сеянцев на 7–13%, диаметра стволика – на 5–23% по сравнению с контролем.

Количественные показатели сохранности лесных культур дуба от фитофагов (косули, мышевидные грызуны) в результате использования репеллентов представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Влияние репеллентов на сохранность несомкнувшихся лесных культур дуба

№ УП	Вариант опыта	Повторность	Всего растений, шт.	Состояние растений				
				здоровые		поврежденные		
				всего шт.	%	поврежден верхушечный побег, шт.	отсутствие листьев, шт.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	контроль	1	24	15	62,5	4	5	37,5
2	контроль	2	25	19	76,0	5	1	24,0
3	репеллент 1	1	22	18	81,8	3	1	18,2
4	репеллент 1	2	17	15	88,2	2	0	11,8

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
5	репеллент 2	1	22	20	90,9	2	0	9,1
6	репеллент 2	2	16	14	87,5	2	0	12,5
7	репеллент 1, 2	1	25	23	92,0	2	0	8,0
8	репеллент 1, 2	2	24	21	87,5	3	0	12,5

Из таблицы 3 следует, что на двух учетных площадках (УП) количество поврежденных растений дуба составляет 8–9%, что следует рассматривать как положительную тенденцию влияния репеллентов на сохранность лесных культур. Несмотря на полученные положительные результаты, достоверность вариантов опыта невысокая, что, вероятно, объясняется воздействием на растения не только диких животных, но и других факторов, не являющихся объектом данного исследования (болезни и вредители). Следовательно, исследования необходимо продолжить с увеличением вариантов опыта.

По степени повреждения лесных культур дуба на учетных площадках в целом можно судить о влиянии определенных репеллентов на сохранность растений в лесных культурах дуба, что наглядно отражено на рисунке 3.

Результаты, представленные на рисунке 3, свидетельствуют о том, что в лесных культурах дуба с использованием репеллента 1 (спиртосодержащий раствор) повреждаемость культур дуба уменьшилась в 2,0 раза, репеллента 2 (дезинфицирующее средство на основе фенола и смоляных мыл) – в 2,8 раза, а при их совместном применении – 2,9 раза по сравнению с контролем.

Рисунок 3 – Количество сохранившихся растений в лесных культурах дуба в опытах с использованием различных репеллентов

Выводы

Предложенная система мероприятий по защите семян и лесных культур дуба от фитофагов включает исследования способов посева желудей, видов подготовки посевного материала и их влияния на рост сеянцев дуба под пологом насаждений и в несомкнувшихся лесных культурах.

Установлено, что увеличение прироста по высоте дуба при использовании проросших и обработанных стимулятором роста желудей максимально составляет 30–35%, что в конечном итоге сказывается на увеличении количества сохранившихся растений.

Использование проросших желудей, а также предпосевная обработка семян дуба раствором композиционного полимерного состава с целевыми добавками обеспечивает увеличение биометрических показателей сеянцев дуба по сравнению с контролем: по высоте

сеянцев на 7–13% и 19–37%, по диаметру стволика – на 5–23% и 14–22%, соответственно. Установлено достоверное положительное влияние предпосевной обработки желудей раствором композиционного полимерного состава на среднюю высоту сеянцев дуба.

Использование в качестве репеллентов раствора дезинфицирующего средства на основе фенола и смоляных мыл или его смеси со спиртосодержащим раствором увеличивает приживаемость сеянцев дуба, а ущерб от погрызов фитофагами снижается в 2,8–2,9 раза.

Раствор дезинфицирующего средства на основе фенола и смоляных мыл или его смесь со спиртосодержащим раствором являются наиболее эффективными вариантами, проявляющими защитные свойства в несомкнувшихся лесных культурах дуба, и могут быть рекомендованы к дальнейшим испытаниям в качестве высокоэффективных доступных и сравнительно дешевых репеллентов в целях обеспечения сохранности сеянцев дуба черешчатого.

Літэратура

1. Квиткевич, А. Репелленты действуют / А. Квиткевич // Белорусская лесная газета. – 2013. – 14 ноября. – С. 11.
2. Зеленко, Е. И. Воспроизводство дубрав и частичные лесные культуры / Е. И. Зеленко, В. А. Шербань // Лесное хозяйство. – 2000. – № 5. – С. 15–17.
3. Попушок, И. С. Протравливание желудей дуба гранозоном в лесхозах Молдавской ССР / И. С. Попушок // Лесное хозяйство. – 1957. – № 6. – С. 7.
4. Юркевич, И. Д. Появление и развитие самосева твердолиственных пород под пологом леса и на вырубках / И. Д. Юркевич, В. И. Саутин // Сборник научных работ по лесовозобновлению. – Минск : АН БССР, 1954. – С. 10–45.
5. Голосов, Н. А. О предохранении посевов желудей от уничтожения мышами / Н. А. Голосов // Лесное хозяйство. – 1938. – № 5 (11). – С. 90.
6. Чистяков, А. Эффективность посева проросших желудей дуба в борьбе с мышевидными грызунами / А. Чистяков // Лесное хозяйство. – 1952. – № 1. – С. 76–78.
7. Изосов, А. А. Опыт борьбы с мышевидными грызунами в культурах Шипова леса / А. А. Изосов // Лесное хозяйство. – 1955. – № 7. – С. 78–79.
8. Тимченко, Л. И. Защита питомников от мышевидных грызунов / Л. И. Тимченко, Г. В. Бабенко, В. П. Янковой // Лесное хозяйство. – 1974. – № 12. – С. 76–77.
9. Алексеев, В. А. Мыши – вредители лесных культур / В. А. Алексеев, В. Кирпичникова // Лесное хозяйство. – 1966. – № 3. – С. 22–23.
10. Подпываев, Е. Е. Лесоводственно-биологические основы защиты лесных культур от поврежденных мелкими грызунами : дис. ... канд. с.-х. наук : 06.03.01 / Е. Е. Подпываев. – Санкт-Петербург, 2001. – 127 л.
11. Копытков, В. В. Композиционные полимерные материалы при лесовыращивании / В. В. Копытков. – Минск : Белорусская наука, 2008. – 304 с.
12. Доспехов, Б. А. Методика полевого опыта / Б. А. Доспехов. – М. : Агропромиздат, 1985. – 351 с.

Summary

There emerged a need to investigate the effectiveness of repellent application because of necessity to protect the acorns and forest crops of The English oak from wild animals and mouse-like rodents. The use of the sanitizer as the repellent showed the increase of oak seedling survival ability (41%) and alcohol-containing solution (33%). Damage to forest crops of the oak while using an alcohol-containing solution was 2.0 times lower, the disinfectant solution – 2.8 times, and their combination – 2.9 times. Thus the use of repellents increases the safety of oak seedlings (37%).

Поступила в редакцию 12.05.14

УДК 575.174

**ТЕХНОЛОГИЯ HRM-АНАЛИЗА (HIGH RESOLUTION MELTING)
ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛИМОРФИЗМА *ESR1-PvuII*
В ГЕНЕ ЭСТРОГЕНОВОГО РЕЦЕПТОРА У СВИНЕЙ (*SUS SCROFA*)**

Е. Л. Романишко

аспирант, ГНУ «Институт генетики и цитологии НАН Беларуси», г. Минск, РБ
Научный руководитель: М. Е. Михайлова

М. Е. Михайлова

кандидат биологических наук, доцент,
ГНУ «Институт генетики и цитологии НАН Беларуси», г. Минск, РБ

А. И. Курева

научный сотрудник, ГНУ «Институт генетики и цитологии НАН Беларуси», г. Минск, РБ

*Для управления селекционным процессом и ведения генетического мониторинга в свиноводстве значительный интерес представляет ген эстрогенового рецептора (*ESR1*), который является ДНК-маркером плодовитости свиней. В настоящее время для определения полиморфизма *ESR1-PvuII* используется традиционный метод анализа полимеразная цепная реакция-полиморфизм длин рестрикционных фрагментов (ПЦР-ПДРФ), который является достаточно длительным по времени и затратным. В данной работе для определения полиморфизма *ESR1-PvuII* в гене *ESR1* у свиней предложена технология HRM-анализа (*High Resolution Melting*). Отработаны условия проведения ПЦР в реальном времени, подтверждена достоверность определения генотипов AA, BB, AB, а также проанализирована эффективность HRM-метода в сравнении с методом ПЦР-ПДРФ. Была проведена апробация HRM-анализа на выборке свиней ($n = 51$) породы белорусская крупная белая. Полиморфизм *ESR1-PvuII* – один из ключевых ДНК-маркеров в свиноводстве, поэтому предлагаемый метод на основе технологии HRM может использоваться как экспресс-метод для массового скрининга животных.*

Введение

Различия в уровне продуктивности между отдельными животными, линиями и породами обусловлены, с одной стороны, средовыми, с другой стороны, генетическими факторами. Большинство хозяйственно полезных признаков сельскохозяйственных животных относится к полигенным признакам, т. е. их количественный уровень генетически определяется целым рядом генов (локусов), разбросанных по всему геному. Такие локусы получили название локусов количественных признаков (QTLs, Quantitative Trait Loci's) [1]. Одним из перспективных направлений использования QTLs в животноводстве является молекулярно-генетический анализ генов-кандидатов, которые кодируют ключевые белки, ответственные за проявления признака.

Важным фактором, влияющим на эффективность производства свинины, является репродуктивный выход. Выявление молекулярных маркеров, влияющих на показатели воспроизводства, на первом плане у многих молекулярных генетиков и селекционеров. Для управления селекционным процессом и ведения генетического мониторинга в свиноводстве значительный интерес представляет ген эстрогенового рецептора *ESR1*, который является ДНК-маркером плодовитости свиней [2].

Эстрогены – стероидные половые гормоны, способные регулировать рост, дифференцировку и функции в различных клетках и тканях млекопитающих, играющие центральную роль в регуляции процессов размножения. Проводниками гормональных сигналов являются эстрогеновые рецепторы (ESR), представленные в клетках-мишенях органов животных. В настоящее время широко известны два типа эстрогеновых рецепторов – *ESR1* и *ESR2*, которые являются транскрипционными факторами, имеющими центры связывания с регуляторными участками ДНК (промоторами, энхансерами). Гены *ESR* у свиньи локализованы на коротком

плече 1 хромосомы (SSC1) в регионе p.2.5-p.2.4 [3]. ESR1 получил наиболее широкое распространение в качестве генетического маркера плодовитости свиней.

Для *ESR1-PvuII* полиморфизма характерна взаимосвязь с репродуктивными качествами свиней породы крупная белая (масса гнезда при рождении, процент мертворожденных поросят и т. д.) [4]. Свиноматки с различными генотипами отличаются по воспроизводительным качествам. Установлено положительное влияние аллеля В на воспроизводительную функцию свиней, в частности, на многоплодие свиней английской крупной белой породы. Свиньи этой породы получили данный аллель от китайской многоплодной породы мэйшан в процессе ее создания в XIX веке с последующей передачей аллеля породам, созданным с участием крупной белой свиньи. В результате исследований установлено, что предпочтительным с точки зрения селекции является генотип ВВ. Превосходство по многоплодию маток составило 0,9 поросенка по сравнению с генотипом АА и по размерам гнезда на 0,7–1,4 поросенка [5], [6].

В настоящее время для определения полиморфизма *ESR1-PvuII* используется традиционный метод анализа ПЦР-ПДРФ, который является достаточно длительным по времени и затратным. Цель работы заключалась в разработке достоверного и недорогого экспресс-метода для определения полиморфизма *ESR1-PvuII* с использованием технологии HRM для массового скрининга животных, а также оценка его эффективности в сравнении с методом ПЦР-ПДРФ.

Материалы и методы исследования. В работе в качестве объекта исследования были использованы свиньи белорусской крупной белой породы. Материалом для исследования служила ДНК, выделенная из биологического материала – проб ткани (ушной выщип) и цельной крови. Для выделения ДНК использовали набор реагентов для выделения ДНК «Нуклеосорб» («Праймтех», Беларусь). Была проанализирована выборка животных (n = 125) по полиморфизму *ESR1-PvuII* гена эстрогенового рецептора. Количество выделенной ДНК определяли с помощью Qubit® 2.0 Fluorometer с использованием набора Molecular probes Qubit®ds DNA BR Assay kit («Life technologies», США). Для постановки ПЦР-ПВ и проведения HRM-анализа геномная ДНК образцов была нормализована (концентрация 4 нг/мкл).

ПЦР-ПДРФ метод. Для амплификации фрагмента гена ESR1 длиной 120 п.н. использованы прямой праймер 5'-CCTGTTTTACAGTGACTTTTACAGAG-3' и обратный праймер 5'-CACTTCGAGGGTCAGTCCAATTAG-3' (Short, 1997) [7]. Реакционная смесь объемом 25 мкл содержала деионизированную воду, 1×ПЦР буфер, 1,5 mM MgCl₂, 200 мкМ смеси dNTP, 300 нМ каждого праймера, 1,5 U Taq-полимеразы («Thermo scientific», Литва) и 50 нг геномной ДНК. Амплификацию проводили на приборе C1000™ Thermal Cycler («Bio-Rad», США) при следующих условиях: 94° С – 4 мин; 35 циклов: 94° С – 30 с, 58° С – 40 с, 72° С – 40 с; 72° С – 5 мин. Рестрикция продуктов амплификации длилась в течение ночи при 37° С с использованием рестриктазы PvuII («Thermo scientific», Литва). Идентификацию фрагментов после рестрикционного анализа проводили в 4% агарозном геле (SeaKem® LE Agarose, «Lonsa») с использованием интеркалирующего красителя ZUBR Green-1 («Праймтех», Беларусь) относительно маркера молекулярных масс DNA Ladder («Thermo scientific», Литва).

Секвенирование ДНК. Специфичные ПЦР-продукты изучаемого локуса гена *ESR1* вырезали из геля и очищали с помощью набора реагентов Silica Bead DNA Gel Extraction Kit («Thermo scientific», Литва) согласно прилагаемой производителем инструкции по применению. Для постановки секвенирующей ПЦР использовали Big Dye Terminator v3.1 Cycle Sequencing Kit. Секвенирующую ПЦР проводили согласно следующим условиям: 96° С 1 мин; 25 циклов: 96° С 10 сек, 50° С 5 сек, 60° С 4 мин; 16° С 5 мин. ПЦР-продукты после секвенирующей ПЦР очищали от непрореагировавших флуоресцентно меченых терминаторных нуклеотидов переосаждением этанолом Na₂ЭДТА. Определение нуклеотидной последовательности проводили на 3500 Genetic Analyzer («Applied Biosystems», США).

HRMA (High Resolution Melting Analysis). Образцы геномной ДНК животных (n = 51) анализировали с использованием технологии HRM-анализа на приборе CFX96 («BioRad», США). Для амплификации фрагмента гена длиной 120 п. н. использованы праймеры, представленные (Short, 1997). Реакционная смесь в общем объеме 25 мкл содержала 1× ПЦР мастер-микс («Синтол», Россия) с интеркалирующим красителем EvaGreen, 500 нМ каждого праймера и по 20 нг ДНК каждого образца. Условия проведения амплификации и HRM-анализа были следующими: 95° С – 5 мин.; 35 циклов: 95° С – 10 с, 63° С – 30 с, 72° С – 15 с; 94° С – 1 мин.,

72°С – 30 с; Melt Curve 72°С – 85°С: Increment 0.2°С – 5 с. Анализ результатов проводили с помощью программного обеспечения для HRM-анализа Precision Melt Analysis™ software.

Пост-HRM секвенирование. После определения генотипов методом HRM по 4 образца из каждого кластера с генотипами AA, BB, AB были секвенированы. Полученные ПЦР-продукты после HRM-анализа очищали с помощью набора реагентов Silica Bead DNA Gel Extraction Kit («Thermo scientific», Литва). Секвенирующую ПЦР ставили с использованием BigDye® Terminator v3.1 Cycle Sequencing Kit («Applied Biosystems», США). Определение нуклеотидной последовательности проводили на генетическом анализаторе 3500 («Applied Biosystems», США).

Результаты исследования и обсуждение

Выборка свиней (n = 125) белорусской крупной белой породы исследована для определения полиморфизма *ESR1-PvuII* методом ПЦР-ПДРФ. Выявлено 58 особей с гомозиготным генотипом AA, 16 особей с гомозиготным генотипом BB и 51 особь с гетерозиготным генотипом AB. Частоты встречаемости аллелей и генотипов представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Генетическая структура выборок из популяций разных пород и помесей свиней

Генотипы	Белорусская крупная белая			Белорусская черно-пестрая			БЧПхД			Дюрок			КБхЛ			КБхЙ		
	Ф	Т	X ²	Ф	Т	X ²	Ф	Т	X ²	Ф	Т	X ²	Ф	Т	X ²	Ф	Т	X ²
A A	14	15,75	0,81	14	15,2	1,99	6	5,4	1,15	19	19	0,01	3	2,45	1,37	2	1,8	0,14
A B	34	30,5		11	8,6		2	3,1		1	0,99		1	2,1		2	2,4	
B B	13	14,75		0	1,2		1	0,4		0	0,01		1	0,45		1	0,8	
Аллели	Частоты аллелей																	
A	0,508			0,780			0,778			0,975			0,700			0,600		
B	0,492			0,220			0,222			0,025			0,300			0,400		

Примечание: БЧПхД – белорусская черно-пестрая х дюрок, КБхЛ – крупная белая х ландрас, КБхЙ – крупная белая х йоркшир

Частота предпочтительного по признаку многоплодия аллеля В составила 0,332. Все изученные популяции находились в состоянии генетического равновесия по закону Харди-Вайнберга. У свиней породы белорусская крупная белая выявлена наибольшая частота предпочтительного аллеля В (0,492) в сравнении с свиньями породы дюрок, где частота предпочтительного генотипа составила (0,025). Результаты ПЦР-ПДРФ анализа получены с помощью системы гель-документирования Quantum ST4 («Vilber Lourmat», Франция) представлены на рисунке 1.

Обозначения: М – маркер FastRulerUltra Low Range DNA Ladder, дорожки 8, 16 – гомозиготный генотип AA (120 п.н.); дорожки 1, 2, 5, 6, 7, 9, 11, 13, 14, 15, 17 – гетерозиготный генотип AB (120 п.н., 65 п.н., 55 п.н.); дорожки 3, 10, 12 – гомозиготный генотип BB (65 п.н., 55 п.н.).

После ПЦР-ПДРФ анализа были отобраны 3 образца с различными генотипами: гомозиготным генотипом AA, гетерозиготным генотипом AB и гомозиготным генотипом BB. Данные образцы были секвенированы для дальнейшего использования их в качестве контрольных образцов для HRM-анализа. Оценка и обработка данных проводились с использованием программного обеспечения Sequencing Analysis версия 5.4 (рисунок 2).

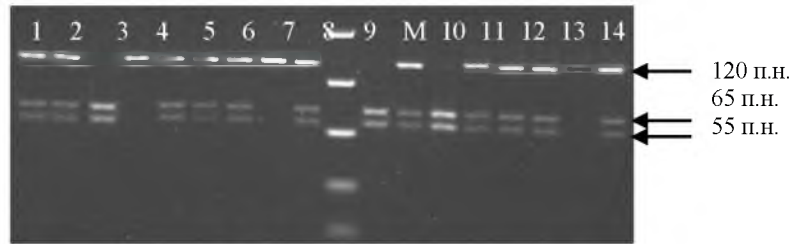

Рисунок 1 – Определение полиморфизма *ESRI-PvuII* методом ПЦР-ПДФ

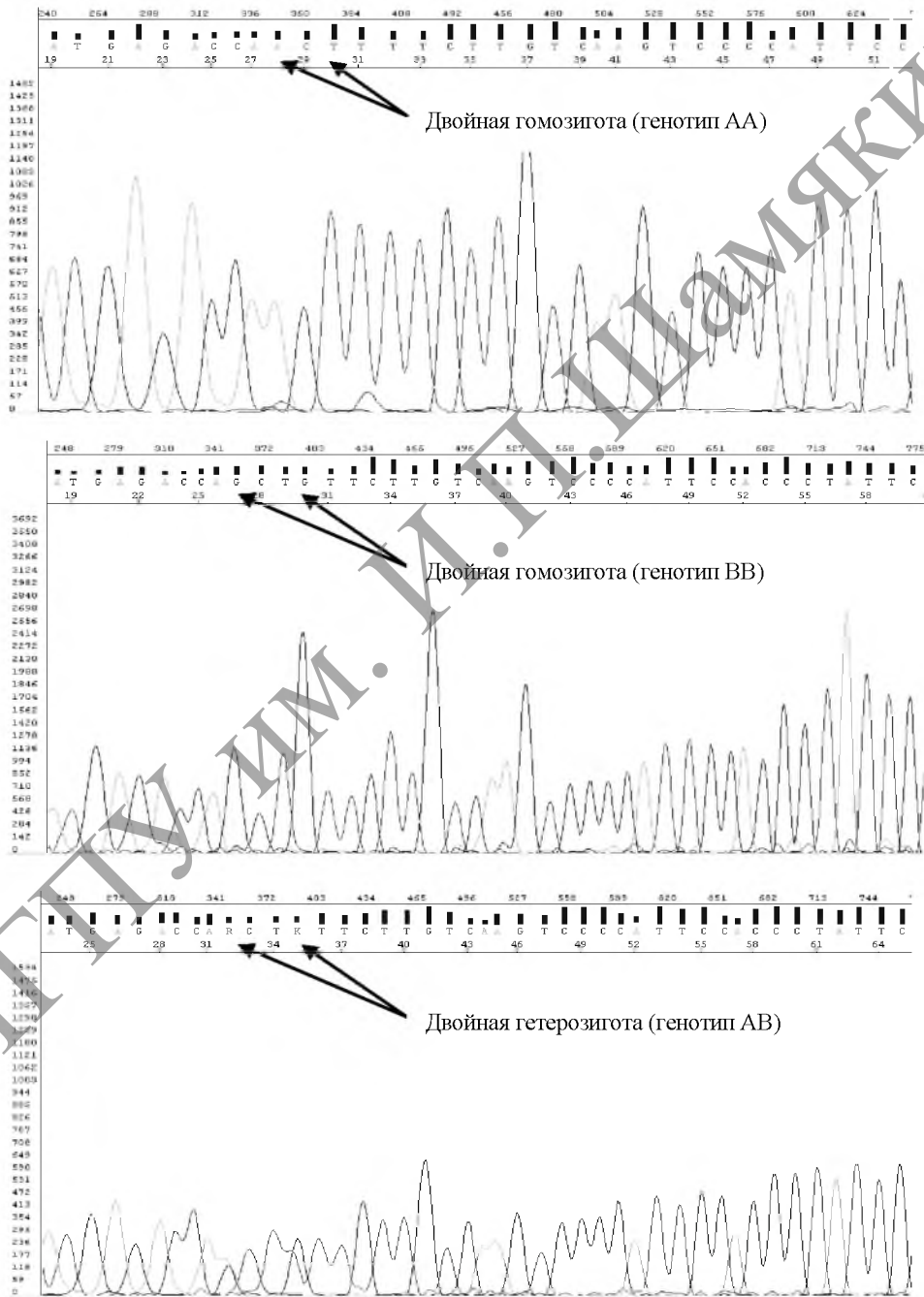
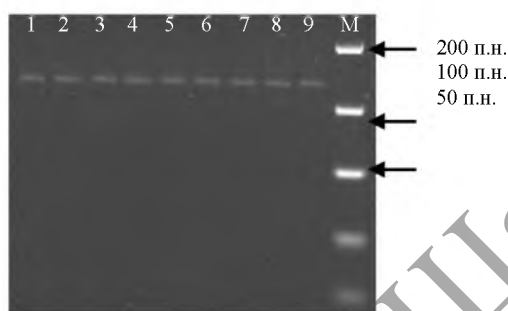

Рисунок 2 – Секвенирование образцов для выявления полиморфизма *ESRI-PvuII* и определения генотипов AA, BB, AB

По результатам секвенирования было выявлено, что полиморфизм *ESR1-PvuII* включает две однонуклеотидные замены (SNP) 65A→G, 68T→G в гене *ESR1* интрон 3 (GenBank HF947272). Только наличие двух SNP дает сайт рестрикции для эндонуклеазы PvuII, что позволяет выявлять особей с генотипом BB.

Из общей выборки исследованных животных были отобраны свиньи белорусской крупной белой породы (n = 51) для определения полиморфизма *ESR1-PvuII* методом ПЦР в реальном времени с использованием HRM-анализа. Анализ HRM был выполнен с помощью программного обеспечения после амплификации специфичного продукта в режиме реального времени. Этот анализ состоял из одного цикла с ростом температуры от 72°С до 85°С, где изменения флуоресценции измеряли при каждом подъеме температуры на 0.2°С в течение 5 с.

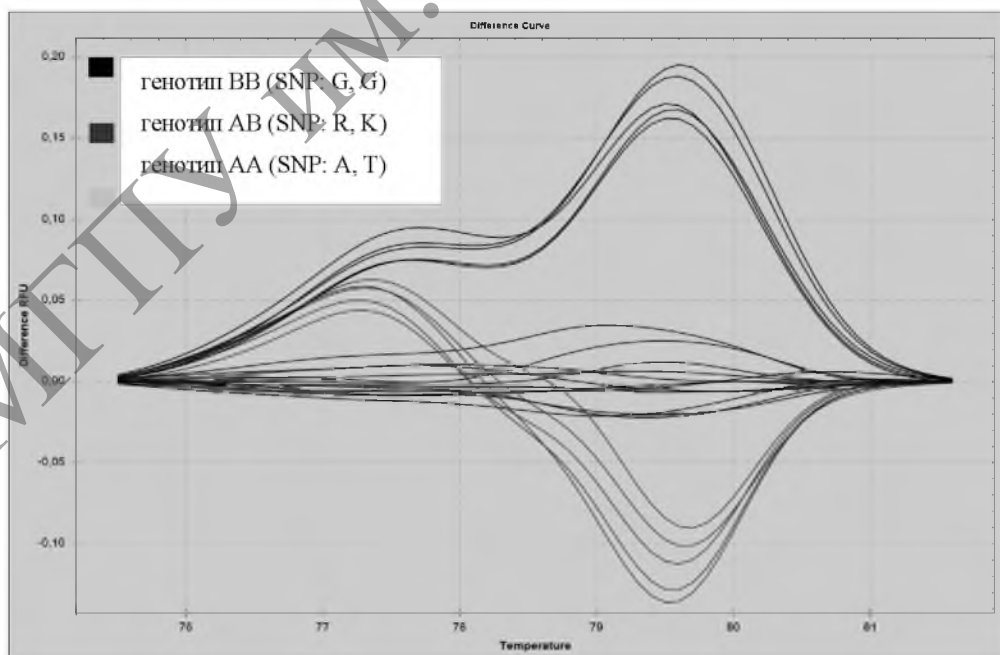
Первая реакция амплификации на CFX96 была также проверена на наличие неспецифических продуктов на 4% агарозном геле (рисунок 3).

Обозначения: М – маркер FastRulerUltra Low Range DNA Ladder #SM1233, дорожки 1–9 ампликат (120 п.н.).

Рисунок 3 – ПЦР-продукт после HRM-анализа на 4% агарозном геле

Для определения генотипов в исследуемых образцах использовали кривые плавления (рисунок 4). В результате исследуемые образцы образовывали три четких кластера, соответствующие генотипам: AA, BB, AB.

Рисунок 4 – Результаты HRM-анализа в программе Precision Melt Analysis™ software

Деление на кластеры по результатам HRM-анализа было подтверждено пост-HRM секвенированием, данные которого представлены справа на рисунке 5.

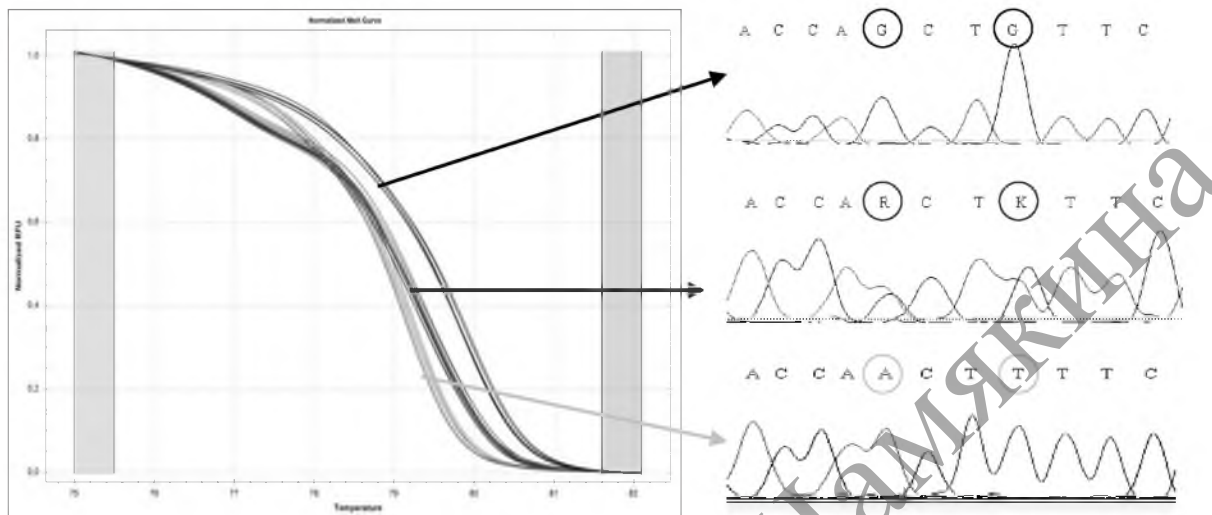

Рисунок 5 – Результаты пост-HRM секвенирования

Плавление с высоким разрешением (High Resolution Melts, HRM) – это технология, используемая после проведения ПЦР в реальном времени, основана на определении различий в кривых плавления (диссоциации ДНК) с помощью специального программного обеспечения. HRM начинается с ПЦР-амплификации интересующей области в присутствии интеркалирующего красителя (SYTO® 9, EvaGreen®, SYBR Green I), который имеет высокую флуоресценцию при связывании с дцДНК и низкую флуоресценцию в свободном состоянии. Далее осуществляется плавление продукта: двойная спираль ДНК диссоциирует с высвобождением интеркалирующего красителя и снижением уровня флуоресценции. Процесс изменения уровня флуоресценции в зависимости от температуры отслеживается с помощью специального программного обеспечения и преобразуется в полученные данные в виде графика кривой плавления. При изменении в структуре ДНК кривая плавления меняется. Эта разница может быть очень небольшой, в доли градуса, однако даже с помощью этой разницы можно выявлять однонуклеотидные замены (SNP), маленькие инсерции, делеции и метилирование ДНК.

Эффективность HRM-анализа в сравнении с ПЦР-ПДРФ методом для определения полиморфизма *ESR1-PvuII*: высокая чувствительность, низкий риск контаминации (ПЦР и анализ результатов проводится в 1 закрытой пробирке), воспроизводимые и точные результаты, быстрый по времени, недорогой по стоимости.

Работа выполнена при поддержке гранта НАН Беларуси 2014 г.

Заключение

Технология HRM-анализа характеризуется высокой чувствительностью и специфичностью, является быстрой по времени и недорогой по стоимости, что позволяет использовать ее как экспресс-метод для выявления полиморфизма *ESR1-PvuII* для массового скрининга животных в селекционно-племенной работе в свиноводстве.

Развитие молекулярно-генетических исследований и ДНК-технологий позволяет выявлять предпочтительные аллели и генотипы, что даст возможность прогнозировать развитие хозяйственно-полезных признаков у животных для быстрого введения в популяцию особей желаемого генотипа с целью повышения рентабельности производства свинины.

Літэратура

1. Эрнст, Л. К. Биотехнология в животноводстве / Л. К. Эрнст, Н. А. Зиновьева // ВИЖ. – Москва, 2008. – 510 с.
2. Terman, A. Estrogen receptor gene (*ESR*) and semen characteristics of boars / Arkadiusz Terman, Marek Kmiec, Daniel Polasik // Arch. Tierz., Dummerstorf. – № 49. – 2006. – С. 71–76.
3. Сметник, А. А. Эстрогеновые рецепторы и их функции (обзор литературы) / А. А. Сметник // Проблемы репродукции. – № 3. – 2011. – С. 31–37.
4. Association with litter size of new polymorphisms on *ESR1* and *ESR2* genes in a Chinese-European pig line / G. Munoz [et al.] // Genet. Sel. – Vol. 39. – 2007. – С. 195–206.
5. Введение в молекулярную генную диагностику сельскохозяйственных животных / Н. А. Зиновьева [и др.] // ВИЖ. – 2002. – С. 68–70.
6. Селекция на повышение многоплодия свиноматок крупной белой породы методом молекулярной генной диагностики / И. П. Шейко [и др.] // Весці нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – № 3. – 2006. – С. 77–81.
7. Effect of the estrogen receptor locus on reproduction and production traits in four commercial pig lines / T. H. Short [et al.] // Journal Animal Science. – № 75. – 1997. – С. 3138–3142.

Summary

To control the selection process and conduct genetic monitoring in pig of considerable interest to the estrogen receptor gene (*ESR1*), which is a DNA marker of reproductive traits in pigs. Currently, for detection of polymorphisms *ESR1*-*PvuII* traditional method of analysis is used: polymerase chain reaction-restriction fragment length polymorphism (PCR - RFLP), which sufficiently long time and expensive. In this study for detection the *ESR1*-*PvuII* polymorphism in the gene *ESR1* in pigs offered HRM-analysis technology (High Resolution Melting). Worked out modalities for real-time PCR, confirmed the accuracy of the identification of genotypes AA, BB, AB, and also analyzed the effectiveness of HRM- method in comparison with the method of PCR-RFLP. Testing HRM analysis was conducted on a sample of pigs (n = 51) Belarusian large white breed. Polymorphism of *ESR1*-*PvuII* - one of the key DNA markers in swine, so that method which we are propose is based on the technology of HRM and can be used as a rapid method for screening large numbers of animals.

Поступила в редакцию 02.05.14

ПЕДАГОГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 654.19

**PR-ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ БЛАГОПРИЯТНОГО ИМИДЖА
ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ****А. А. Булгакова**кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики
УО «ГрГУ им. Янки Купалы», г. Гродно, РБ

В статье описаны PR-технологии, применяемые для формирования благоприятного имиджа высшего учебного заведения: имиджа образовательной услуги, потребителей образовательных услуг, внутреннего имиджа вуза, имиджа руководителя, преподавателей и студентов, визуального, социального и бизнес-имиджа университета. Актуализированы такие PR-технологии, необходимые для построения и реализации имидж-системы в университете, как media relations, event-marketing, спонсорство и благотворительность, инвесторрилейшнз, технологии тимбилдинга.

Введение

Образование является важной частью жизни общества, развитие которой определяет интеллектуальный и духовный потенциал страны. В последнее время рынок образовательных услуг претерпевает изменения, связанные, в первую очередь, с проникновением рыночных отношений [1], [2]. В связи с реформированием белорусской системы образования, становлением университетов в качестве субъектов образовательного пространства и формированием рынка услуг в условиях «демографической ямы», вызванной низким уровнем рождаемости в 90-е гг., становится актуальным обращение к феномену имиджа как нематериальному активу образовательного учреждения.

Цель статьи – выявить и проанализировать наиболее эффективные PR-технологии, необходимые для формирования благоприятного имиджа высшего учебного заведения.

Исследование категории имиджа ведется в различных направлениях: с позиций имиджологии как самостоятельной отрасли знания (работы Г. П. Почепцова [3], Е. Дагаевой [4], Ю. Ю. Звездочкина [5], А. В. Васищевой [6], С. И. Шатохиной [7]); с точки зрения маркетинга образовательных услуг (труды Б. Ю. Сербиновского, А. П. Панкрухина [8], Т. И. Романюк [9]); в аспекте становления университетской системы менеджмента и маркетинга (статьи Е. А. Ровбы [10]–[12], Е. А. Разовой [13], [14], Т. А. Пивоварчик [15]); с точки зрения развития PR-технологий (исследования И. В. Сидорской [16], О. В. Сидельниковой [17], И. В. Алешиной [18], Э. В. Кондратьева [19], Ш. Харрисона [20], Г. Л. Тульчинского [21]).

Одной из характеристик современного рынка является его перенасыщенность товарами и услугами. В такой ситуации в выигрышном положении оказываются те организации, которые, несмотря на сложившееся положение, смогли добиться лояльности у общественности, признания качества и уникальности их товаров и услуг, и те, которые лидируют в своем сегменте рынка. Когда качество и цена перестают быть дифференцирующими признаками, важно закрепить в сознании потребителя такой образ компании, который будет отождествляться с определенным, необходимым свойством и вызывать у потребителей доверие. Поэтому не случайно современные коммерческие организации так много внимания уделяют формированию позитивного корпоративного имиджа.

Позитивный имидж организации придает дополнительную ценность услугам, способствует достижению известности и продвижению продуктов и услуг, производимых компанией, помогает привлечь наиболее компетентных высококвалифицированных работников и инвесторов [21, 70], а также повышает сопротивляемость к временным неудачам [22, 33].

Имидж образовательного учреждения необходим не только для привлечения абитуриентов, которых становится с каждым годом меньше, но и для укрепления

взаимоотношений с бизнес структурами с целью формирования рабочих мест для выпускников и получения дополнительного финансирования в результате работы над совместными проектами. Благоприятный имидж также может служить мотивационным стимулом для преподавателей в связи со снижением престижности работы ученого.

За рабочее определение имиджа образовательного учреждения возьмем дефиницию К. В. Петелинского, по мнению которого *имидж вуза* – это «устоявшееся, эмоционально окрашенное мнение о вузе у группы людей по сложившемуся у них образу вуза, возникшее при прямом контакте или на основе опосредованной информации» [23, 12].

К основным целевым группам, взаимодействие с которыми необходимо для формирования имиджа университета, отнесем абитуриентов и их родителей, выпускников вуза, партнеров, правительство, органы государственного управления, СМИ, профессорско-преподавательский и вспомогательный персонал, а также студентов университета.

Следует отметить, что формирование имиджа как благоприятного образа, формирующего символический и паблицитный капитал организации или личности (PR-субъекта), является одной из задач PR-деятельности, поэтому основными инструментами, используемыми для построения имиджа или его коррекции, являются технологии и инструменты паблик рилейшнз. Об этом все чаще говорят специалисты по маркетингу и PR (Р. Барнс, Д. Шульц, И. Быков, Г. Почепцов).

Специалисты по паблик рилейшнз используют разнообразные технологии: медиарилейшнз, event-marketing, спонсорство и благотворительность, инвестор-рилейшнз, внутрикорпоративные коммуникации, сетевой и электронный PR, а также способствующие их реализации средства и приемы.

Для любой организации, в том числе и вуза, важным является установление контактов со СМИ (медиарилейшнз). Как пишет И. В. Сидорская, «современный мир подчинен правилу: реальное событие только тогда существенно, когда о нем рассказали широкой публике средства массовой информации» [16, 23]. Поэтому деятельность университета должна в первую очередь получить информационную поддержку для повышения осведомленности потребителей и поддержания лояльности клиентов к вузу и укрепления положительного внешнего имиджа университета.

Технологии медиарилейшнз должны использоваться PR-специалистами университета для донесения ключевой идеи, сообщений и обещаний вуза до целевой аудитории; для повышения осведомленности об университете, его узнаваемости; для информирования потребителей о новых направлениях деятельности, профессорско-преподавательском составе, новых образовательных услугах и т. п.; улучшения имиджа ректора; непрерывной трансляции ценностей университета.

Медиарилейшнз в формировании имиджа вуза

Работа со СМИ специалистов высшего учебного заведения должна включать в себя:

1. Разработку медиаплана, согласно которому следует выбрать печатные и аудиовизуальные средства массовой информации, а также интернет-издания для размещения материалов об университете (республиканские общественно-политические издания – если событие значимо для всей Беларуси, наиболее популярные региональные издания, районные СМИ, так как основу целевой группы абитуриентов, к примеру, регионального вуза составляет население райцентров, республиканские и региональные телеканалы; республиканские специализированные издания различной направленности («Настаўніцкая газета», «Белорусы и рынок», «Наука» и др.).
2. Заключение договоров с редакциями региональных и районных СМИ об информационном сотрудничестве и поддержке.
3. Написание пресс-релизов и других PR-материалов, репортажей, текстов к информационным и справочным буклетам, рекламных статей, описывающих образовательные услуги и подчеркивающих их уникальность. Информация, распространяемая СМИ об университете с подачи специалиста по связям с общественностью, формирует паблицитный капитал, влияющий на имидж вуза.
4. Формирование новостных поводов для улучшения имиджа университета. Например, целесообразно было бы записать цикл передач о вузе, рассчитанных на разные целевые группы:
  - абитуриентов и старшеклассников (развлекательно-познавательные передачи о студенческой жизни, достижениях студентов, учебном процессе, представлении факультетов глазами студентов, рассказ о новых специальностях);
  - родителей абитуриентов (о преподавателях, научных школах, условиях для студентов, социальной защите);

- органов власти (передачи, посвященные социальным проектам, воплощенным в жизнь преподавателями и студентами вуза).

В печатных СМИ целесообразно вести постоянные тематические рубрики, посвященные университету. Руководство университета и ППС должны систематически выступать экспертами в новостных передачах и программах образовательной тематики.

5. Организацию университетом культурных и научных мероприятий, выставок, презентаций и участие в них с обязательным освещением данных мероприятий журналистами, что можно назвать технологией паблисити – достижения положительной известности субъекта среди его общественности [25].

6. Проведение специальных мероприятий для журналистов по представлению университета, его новых услуг, специалистов, особенностей и преимуществ перед другими образовательными учреждениями:

- пресс-конференции (совместное участие в пресс-конференциях с другими университетами города, участие в пресс-конференциях с руководителями предприятий по вопросам инновационных наукоемких технологий, отношений академической науки и производства, науки, образования и бизнеса);

- брифинги (открытие новых специальностей, факультетов, структурных единиц в составе университета и др.);

- пресс-туры (пресс-тур для журналистов региональных изданий и телеканалов и районных СМИ, мероприятия типа «один день в университете» и т. п.);

- совместные с журналистами круглые столы, посвященные насущным проблемам с участием ППС университета в качестве экспертов (обсуждение проблем централизованного тестирования, занятости молодежи, ситуации на рынке образовательных услуг, девиантного поведения молодежи и т. п.);

- интервью с руководством университета и «героями» наиболее значимых событий.

Таким образом, в построении эффективных медиарелейшнз есть значительные плюсы: 1) целевые аудитории информированы, а это является основой имиджа вуза; 2) материалы в СМИ формируют благоприятное общественное мнение об университете; 3) это наименее затратная PR-технология, так как материалы размещаются на бесплатной основе и интересны журналистам как «информационная субсидия» (определение О. Х. Гэнди).

Event-marketing (маркетинг событий) в формировании внешнего имиджа вуза

Событийный маркетинг также является способом привлечения внимания и создания гармоничных отношений с общественностью.

Он должен рассматриваться специалистами университета как наиболее эффективная технология прямой коммуникации с абитуриентами и их родителями, выпускниками, партнерами-инвесторами и работодателями, органами власти. Под *специальными событиями* понимают «мероприятия, проводимые компанией в целях привлечения внимания общественности к самой компании, ее деятельности и продуктам» [18, 65].

В организации и проведении специальных событий важен момент со-участия, ощущения причастности к организации, в которую транслируется визуальный имидж университета (логотип, фирменный стиль, интерьер, экстерьер), а также основные ценностные установки вуза (миссия, видение, традиции, перспективы). Проведение специальных мероприятий может быть направлено на снятие негативных стереотипов в сознании людей и формирование установок, т. е. создание готовности к действию в определенной ситуации. Например, получение знания, осведомленность абитуриента в условиях события могут сформировать установку поступать в данный университет.

К мероприятиям событийного маркетинга, влияющим на формирование позитивного имиджа высшего учебного заведения, мы отнесем:

1) *trade events* – мероприятия для партнеров, носящие деловой характер (конференции, презентации, выставки, круглые столы, форумы). Для партнеров уместно было бы организовывать рассылку поздравлений с праздниками (открыток, календарей) и интернет-рассылку, информирующую об услугах, проектах, новых разработанных и запатентованных технологиях;

2) *special events* – специальные мероприятия, благотворно влияющие на внешний имидж компании.

Примером специального события для абитуриентов, старшеклассников, их родителей являются ставшие традиционными выставки-ярмарки «Образование и карьера», дни открытых дверей. Возможно, их стоит проводить не только в городе, где расположен университет, но и в

крупных райцентрах. Возможна организация мероприятия «Один день в университете», где школьники получают возможность провести один день в качестве студента любой специальности, посетить лекции, практические занятия, ощутить атмосферу студенческой жизни (библиотека, столовая, спортзал, досуговая деятельность).

Для выпускников целесообразно проводить следующие мероприятия: форум выпускников университета, бизнес-форумы выпускников, занимающихся предпринимательской деятельностью, интернет-конференции по отдельным вопросам, связанным с деятельностью вуза на рынке образовательных услуг, состоянием рынка труда и т. п., презентации (например, презентация электронной доски почета «Лучшие выпускники университета», портфолио выпусков), выездные семинары на крупнейшие предприятия региона по местам работы выпускников, оздоровительно-досуговые мероприятия (товарищеские встречи между выпускниками разных факультетов, выпускниками и администрацией вуза по футболу, теннису, волейболу и др.; турслеты; совместные вечера отдыха).

Для улучшения имиджа студентов целесообразно проведение PR-кампаний, направленных на изменение стереотипа о «второсортности» студентов региональных вузов и изменение стереотипа «региональный вуз – значит провинциальный». Возможна организация выездных концертных программ, организованных студентами различных факультетов (СТЭМ, танцы, песни и др.) для повышения имиджа студента ГрГУ и донесения ключевого послания университета до абитуриентов районных центров.

Таким образом, специальные мероприятия ценны для построения или улучшения имиджа университета тем, что позволяют транслировать желаемые ценности вуза, отражают уникальность университета, формируют у целевой аудитории нужные установки.

Технология спонсоринга

Спонсорство и благотворительность помогают поддерживать осведомленность о вузе и его услугах. Это хороший способ заявить о себе, своем бизнесе, услугах, деятельности как о социально значимых, обозначить принципы социальной ответственности, которых придерживается университет. К тому же участие в благотворительных мероприятиях, акциях, кампаниях, а также их организация являются поводом упомянуть вуз в прессе [18, 42].

Использование спонсорских и благотворительных программ продиктовано, с одной стороны, этическими позициями руководителя университета, с другой стороны – прагматическими причинами (демонстрацией высокой корпоративной культуры, собственной гражданской позиции широкой общественности, партнерам, органам госуправления, стремлением повысить уровень и качество жизни людей). Однако следует отметить, что осведомленность общественности о благотворительной, социально направленной, общественно значимой деятельности белорусских университетов довольно низкая.

Формы спонсорства, которые целесообразно использовать для улучшения имиджа:

- организация конкретных мероприятий (патронаж детских домов, организация экскурсий по Беларуси для детей-сирот, акции по сбору вещей и перечислению средств, начисление детям-сиротам специальных именных стипендий при поступлении в высшие учебные заведения, спонсорство спортивных мероприятий в городах, поддержка педагогов, ветеранов, организация конкурсов талантов, интеллектуальных турниров среди воспитанников детских домов и др.);
- содействие в организации и проведении благотворительных кампаний (совместно с обществом Красного Креста и др. организациями);
- исследование жизни общества с целью поиска тех проблем, решению которых университет мог бы содействовать наилучшим образом (аналитическая деятельность).

Внутрикорпоративный PR

Необходимость внутреннего (внутрикорпоративного) публичных отношений вызвана пониманием важности отношения сотрудников к компании, ее ценностям, лояльности персонала к вузу и его услугам, созданием корпоративной культуры.

PR-инструментами формирования внутреннего имиджа ГрГУ, по нашему мнению, могут выступать деятельность музея, корпоративная внутренне ориентированная пресса (радио, телевидение, газета), доски информации, специальные мероприятия (team-building, corporate events), внутренний сайт (Инtranет).

Музей университета может стать тем культурно-информационным пространством, которое сформирует комфортную, развивающую среду для обучения, творчества и научной деятельности. Необходимо интегрироваться в общереспубликанское музейное пространство,

расширять поле деятельности, представлять не только историю конкретного университета, но и историю образования в области (это касается региональных вузов), и работать не только с внутренней аудиторией, но и внешней (абитуриентами, выпускниками, ветеранами, широкой общественностью). Для этого нужно сделать открытым и доступ к уникальным материалам, артефактам, разработать комплекс развлекательных и познавательных мероприятий для разных целевых групп, больше работать с прессой.

Возможно, учитывая опыт и практику российских вузов [26], следует подумать о создании виртуального музея университета, который имеет ряд преимуществ перед реальным (большая степень визуализации, возможность просмотра видео и звукового сопровождения экскурсии, создание мультимедийных коллекций, музейной библиотеки, галереи лидерства ППС и др.).

Корпоративная пресса, основная задача которой заключается в снятии информационного вакуума, в большинстве университетов республики нуждается в реформировании. В случае, если университет располагается в нескольких корпусах, должна быть налажена эффективная система обмена информацией. Целесообразно сформировать концепцию общеуниверситетского студенческого телевидения, в работе которого принимают участие студенты всех специальностей, а зрительская аудитория расширяется и охватывает все факультеты. Кроме того, необходимо следить за качеством контента и технического исполнения.

Корпоративная газета должна быть популярным изданием, которое сплачивает коллектив, формирует лояльность к организации, гордость за достижения университета. Газету, как нам кажется, следует приблизить к интересам работников, сделав материалы менее официальными, увеличив тираж и периодичность выхода. Если же существует необходимость в существовании официального издания – информационного бюллетеня – то следует параллельно с ним издавать газету с актуальными, интересными для разной аудитории (ППС, вспомогательный учебный персонал, другие сотрудники) материалами о научной, культурной, спортивной и др. жизни университета.

Эффективным для выстраивания внутренних коммуникаций было бы создание единой университетской студенческой газеты, выпускаемой активом из редакций факультетских газет и распространяемой в печатном и электронном вариантах.

Элементом корпоративной культуры университета являются *корпоративные мероприятия* (торжества по случаю Дня знаний, Дня белорусской науки и т. п.). На наш взгляд, перечень мероприятий можно расширить за счет включения спортивных мероприятий (соревнования по отдельным видам спорта, проведение турниров «преподаватели против студентов», организация турслетов) и совместного отдыха (санаторий университета, турбазы на море и т. п.).

К технологии тимбилдинга (командообразования) относится организация конкурсов. В зарубежной и российской практике это конкурсы по разработке элементов фирменного стиля, лозунга, логотипа университета, лучшее название университетской газеты. Интересным, на наш взгляд, стало бы создание «Книги рекордов университета» (самые долгие аплодисменты после лекции, самый популярный преподаватель, самый молодой профессор и т. п.). В любом случае каждое из этих мероприятий должно быть направлено на повышение лояльности сотрудников университета, формирование чувства общности, корпоративной гордости.

Инструментом внутреннего публичного рилейшнз являются *информационные стенды* (доски объявлений), которые в основном, к сожалению, служат только для информирования персонала и повышения его осведомленности. Между тем, они могут использоваться в качестве средства, сближающего сотрудников (допустим, доска «Ими гордится университет», на которой размещены фотографии детей сотрудников с подписями о достижении каждого ребенка и др.).

Внутренний (корпоративный) сайт университета является официальным источником информации, обязательной для применения всеми сотрудниками университета: базы студентов, абитуриентов, распоряжения ректора, решения ректората, постановления Совета университета, сведения о структуре университета, должностях и др.

На внутреннем сайте хотелось бы видеть больше неформальной информации, следовало бы усилить мультимедийность внутреннего сайта, а также наладить горизонтальную (между подразделениями) и вертикальную (с администрацией вуза) связи.

Неотъемлемой частью жизни человека стал интернет, поэтому при формировании позитивного имиджа университета важно использовать *технологии сетевого PR* (сайт вуза, работа в социальных сетях, с электронной почтой). Это новая и малоизученная сфера PR, но уже

очевидно, что она дает университету большие возможности по сравнению с другими, традиционными каналами коммуникации.

Выводы

Таким образом, применяя технологии паблик рилейшнз, можно значительно улучшить имеющийся имидж университета: имидж образовательной услуги, потребителей образовательных услуг, внутренний имидж вуза, имидж руководителя, преподавателей и студентов, визуальный, социальный и бизнес-имидж университета.

Литература

1. Лантух, Т. В. Тенденции развития современной системы высшего образования Республики Беларусь / Т. В. Лантух // Перспективы развития высшей школы : материалы IV Междунар. науч.-метод. конф. / УО «ГрГАУ»; отв. ред. В. К. Пестис. – Гродно : ГГАУ, 2011. – С. 87–89.
2. Ровба, Е. А. Технологии обеспечения приема в университеты и проблемы их внедрения / Е. А. Ровба, Ю. Э. Бельх, Т. А. Пивоварчик // Выпэйшая школа. – 2012. – № 2. – С. 39–42.
3. Почепцов, Г. П. Имиджология / Г. П. Почепцов. – М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2001. – 698 с.
4. Дагаева, Е. Имидж вуза и корпоративная идентичность / Е. Дагаева // Высшее образование в России. – 2008. – № 11. – С. 89–93.
5. Звездочкин, Ю. Ю. Имидж-система университета / Ю. Ю. Звездочкин, Б. Ю. Сербиновский. – Новочеркасск : ЮРГТУ (НПИ), 2009. – 266 с.
6. Васищева, А. В. Имидж: определение центрального понятия имиджологии / А. В. Васищева, А. В. Ненашева // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 4. – С. 311–317.
7. Шатохина, С. И. Формирование медийного имиджа инновационного вуза : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / С. И. Шатохина. – Воронеж, 2012. – 22 с.
8. Сербиновский, Б. Ю. Маркетинговые коммуникации: теоретико-методологические аспекты изменения роли и строительства бренда университета в условиях становления экономики знаний / Б. Ю. Сербиновский // КубГАУ. – № 61(07). – 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ej.kubagro.ru/2010/07/pdf/10.pdf>. – Дата доступа : 30.08.2012.
9. Романюк, Т. И. Имидж как средство формирования корпоративной культуры общения будущих специалистов сервиса / Т. И. Романюк // Вестник Ставропольского университета. – 2008. – № 58. – С. 128–133.
10. Ровба, Е. А. Научная и инновационная деятельность университета в контексте решения экономических и социальных проблем города Гродно и региона / Е. А. Ровба, Г. А. Хацкевич, Е. В. Опекун // Университет, город, регион: перспективы взаимодействия : материалы Междунар. науч. конф., посвященной 880-й годовщине основания г. Гродно (Гродно, 11–13 сентября 2008 г.) / УО «ГрГУ им. Я. Купаль»; отв. ред. Е. А. Ровба. – Гродно : ГрГУ, 2008. – С. 3–8.
11. Ровба, Е. А. 70 лет созидания: от традиций к инновациям / Е. А. Ровба // Выпэйшая школа. – 2010. – № 1. – С. 8–20.
12. Ровба, Е. А. Региональный университетский комплекс как мультипликатор регионального развития / Е. А. Ровба, Ли Чон Ку, В. Е. Лявшук // Проблемы управления. – 2006. – № 2. – С. 27–30.
13. Ровба, Е. А. Инновационный потенциал академической корпоративной культуры / Е. А. Ровба, Ю. Э. Бельх, Е. Л. Разова // Проблемы управления. – 2011. – № 3. – С. 42–45.
14. Ровба, Е. А. Система менеджмента качества: от инновации к ключевой компетенции / Е. В. Ровба, Ю. Э. Бельх, Е. Л. Разова // Стандартизация. – 2011. – № 6. – С. 43–47.
15. Ровба, Е. А. Технологии обеспечения приема в университеты и проблемы их внедрения / Е. А. Ровба, Ю. Э. Бельх, Т. А. Пивоварчик // Выпэйшая школа. – 2012. – № 2. – С. 39–42.
16. Сидорская, И. В. Эффективная коммуникация со СМИ: принципы и технологии : пособие для студ. высш. уч. зав. / И. В. Сидорская. – Минск : Изд-во Гревцова, 2010. – 144 с.
17. Сидельникова, О. В. Медиарилейшнз в системе PR-технологий: на примере высшего профессионального образования России : автореф. дис. ... канд. филол. н. / О. В. Сидельникова Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/mediarileishnz-v-sisteme-pr-tehnologii-na-primere-vysshego-professionalnogo-obrazovaniva.html>. – Дата доступа : 02.09.2012.
18. Алешина, И. В. Паблик рилейшнз для менеджеров / И. В. Алешина. – М. : Экмос, 2002. – 480 с.
19. Кондратьев, Э. В. Связи с общественностью : учеб. пособие / Э. В. Кондратьев, Р. Н. Абрамова. – М. : Академический проект. – 2003. – 512 с.
20. Харрисон, Ш. Связи с общественностью: вводный курс / Ш. Харрисон; пер. с англ. Г. Е. Алпатова. – СПб. : Изд. дом «Нева»; М. : ОЛМА-пресс инвест, 2003. – 368 с.
21. Тульчинский, Г. Л. PR-фирмы: технология и эффективность / Г. Л. Тульчинский. – СПб. : СПГУКНИ, 2000. – 429 с.
22. Абельмас, В. В. Универсальный справочник по паблик рилейшнз / В. В. Абельмас. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 240 с.

23. Пителинский, К. В. Взаимосвязь имиджа и образовательного процесса в вузе / К. В. Петелинский // Межотраслевая информационная служба. – 2009. – № 1. – С. 12–17.
24. Викентьев, И. В. Приемы рекламы и Public Relations / И. В. Викентьев. – СПб. : Триз-Шанс, Бизнес-Пресса, 2002. – 380 с.
25. Базаров, Т. Ю. Управление персоналом [Электронный ресурс] / Т. Ю. Базаров. – Режим доступа : <http://www.i-u.ru/biblio/archive/uprperson>. – Дата доступа : 12.09.2011.
26. Концепция Музея Северного (Арктического) федерального университета им. М. Ю. Ломоносова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : narfu.ru/university/about/museum/concept/concept_mus.pdf. – Дата доступа : 20.09.2012.

Summary

The paper describes PR-technologies used for forming the positive image of the higher educational institution: *the image of the educational service, the consumers of the educational service, the internal image of the institution of higher education, the image of the head/ lecturers/ students, visual, social and business image of the university*. The PR-technologies that are used to develop and implement the image-system in the University (*media relations, event-marketing, sponsoring and philanthropy, investor-relations, teambuilding*) have been actualized.

Поступила в редакцию 13.02.14

МГПУ ИМ. И.П.Шамягина

УДК 373.3:37.037.1

ИНТЕРАКТИВНЫЙ ПОДХОД В УПРАВЛЕНИИ ПРОЦЕССОМ РАЗВИТИЯ ДВИГАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

И. П. Дойняк

старший преподаватель кафедры физического воспитания
УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ

В статье анализируется интерактивный подход в управлении процессом развития двигательной сферы младшего школьника.

Введение

Школа является особым образовательным пространством, в рамках которого происходит не только формирование социально адаптированной личности, ее профессиональное и гражданское самоопределение, но и формируется базовая характеристика, обеспечивающая сохранение и улучшение здоровья.

В ряде исследований установлено непосредственное влияние на формирование здоровья учащихся факторов внутришкольной среды, в том числе на его двигательную активность. Количественная величина двигательной активности, полностью удовлетворяющая биологическую потребность организма в разнообразных движениях и способствующая укреплению здоровья ребенка и подростка, признается гигиенической нормой. Она регламентирует объем и интенсивность движений и служит научной основой при решении оздоровительных задач физического воспитания детей.

Дифференцирование гигиенической нормы суточной двигательной активности в зависимости от пола предлагается только в старшем школьном возрасте. Регламентируются как нижняя граница, так и верхняя. Двигательная активность в пределах этих границ считается допустимой, так как не оказывает существенного воздействия на здоровье детей.

Важным условием рационально построенного двигательного режима младших школьников является качественное разнообразие движений. Занятия физическими упражнениями, виды мышечной деятельности должны быть разнообразными, но сбалансированными в количественном отношении с потребностями и возможностями растущего организма. В социальных и оздоровительных целях общеобразовательные учреждения создают условия для удовлетворения биологической потребности школьника в движении.

Система физкультурно-оздоровительной работы в школе способна обеспечить дифференцированное применение средств и форм физического воспитания в зависимости от возраста, пола, состояния здоровья, физической подготовленности младших школьников. Необходимым условием успешного сбережения и укрепления здоровья младших школьников является систематичность этой работы, постепенное увеличение нагрузок и комплексное использование разнообразных форм и средств физического воспитания.

Результаты исследования и их обсуждение

Физическое воспитание имеет целью формирование с помощью средств физкультуры и спорта таких ценностных ориентаций, которые выражаются, во-первых, в понимании необходимости и полезности для человека занятий физкультурой и спортом; во-вторых, в привитии интереса к занятиям физической культурой и спортом, в выработке потребности регулярно и систематически использовать физические упражнения для укрепления здоровья.

Для всех этапов физкультурно-оздоровительной работы необходим путь формирования интереса к физическим упражнениям у школьников, учитывая при этом возраст, физические и умственные способности, семейные отношения и профессию родителей, традиции, материально-техническое обеспечение учебно-тренировочного процесса [1].

Двигательная деятельность младшего школьника становится многофункциональной. Предметом деятельности мы выделяем овладение пространством предстоящих действий, движений. Это пространство осваивается ребенком с помощью взрослого. Двигательная

активность является производной не только от индивидуальных особенностей младших школьников, но и от двигательного режима, который установлен в детском учреждении и дома.

В самом общем виде система физкультурно-оздоровительной работы является составной частью общегосударственного физического воспитания младших школьников. Элементы спортивной деятельности позволяют повысить эффективность мероприятий. Однако в оздоровительной работе с детьми спорт может быть использован только с учётом возможностей детского организма, правильной методической организации занятий.

Многие традиционные формы занятий физическими упражнениями заменяются новыми – интерактивными, учитывающими интересы и возможности учащихся. Главная цель – способность гармонического развития и укрепления здоровья средствами физического воспитания. Разнообразие форм и средств физического воспитания дает возможность, с одной стороны, достичь наибольшего эффекта, а с другой – учитывать интересы, желание и индивидуальные психофизиологические особенности школьников. В целях взаимосвязи всех форм и средств создаются комплексные программы, включающие уроки физкультуры, физкультурно-оздоровительные мероприятия в режиме учебного дня и в режиме свободного времени, внеклассные физкультурно-массовые и спортивные мероприятия. Кроме того, существуют дополнительные научно обоснованные программы внешкольной спортивной подготовки по отдельным видам спорта [2].

Повлиять на традиционный процесс обучения, повысить его эффективность, направить его на развитие личности ученика поможет использование интерактивных технологий в обучении.

В теории и практике образования широко используются термины «интерактивный подход», «интерактивная педагогика», «интерактивный педагогический процесс», «интерактивное взаимодействие».

Слово «интерактив» произошло от слова «интеракт», где «интер» – взаимный и «акт» – действовать. Таким образом, интерактивный – способный к взаимодействию. Мы основываемся на том, что интерактивное обучение – это специальная форма организации познавательной деятельности, которая имеет конкретную, предвиденную цель – создать комфортные условия обучения, в которых каждый обучаемый почувствует свою успешность.

При этом учебный процесс осуществляется при условии постоянного, активного взаимодействия всех учащихся. В самом общем виде организация интерактивного обучения предполагает моделирование жизненных ситуаций, использование ролевых игр, общее решение проблемы на основе анализа обстоятельств и соответствующей ситуации. Оно эффективно способствует формированию навыков и умений, выработке ценностей, созданию атмосферы сотрудничества, взаимодействия, даст возможность учителю стать настоящим лидером детского коллектива. Хорошо подобранная и правильно руководимая игра является сильным средством воспитания детей младшего школьного возраста. Сила воздействия игры на всестороннее развитие ребенка заключается в эмоциональном возбуждении, интересе и увлечении, которые переживает ребенок во время игры, он способен приложить много усилий и быть исполнительным. Я. А. Коменский требовал старательного подбора игр с учетом их воспитательной ценности, такого, чтобы одновременно с развитием движений они способствовали воспитанию честности, любви к порядку, мужества и дружеских отношений в коллективе. Во время интерактивного обучения учащиеся учатся общаться с другими людьми, критически мыслить, принимать решения [3].

Согласно нормативно-правовым документам, регламентирующим санитарно-эпидемиологические правила и нормы для дошкольных учреждений образования, максимальная продолжительность непрерывного бодрствования младших школьников составляет в среднем 6 часов. Особенностью гигиенического нормирования двигательной активности школьника является учет не только предельно допустимой и максимально необходимой границы активности. Колебания активности между данными величинами считаются оптимальными и оказывают благоприятное воздействие на организм детей. Идеальная модель двигательной активности младших школьников представлена диаграммой на рисунке 1. Проектируя модель двигательного режима с оздоровительной направленностью, мы выбрали пять приоритетных форм двигательной активности. При этом придерживались апробированной методики расчета времени на двигательную активность: $135 \text{ мин} + 70 \text{ мин} + 250 \text{ мин} + 30 \text{ мин} + 1400 \text{ мин} = 1885 \text{ мин}$. Таким образом, если 1885 мин разделить на 45 мин (продолжительность одного занятия) и на 7 дней недели, получим 5,98 академических часа в день, что соответствует максимальной

продолжительности непрерывного бодрствования детей. Анкетирование, опрос и наблюдение за двигательной активностью младших школьников позволили нам составить реальную модель двигательной активности младших школьников, которая представлена диаграммой на рисунке.

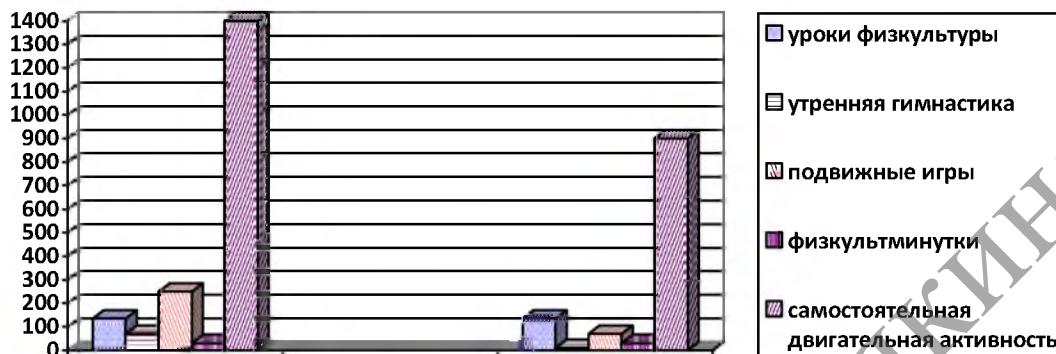

Рисунок – Диаграмма «Идеальная и реальная модели двигательной активности младших школьников»

Таким образом, потребность детей младшего школьного возраста в двигательной активности достаточно высока, но не всегда она реализуется на должном уровне. Отдельного внимания требуют вопросы организации подвижных игр в перерывах между уроками, а также работы с родителями по проведению утренней гимнастики по месту жительства. Особого внимания заслуживает вопрос организации самостоятельной двигательной активности.

Как показывают результаты анкетирования, проведенного среди детей 3–4 классов общеобразовательных школ г. Мозыря, компьютерные игры являются приоритетом по сравнению с подвижными играми у подавляющего большинства опрошенных (73%). Возникает вопрос о рациональном использовании времени, отведенного на занятия физической культурой. Несомненно, использование информационно-коммуникационных технологий приведет к мотивации роста и эмоциональной выразительности урока физической культуры. Уроки физической культуры оказывают прямое воздействие на умственное развитие учащегося, так как активизируются все виды умственной работы: аналитическая, обобщающая, закрепление в памяти. Не меньшее значение для стимулирования умственной активности имеет косвенное воздействие физических упражнений через все системы организма на деятельность коры головного мозга. Установлено, что после кратковременных интенсивных нагрузок улучшаются внимание, память и мышление. Чтобы воспитать устойчивую потребность к регулярным занятиям физическими упражнениями, которая должна перейти в прочную привычку, нужно обязательно добиться осознания школьником необходимости таких занятий для достижения успеха в учении, жизни, труде.

Организм 6–9-летнего ребенка имеет целый ряд анатомо-физиологических и психических особенностей, которые должен учитывать учитель при выборе интерактивных игр и их проведении.

Особенности опорно-двигательного аппарата: не закончен процесс окостенения, благодаря большой прослойке хрящевой ткани позвоночник очень гибок и податлив, слабо развита мускулатура.

Особенности деятельности внутренних органов: сердце развито и работает сравнительно хорошо, но иннервация сердца несовершенна, в связи с чем отмечается аритмия сердечной деятельности и легкая быстро наступающая и быстро исчезающая возбужденность. Дыхание затруднено и поверхностно. Учитывая эти особенности, не следует проводить игры с длительными, однообразными движениями, оберегая детей от перевозбуждения и утомления. Игры с прыжками и бегом следует делать более короткими по времени.

Особенности деятельности нервной системы: центральная нервная система (ЦНС) находится в стадии развития. Процесс возбуждения превалирует над процессом торможения, и в связи с этим дети по своему поведению очень импульсивны и неуравновешенны. Мышление у детей образно и конкретно, сильно развиты фантазия и творческое воображение, слабо развита координация движений. Школьники не умеют рационально распределять свои силы и движения.

Разнообразие игр по содержанию и организации позволяет подбирать их с учетом времени дня, условий проведения, возраста детей, их подготовленности, а также в соответствии с поставленными целями.

Проведенный эксперимент на базе Горочичской средней школы Калинковичского района Гомельской области позволяет утверждать, что сюжетные подвижные игры наиболее соответствуют реализации интерактивного подхода в управлении процессом развития двигательной сферы младшего школьника. Благодаря многообразию их содержания и использованию технических средств обучения, такие игры помогают организовать процесс закрепления знаний и представлений о предметах и явлениях окружающего их мира: о повадках и особенностях движений различных животных и птиц, их криках; о звуках, издаваемых машинами, о средствах передвижения и правилах движения поезда, автомобиля, самолета.

Установлено, что активность детей в играх, основанных на интерактивном подходе, зависит от следующих условий: тематического содержания игры, планируемого характера и интенсивности движений в игре, используемого спортивного инвентаря. Поэтому одной из задач управления процессом организации подвижных игр является поддержание в них достаточной активности всех детей, постепенное усложнение движений в соответствии с возрастными особенностями детей младшего школьного возраста с учетом обозначенных условий. Несомненно, использование интерактивных методов в педагогическом процессе побуждает преподавателя к постоянному творчеству, совершенствованию, изменению, профессиональному и личному росту.

Выводы

Одним из приоритетных направлений работы учителей физической культуры является повышение качества образования через использование информационных технологий на уроках и внеклассных занятиях наряду с традиционными формами обучения. Современные педагогические технологии, в частности использование интерактивного подхода в управлении процессом развития двигательной сферы младших школьников, позволяют учителю достичь максимальных результатов в решении следующих задач:

– развитие личности обучаемого (развитие коммуникативных способностей; формирование информационной культуры и др.);

– интенсификация учебно-воспитательного процесса за счет применения средств современных информационных технологий (углубление межпредметных связей; индивидуализация и дифференциация процесса обучения и др.);

– повышение внешней мотивации и интереса к предмету.

Таким образом, использование информационно-коммуникационных технологий позволяет успешно совмещать не только физическую, но и умственную работу, развивать интеллектуальные и творческие способности младшего школьника, расширять общий кругозор. Интерактивные методы можно рассматривать как способы усиленной целенаправленной деятельности педагога и учащихся по организации взаимодействия между собой, для создания оптимальных условий для развития младших школьников.

Литература

1. Лубышева, Л. И. Социология физической культуры и спорта : учеб. пособие / Л. И. Лубышева. – М. : Академия, 2001. – 240 с.
2. Бальсевич, В. К. Онтокинезиология человека / В. К. Бальсевич. – М. : Теория и практика физ. культуры, 2000. – 275 с.
3. Коменский, Я. А. Педагогика / Я. А. Коменский. – М. : Педагогика, 1970. – 439 с.

Summary

The article deals with the theoretical aspects of interactive approach in the management of motor sphere of primary school children.

Поступила в редакцию 12.05.14

УДК 316.422:338.48-53

ВОСПИТАНИЕ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ У СТУДЕНТОК В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА КРУГОВОЙ ТРЕНИРОВКИ

А. Ю. Журавский

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической культуры и спорта,
Полесский государственный университет, г. Пинск, РБ

А. Н. Яковлев

кандидат педагогических наук, доцент,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Владивосток, Россия

В. А. Горовой

старший преподаватель кафедры теории и методики физического воспитания
УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ

В работе представлены результаты проведенного исследования по определению наиболее эффективной программы физического воспитания студенток учреждения высшего образования. Описана методика воспитания физических качеств студенток, которая основана на учете их соматических типов, системном применении образовательно-тренировочных упражнений с использованием метода круговой тренировки и современных фитнес-технологий.

Введение

Практика обучения студенческой молодежи в системе высшего образования показывает, что успешная учебно-образовательная деятельность и необходимая двигательная активность возможны только при оптимальном состоянии здоровья (социальном, психическом, физическом), должном физическом развитии и физической подготовленности каждого индивидуума. На территории постсоветского пространства в результате изменений в политической, экономической и культурной жизни сложились определенные условия для вхождения в единое образовательное пространство. Анализ исследований проблемы формирования физической культуры личности студента, существующие педагогические условия и средства развития физической культуры применительно к условиям модернизации современного образовательного процесса пока не стали объектом специального исследования и целенаправленного использования педагогами учреждений высшего образования (УВО). В условиях установления социального порядка в Европейском пространстве функции физической культуры значительно расширились. Теперь они не только решают специфические задачи воспитания и совершенствования физических способностей, а становятся мощным социальным фактором воспроизводства трудовых ресурсов в изменившемся обществе.

Кроме того, происходящие в настоящее время реформы в системе высшего образования привели в движение механизмы, предъявляющие повышенные требования к личности обучаемого, качеству его знаний, умений и навыков, способности к адаптации в условиях динамично и непредсказуемо меняющейся жизни, значимости здоровья, высокой работоспособности и постоянной двигательной реабилитации и рекреации [1]–[6].

В этой связи существенно возрастает необходимость разработки инновационных методик, обеспечивающих общеприкладную и оздоровительно-тренировочную направленность, эффективно формирующих общую и специальную подготовку, способствующих индивидуальной коррекции физического развития и физической подготовленности, эффективному воспитанию физических качеств как совокупности свойств организма, обеспечивающих ему возможность осуществлять активную двигательную деятельность [7].

Осуществление такого педагогического подхода в системе высшего образования позволяет либерализовать учебно-методические комплексы и рабочие программы по физическому воспитанию, которые должны быть основаны на учете соматических типов студенток, вариативных оздоровительно-тренировочных методиках и высоком практическом результате.

Одним из путей решения данной проблемы является разработка и реализация в процессе физического воспитания методики системно-управляемого развития специальных физических качеств, основанной на применении метода круговой тренировки, современных фитнес-программ с учетом уровня физического развития и физической подготовленности и самомотивации студенческой молодежи.

Целью данной работы является разработка методики воспитания физических качеств с использованием метода круговой тренировки, учетом профессиональной деятельности и определение ее эффективности у студенток различных вариантов биологического развития.

Материалы и методы исследований. В исследовании приняли участие студентки 1–2 курсов, занимающиеся физической культурой в рамках учебной деятельности на базе Полесского государственного университета.

В работе использовались следующие методы исследования: теоретическое изучение и анализ специальной научно-методической литературы; педагогический эксперимент; педагогическое наблюдение; контрольные педагогические испытания (тесты); соматометрия; тензодинамометрия; гониометрия; пульсометрия; методы математической статистики.

Результаты исследования и их обсуждение

Всестороннее изучение адаптации систем организма к различным видам физических упражнений и условий их реализации, под влиянием которых происходят существенные морфофункциональные и физиологические сдвиги, определяющие изменения моторики студенток, является актуальным для организации физического воспитания студенток. В результате такой адаптации в организме возникает соответствующая перестройка в его системах и осуществляется их переход на новый уровень функционирования и взаимодействия с факторами внешней среды.

Это принципиальное положение стало исходным в нашем исследовании при изучении изменений соматических характеристик и уровня развития физических качеств (скоростных, силовых, скоростно-силовых, координационных способностей, гибкости, выносливости) у студенток в процессе учебных занятий по физической культуре.

С этой целью в процессе констатирующего педагогического эксперимента на протяжении первого года обучения были проведены соматодиагностика и контрольно-педагогическое тестирование студенток. Для реализации констатирующего педагогического эксперимента были сформированы экспериментальная ($n = 28$) и контрольная ($n = 28$) группы, проведено по 48 занятий по физической культуре для каждой группы (с преимущественной направленностью современных фитнес-технологий). Антропометрические исследования производились по методу Р. Н. Дорохова, В. Г. Петрухина [8] и включали оценку соматических показателей, на основе которых были выделены соматические типы: микросоматики (МиС), микромезосоматики (МиМес), мезосоматики (МеС), мезомакросоматики (МеМаС) и макросоматики (МаС). Классификация осуществлялась посредством оценки выраженности и соотношения мышечной, жировой и костной масс, габаритного и пропорционного варьирования, учета вариантов биологического развития (ускоренный – ВР «А», нормальный – ВР «В» и замедленный – ВР «С»).

Таким образом, соматодиагностика строилась на основе оценки метрических показателей, варьирующих независимо друг от друга, то есть изменения одного показателя не обязательно влекло за собой изменение другого. При соматотипировании студенток учитывалось, что информативные данные возможно получить, опираясь на биологическую зрелость индивида [9].

Определить динамику показателей физического развития пяти соматических типов (МиС, МиМес, МеС, МеМаС и МаС) у студенток 1–2 курсов Полесского государственного университета позволили проведенные ранее исследования с девушками 15–17 лет в г. Смоленске [10]. Было выявлено, что из числа обследованных студенток 25,0% относится к МаС, 20,0% к МеМаС, 10,0% к МеС, 18,0% к МиМес и 27,0% к МиС.

Анализ зарегистрированных данных физических качеств показал, что их изменения носят иерархичный характер и в целом свидетельствуют о невысоком уровне развития в отношении контрольных нормативов для оценки физической подготовленности студенток. Можно полагать, что это является следствием малоэффективных форм, методов и способов реализации средств, которые используются в системе занятий в УВО по физической культуре. Получаемые физические нагрузки (два раза в неделю) недостаточно эффективны для необходимой двигательной активности и роста физических качеств студенток.

Комплексная диагностика уровня развития физических качеств у студенток показала, что процесс их формирования находится в прямой зависимости от различных вариантов их биологического развития. В рамках исследуемого возрастного контингента наблюдается чередование различных по интенсивности приростов скоростных, скоростно-силовых, двигательнo-координационных способностей, гибкости и выносливости у девушек различных вариантов биологической зрелости. Проведенная оценка уровня и изменения показателей физических качеств выявила, что испытуемые, относящиеся к ускоренному варианту развития (ВР «А»), имеют достоверно лучшие результаты ($p < 0,05$) по сравнению с испытуемыми нормального («В») и замедленного («С») вариантов биологического развития. Это различие особенно выражено в показателях скоростных (на 8,9%; $p < 0,05$), скоростно-силовых (на 14%; $p < 0,05$), силовых (на 17,5%; $p < 0,05$) качеств и выносливости (на 12,6%; $p > 0,05$). При этом особенно значимо увеличение становой силы мышц зафиксировано у студенток в группе с ускоренным вариантом биологического развития («А») по сравнению с испытуемыми групп «В» и «С» (таблица 1). Следовательно, правомерно утверждать, что физические качества могут эффективно развиваться в том случае, если они обусловлены существенными изменениями и совершенствованием морфологических показателей у каждого индивидуума, происходящими под воздействием должного объема общеразвивающих и специально-подготовительных упражнений.

Таблица 1 – Показатели силы у испытуемых разных вариантов биологической зрелости (в %)

Показатели	Вариант развития		
	«А»	«В»	«С»
Динамометрия правой кисти	83,6	49,3	18,4
Динамометрия левой кисти	75,8	41,3	10,8
Становая сила	220,9	139,9	33,9

Формирующий педагогический эксперимент осуществлялся в течение второго года обучения, в нем приняли участие студентки факультетов банковского дела, экономического, биотехнологического. Были образованы три экспериментальные группы испытуемых: первая группа «А» ($n = 28$), вторая группа «В» ($n = 22$) и третья «С» ($n = 25$).

Главной особенностью разработанной методики и ее существенное отличие от используемых до настоящего времени методик является системное применение образовательно-тренировочных упражнений различной направленности (таблица 2), основанных на методе круговой тренировки и применении современных фитнес-технологий.

Таблица 2 – Содержание упражнений различной направленности для комплексного развития физических качеств в годовом плане (в %)

Физические качества	Месяцы							
	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Февраль	Март	Апрель	Май
Скоростные	30	30	15	15	20	20	30	25
Скоростно-силовые	30	30	15	15	30	30	10	25
Силовые	10	15	30	30	20	15	20	10
Общая выносливость	20	10	10	10	10	10	20	20
Силовая выносливость	5	5	10	10	5	5	-	-
Гибкость	-	-	10	10	10	-	10	-
Координация	5	10	10	10	5	20	10	20

Учебный процесс в экспериментальных группах осуществлялся согласно комплексной программе физического воспитания УВО. Содержание занятий в группах различалось разным соотношением упражнений, выполняемых методом круговой тренировки с применением современных фитнес-технологий: в группе «А» отводилось 50–55% от общей продолжительности занятия, в группе «В» – 25–30%, в группе «С» – 10–15%. Также различным было соотношение основных видов двигательной деятельности в структуре занятия (легкая атлетика, элементы художественной и ритмической гимнастики). При этом последовательно (через три недели) в каждой из групп чередовалось выполнение упражнений различной направленности. Испытуемые на основе метода круговой тренировки выполняли комплексы упражнений на регламентированных «станциях» следующим образом:

- на первой станции включались скоростно-силовые упражнения;
- на второй – два скоростных упражнения;
- на третьей – два силовых упражнения;
- на четвертой – два упражнения на гибкость;
- на пятой – два двигательно-координационных упражнения.

Силовую выносливость развивали преимущественно в октябре-декабре и феврале, а общую выносливость – в сентябре и апреле-мае. Время отдыха между выполнением упражнений на «станциях» составляло от 60 до 120 с. Интенсивность выполнения упражнений определялась индивидуальной переносимостью нагрузки и соматотипом испытуемых. Комплексы упражнений на «станциях» проводились в повторно-интервальном режиме.

Основными принципами реализации метода круговой тренировки в учебном процессе являлись:

- 1) обеспечение последовательного перехода от развития одних физических качеств к другим;
- 2) применение образовательно-тренировочных упражнений целевой направленности для развития физических качеств;
- 3) постепенное наращивание интенсивности и объема выполняемых упражнений на «станциях»;
- 4) подключение студенток к самостоятельному и творческому выполнению упражнений и удовлетворению личной потребности для достижения наиболее полного использования их двигательного потенциала.

Оценка эффективности разработанной методики развития физических качеств на занятиях по физической культуре позволила установить существенные сдвиги в контрольных тестах, оценивающих динамику физических качеств у испытуемых трех экспериментальных групп, относящихся к различным вариантам биологического развития. Проведенная сравнительная оценка выявила, что по всем контрольно-педагогическим тестам испытуемые в экспериментальной группе «А» имеют достоверно лучшие результаты по сравнению с испытуемыми в группах «В» и «С» ($p < 0,05$). Особенно это различие выражено между испытуемыми групп «А» и «С» в показателях скоростных (на 9,7%; $p < 0,05$), скоростно-силовых (на 14,0%; $p < 0,05$), силовых (на 19,1%; $p < 0,05$) качеств и общей выносливости (на 14,3%; $p < 0,05$). Отмечаются также достоверные различия между показателями контрольных упражнений между испытуемыми групп «В» и «С». Как тенденция, находит свое отражение и улучшение физических качеств и у студенток в группе «С».

Выводы

Таким образом, учебный процесс по физическому воспитанию студенток, основанный на применении разработанной методики, реализуемой с учетом соматических особенностей студенток и системном использовании метода круговой тренировки (при приоритетном объеме 55% (20–25 мин.) от объема времени урока), обеспечивает наиболее высокий тренировочный эффект для интенсивного развития основных физических качеств. Основные организационно-педагогические условия и эффективность применения метода круговой тренировки и современных фитнес-технологий в учебном процессе по физическому воспитанию позволяют заключить, что строго регламентированное количество общеподготовительных и специально-подготовительных упражнений в повторно-интервальном режиме выполнения положительно влияют на общую и моторную плотность занятий, тем самым становится возможным интенсифицировать каждое учебное занятие по физической культуре, придавая ему образовательно-тренировочную направленность. Спортивно ориентированное физическое воспитание в системе многоуровневого образования становится объективной

необходимостью в условиях новых социально-экономических отношений на территории постсоветского пространства.

Полученные данные возрастных изменений и морфофункциональных показателей студенток отражают гетерохронность процессов роста и развития и находятся в пределах возрастных норм. Они характеризуются следующими основными величинами: длина тела – $153,4 \pm 3,5$ см; масса тела – $55,41 \pm 7,08$ кг; окружность грудной клетки – $85,39 \pm 4,25$ см; станова́я сила – $87,1 \pm 3,65$ кг; сила кисти: правой – $32,8 \pm 2,3$ и левой – $29,5 \pm 1,38$ кг.

Комплексная диагностика показала, что уровень и динамика физических качеств студенток находятся в прямой зависимости от варианта биологического развития.

Литература

1. Конверсия основных положений теории спортивной подготовки в процессе физического воспитания / В. К. Бальсевич [и др.] // Теория и практика физической культуры. – 1997. – № 6. – С. 15–25.
2. Бальсевич, В. К. Научное обоснование инновационных преобразований в сфере физической культуры и спорта / В. К. Бальсевич // Теория и практика физической культуры. – 2001. – № 1. – С. 10–16.
3. Быховская, И. М. Физическая культура как практическая аксиология человеческого тела: воспитание, образование, тренировка / И. М. Быховская // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 1996. – № 3. – С. 14–17.
4. Горовой, В. А. Организационно-методические основы физической рекреации студентов : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / В. А. Горовой ; Белорус. гос. ун-т физ. культуры. – Минск, 2013. – 30 с.
5. Лубышева, Л. И. Современный ценностный потенциал физической культуры и спорта и пути его освоения обществом и личностью / Л. И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. – 1997. – № 2. – С. 12–16.
6. Лубышева, Л. И. Технология реализации инновационных проектов совершенствования систем физического воспитания на региональном уровне / Л. И. Лубышева // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2002. – № 3. – С. 2–6.
7. Лукьяненко, В. П. Физическая культура: основы знаний : учеб. пособие / В. П. Лукьяненко – М. : Советский спорт, 2003. – 224 с.
8. Дорохов, Р. Н. Методика соматотипирования детей и подростков / Р. Н. Дорохов, В. Г. Петрухин. – Малаховка : Физкультура и спорт, 1991. – 30 с.
9. Дорохов, Р. Н. Соматические типы и варианты развития детей и подростков : автореф. дис. ... д-ра мед. наук : 14.00.51 / Р. Н. Дорохов ; М-во здравоохранения РСФСР, Второй моск. ордена Ленина гос. мед. ин-т им. Н. И. Пирогова. – М., 1985. – 52 с.
10. Яковлев, А. Н. Дифференцированная методика воспитания физических качеств у девушек 15–17 лет на уроках физической культуры в профессионально-техническом лицее : дис. ... канд. пед. наук 13.00.04 / А. Н. Яковлев ; Смоленский гос. институт физической культуры. – Смоленск, 2003. – 135 л.

Summary

Effective Physical Training Techniques used at Higher Educational Institution was investigated in the article. The methodology of physical qualities of female students basing on the somatic types and the use of educational and training exercises in connection with circuit training and modern Fitness Technologies were described.

Поступила в редакцию 20.02.14

УДК 378.178:316.624

**МОДЕЛЬ КОРРЕКЦИИ И ПРОФИЛАКТИКИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ****И. В. Журлова**кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики
УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ**К. С. Бируль**магистр педагогических наук, педагог социальный,
УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ

В статье отражены основные сущностные характеристики аддиктивного поведения индивида; представлена модель коррекции и профилактики аддиктивного поведения студенческой молодежи, ее структурные компоненты и содержание; выделены условия эффективности реализации данной модели в педагогическом процессе университета на примере работы педагога социального СППС вуза.

Введение

На современном этапе социально-культурного и социально-экономического развития общества формирование личности молодого человека – сложная социально-педагогическая проблема, которая усложняется активизацией ряда негативных тенденций, характерных для определенной части молодежи.

Снижение уровня ценностных ориентаций современных юношей и девушек проявляется сегодня на фоне таких негативных социальных явлений в молодежной среде, как рост потребления табачных изделий, увеличение количества молодых людей, имеющих игровую, наркотическую и алкогольную зависимость. Все это требует от социально-педагогической и психологической службы учреждения образования объективного анализа и знаний сущности аддиктивного процесса.

Современные реалии характеризуют аддиктивное (зависимое) поведение как сложное социальное явление, изучение которого возможно в различных областях научного знания. Однако большинство исследований трактуют данный феномен с психологической и медицинской точек зрения: возникновение аддикции объясняется психологическими причинами, расстройствами личности и т. д., что значительно сужает ее понимание. При этом изучению педагогических аспектов этой проблемы внимания уделяется явно недостаточно. На этой основе социально-педагогическая сущность аддикции как социального явления нуждается в теоретическом и практическом осмыслении, разработке методических основ в решении этой проблемы на экспериментальном уровне, чему способствует в первую очередь метод моделирования.

Планируя деятельность по моделированию работы специалистов социально-педагогической и психологической службы университета с целью решения названной выше проблемы (в частности, работу педагога социального), мы исходили из того, что модель – это «образец, эталон, стандарт» [1, 819]. В педагогических исследованиях «модель – прототип объекта изучения... Модель представляет собою образец, который наделен теми чертами, качествами объекта, какие характерны для определенных условий, ситуаций и исследования» [2, 82].

В педагогическом исследовании модель выполняет следующие гносеологические функции: иллюстративную, трансляционную, объяснительную, предсказательную. С помощью модели можно иллюстрировать ту или иную область знаний, умений, способностей респондентов, определить, какими они должны быть с точки зрения искомого результата. С этой целью при создании педагогической модели необходимо опираться на следующие этапы в процессе ее конструирования: 1) определение объекта моделирования; 2) активизация накопленных знаний и выявление сущностных характеристик выбранного объекта; 3) обоснованный выбор необходимых форм, методов и средств, применяемых в процессе моделирования; 4) отбор условных стандартов, принятых в комплексном исследовании, для сравнения своих данных с уже имеющимися; 5) подбор представителей на роль респондентов в ходе исследования.

В педагогическом моделировании исследуемое свойство (знания, умения, мотивы, способности, направленность, склонности и т. п.) всегда рассматривается в связи с результативностью определенного вида деятельности человека (учебной, трудовой, социально значимой и т. п.), что допускает возможность ранжирования респондентов по уровню достигаемых результатов в процессе деятельности. Следовательно, в основание педагогической модели должен быть положен личностный подход и функциональная структура деятельности. В нашем исследовании мы обращаемся к проблеме коррекции и профилактики аддиктивного поведения студенческой молодежи в условиях педагогического вуза. Это обуславливает выбор традиционных и инновационных форм работы со студенческой молодежью в качестве объекта моделирования. Выявленные нами сущностные характеристики аддиктивного поведения, а также основные виды деятельности студентов в педагогическом процессе университета позволяют определить комплекс форм и методов, необходимых для использования в моделировании.

Результаты исследования и их обсуждение

Теоретическая часть исследования, предшествующая моделированию, предполагала изначально выделение сущностных характеристик аддиктивного поведения индивида. Анализ выдающихся трудов в области психологии (В. Д. Менделевич [3], О. М. Овчинников [4] и др.), психиатрии (Ц. П. Короленко [5], А. Е. Личко [6], Н. В. Якушкин [7] и др.), социологии и социальной педагогики (М. А. Галагузова [8], П. А. Шептенко [9] и др.) позволил нам в ряду таких характеристик выделить следующие:

а) устойчивое стремление индивида к изменению психофизического состояния, проявляющееся через систематическое обращение к определенным видам деятельности и утрату самоконтроля поведения (экстернальный локус контроля);

б) поэтапный характер формирования аддикции: начало (аддиктивная установка, вхождение в зависимость), индивидуальное течение (усиление аддикции), исход (от социальной деградации, различных отклонений в психическом и физическом здоровье до летального исхода);

в) цикличность аддиктивного поведения, имеющая определенные фазы (наличие внутренней готовности к аддиктивному поведению; усиление желания и напряжения; ожидание и активный поиск объекта аддикции; получение объекта и достижение специфических переживаний; расслабление; фаза ремиссии – относительного покоя);

г) проявление аддиктивного поведения в соответствии со следующими уровнями: нулевой (отсутствие фактов употребления); начальный (единичные факты употребления); уровень эпизодического обращения к агентам аддикции; уровень высокого риска (систематическое употребление); уровень выраженной психической зависимости (агент аддикции как регулятор поведения и настроения); уровень физической зависимости (толерантность организма к аддиктивным агентам); уровень распада личности и дисфункции организма (социальная деградация личности и отклонения различной степени тяжести от норм психического и физического здоровья на основе устойчивой психической и физической зависимости от аддиктивного агента);

д) индивидуальный характер подверженности индивида аддикции на основе влияния определенной группы факторов (социальных, психологических, биологических);

е) наличие определенной акцентуации характера (преимущественно гипертимной, истероидной, шизоидной, эпилептоидной);

ж) тенденция к сочетанию различных видов аддикции и переходу от одного вида аддикции к другому в поведении одного и того же индивида (на основе идентичности механизма зависимости).

Опытно-экспериментальное исследование проводилось нами на базе УО МГПУ им. И. П. Шамякина (факультеты физико-математический, филологический, физической культуры) в рамках работы педагога социального социально-педагогической и психологической службы университета.

Осуществление на констатирующем этапе экспериментальной работы социально-педагогического исследования с использованием разработанной нами анкеты «Определение склонности к аддиктивному поведению» для обучающихся высших учебных заведений, включающей 5 блоков вопросов – «алкоголизм», «табакокурение», «наркомания», «компьютерная зависимость», «гемблинг», – а также анализ деятельности и документации СППС университета показали следующие результаты: общее количество курящих студентов составляет 64%, т. е. большую часть опрошенных; 10% опрошенных студентов употребляли, 2% – воздержались и 20%

относятся положительно к наркотикам; 24% студентов проводят за компьютерными играми от 3 часов в день и более, что свидетельствует о сформированной игровой зависимости; 85,8% употребляют алкоголь по разным причинам, что подтверждается фактами правонарушений, совершенных студентами и классифицированных по статье 17.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Полученные результаты подтвердили необходимость целенаправленной работы по коррекции и профилактике аддиктивного поведения студенческой молодежи.

Социально-педагогическая коррекция и профилактика, как правило, осуществляются параллельно в учебно-воспитательном процессе образовательного учреждения. При этом под *социально-педагогической коррекцией* (интервенцией) мы понимаем систему мер, направленных на ослабление или преодоление недостатков развития и отклонений в поведении индивида. *Социально-педагогическая профилактика* (превенция) рассматривается нами как деятельность социально-педагогической и психологической службы по предупреждению социальной проблемы, социального отклонения или удержанию их на социально терпимом уровне посредством устранения или нейтрализации порождающих их причин.

Проблема профилактики формирования различных видов аддикции в студенческой среде рассматривается нами на основе внедрения в педагогический процесс вуза разработанной модели коррекции и профилактики аддиктивного поведения студентов педагогического университета, включающей следующие компоненты: 1) образовательный (учебная деятельность). Курсы в рамках учебных планов факультетов, дополненные разработанными авторскими курсами «Здоровый образ жизни», «Сущность и последствия аддиктивного поведения»; 2) креативно-деятельностный (организационно-воспитательная работа). Организация и проведение со студентами социокультурных форм работы, посвященных профилактике аддиктивного поведения; 3) диагностический (диагностическая работа педагога социального и психолога СППС вуза). Проведение диагностических методик по выявлению склонностей студентов к употреблению ПАВ и другим видам аддикции; 4) социально-педагогический (коррекция и профилактика в работе СППС вуза). Работа педагога социального, психолога со студентами и их родителями, кураторами учебных групп.

В процессе разработки модели коррекции и профилактики аддиктивного поведения студентов педагогического университета мы основывались на положениях теории развития личности Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и др., а также на методологических позициях, представленных в исследованиях особенностей развития личности в юношеском возрасте (Л. И. Божович, Ш. Бюлер, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Э. Эриксон, Д. Б. Эльконин и др.), в работах, раскрывающих различные аспекты компьютерной аддикции и подходы к ее профилактике и коррекции (О. Р. Айзберг, А. Е. Войскунский, И. Голдберг, М. Гриффитс, М. Х. Орзак, М. Шоттон, Л. Н. Юрьев, К. Янг и др.), в исследованиях типов мотивации индивидов к аддикции, типов и специфики аддиктивного поведения индивида при употреблении различных ПАВ (Ц. П. Короленко, Т. А. Донских и др.).

Структурные компоненты и содержание модели коррекции и профилактики аддиктивного поведения студенческой молодежи представлены нами в таблице.

Таблица – Модель коррекции и профилактики аддиктивного поведения студентов педагогического университета

Структурные компоненты модели	Содержание коррекционной и профилактической работы	Формы и методы учебно-воспитательной работы	Средства
1	2	3	4
1. Образовательный	<p><u>1. Учебная деятельность (курсы в рамках учебных планов факультетов):</u></p> <ul style="list-style-type: none"> - основы медицинских знаний (на всех факультетах); - анатомия и физиология человека (ДИНО); - лечебная физкультура (ФФК); - возрастная физиология и школьная гигиена (ДИНО); 	Лекционные курсы, семинарские занятия, практические занятия.	Учебные пособия, спортивный инвентарь и оборудование.

Продолжение таблицы

1	2	3	4
	<p>- основы валеологии и школьной гигиены (ФФК);</p> <p>- основы анатомии, физиологии, санитарной гигиены (на всех факультетах);</p> <p>- основы гигиены человека (на всех факультетах);</p> <p>- охрана труда (на всех факультетах).</p> <p>2. <u>Авторские учебные курсы</u> «Здоровый образ жизни», «Сущность и последствия аддиктивного поведения».</p>		
2. Креативно-деятельностный	<p>1) <u>Организационно-воспитательная работа</u>:</p> <p>а) формирование у студентов представлений о ЗОЖ в рамках внеаудиторной работы;</p> <p>б) информирование педагогов о степени подверженности студентов к употреблению ПАВ;</p> <p>в) вовлечение студентов в активную деятельность по пропаганде ЗОЖ;</p> <p>г) содействие осознанию негативных последствий употребления ПАВ.</p>	<p><u>Систематические</u> формы работы: клубы ЗОЖ, кураторские часы.</p> <p><u>Периодические</u> формы работы: конкурсы агит-бригад, интернет-флешмоб, тематические викторины, форум-театр, тематические вечера, дискотеки, диспуты и дискуссии и др.</p>	<p>Методические разработки программ деятельности клубов, сценариев для периодических форм работы.</p>
3. Диагностический	<p>Диагностическая работа сотрудников СППС вуза. Выявление у студентов:</p> <p>1) степени подверженности употреблению ПАВ,</p> <p>2) факторов влияния на формирование аддиктивного поведения,</p> <p>3) субъективных причин формирования аддиктивного поведения.</p>	<p>Анкетирование, беседы, социальный опрос, анализ документов деятельности СППС, анализ социальной ситуации, тестирование.</p>	<p>Диагностические методики.</p>
4. Социально-педагогический	<p>Коррекция и профилактика аддиктивного поведения студентов в работе СППС вуза (взаимодействие со студентами, их родителями, преподавателями-кураторами учебных групп).</p>	<p><u>Систематические</u> формы работы: инфосессия, фильмогруппа, информационный календарь.</p> <p><u>Периодические</u> формы работы: акции, социально-педагогические тренинги, семинары и др.</p>	<p>Методический комплекс по профилактике негативных социальных явлений и повышения престижа ЗОЖ «Подумай о будущем!»</p>

В соответствии с выделенными нами структурными компонентами разработанной модели коррекции и профилактики аддиктивного поведения студентов, теоретическую основу данной модели составили следующие положения:

– процесс коррекции и профилактики аддиктивного поведения студентов представляет собой часть общей системы учебно-воспитательной работы вуза и базируется на идее системного и личностно-деятельностного подходов к воспитанию учащейся молодежи;

– содержание работы в рамках социально-педагогической коррекции и профилактики аддиктивного поведения студентов ориентировано на систему психолого-педагогических и специальных знаний;

– реализация традиционных и инновационных форм работы в рамках модели коррекции и профилактики аддиктивного поведения осуществляется в ходе как учебной, так и внеаудиторной деятельности студентов;

– коррекционно-профилактическая работа со студенческой молодежью находит проявление в различных видах деятельности обучающихся (образовательной, творческой, социально значимой и др.), каждый из которых характеризуется конкретными задачами;

– внедрение модели коррекции и профилактики аддиктивного поведения студентов осуществляется на основе нестереотипного, творческого применения студентами знаний в процессе выполнения теоретических и практических действий в рамках инновационных форм работы;

– результативность внедрения модели коррекции и профилактики аддиктивного поведения студентов обуславливается использованием в ходе учебно-воспитательного процесса конкретных форм и методов работы, соответствующих содержанию каждого компонента.

Все традиционные и инновационные формы социально-педагогической работы со студентами, предусмотренные в рамках модели коррекции и профилактики аддиктивного поведения, реализуются на основе следующих принципов:

– комплексность (организация воздействия на различных уровнях социального пространства, семьи и личности);

– адресность (учет половых, возрастных, социальных, индивидуальных характеристик и конкретных проблем клиентов);

– массовость (приоритет групповых форм работы в процессе профилактики);

– полезность и достоверность информации;

– устремленность в будущее (осмысление последствий поведения, актуализация позитивных целей, планирование будущего без девиаций и аддикций).

Социально-педагогическое и психологическое сопровождение коррекционно-профилактической работы со студентами в рамках модели направлено на решение следующих задач:

– оказание психологической и социально-педагогической помощи и поддержки обучающимся, их родителям, преподавателям;

– формирование у студентов положительного образа «Я»;

– организация у обучающихся успеха в ведущей деятельности;

– выработка эффективного стиля взаимодействия преподавателей, родителей и студентов;

– формирование личностной и социальной компетентностей в рамках выявленной у клиента проблемы.

Выводы

Экспериментальная работа продемонстрировала, что эффективность реализации модели коррекции и профилактики аддиктивного поведения студенческой молодежи зависит от соблюдения специалистами СППС в педагогическом процессе университета следующих социально-педагогических условий:

а) профилактическая и коррекционная деятельность осуществляется по направлениям, ориентированным как на группы риска, так и на общую профилактическую работу со всеми студентами университета, работу с ближайшим социальным окружением обучающихся (родителями), методическую работу с педагогическим коллективом вуза (кураторский состав);

б) каждое направление работы отличается специфическими целями, содержанием, методами и формами профилактической и коррекционной направленности;

в) основным средством профилактики и коррекции аддикции в студенческой среде выступает разработанный методический комплекс инновационных форм работы по коррекции и

профілактике аддыктыўнага паводзення обучающихся «Подумай о будущем!», который представляет собой сборник материалов, соответствующих задачам образовательного, креативно-деятельностного, диагностического и социально-педагогического компонентов модели коррекции и профилактики аддыктыўнага паводзення студентаў педагогическаго университета;

г) в процессе реализации социально-педагогических тренингов используются социально-психологические средства, обеспечивающие формирование у студентов рефлексивной позиции, их социальное закаливание, формирование и коррекцию ценностных ориентаций, социально-педагогическое сопровождение их жизненного самоопределения, формирование поведенческих навыков, препятствующих развитию различных видов аддыкции.

Літэратура

1. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – 1600 с.
2. Ціханаў, Л. М. Нацыянальная сістэма падрыхтоўкі педагогічных кадраў / Л. М. Ціханаў, А. А. Грымаць. – Мінск: Бел. дзярж. пед. ун-т, 1994. – 210 с.
3. Менделевич, В. Д. Психология девиантного поведения: учеб. пособие / В. Д. Менделевич. – СПб.: Речь, 2005. – 432 с.
4. Овчинников, О. М. Психолого-педагогические условия профилактики аддыктыўнага паводзення подросткаў / О. М. Овчинников. – М.: Слово, 2005. – 120 с.
5. Короленко, Ц. П. Аддыктыўнае паводзенне. Общая характеристика и закономерности развития / Ц. П. Короленко // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. – 1991. – № 1. – С. 8–15.
6. Личко, А. Е. Подростковая психиатрия / А. Е. Личко. – Л.: Медицина, 1985. – 324 с.
7. Якушкин, Н. В. Зависимое поведение у подросткаў: учеб.-метод. пособие для слушателей ИПК и ПК спец-ти «Психология» / Н. В. Якушкин, О. И. Шишко, И. В. Теряев. – Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2008. – 166 с.
8. Социальная педагогика: курс лекций / М. А. Галагузова [и др.]; под общ. ред. М. А. Галагузовой. – М.: ВЛАДОС, 2000. – С. 227–240.
9. Шептенко, П. А. Методика и технология работы социального педагога / П. А. Шептенко, Г. А. Воронина. – М.: Академия, 2002. – 208 с.

Summary

The main characteristics of the dependent behavior of the individual are reflected in the article.

The structure and content of the correction and prevention model of the dependent behavior of students is presented. The conditions of effective realization of this model within University Pedagogical process by a specialist in the sphere of social service are substantiated.

Поступила в редакцию 18.03.14

УДК 37.013.32:37.017:574-057.874

ИГРОМОДЕЛИРОВАНИЕ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ

М. Г. Кошман

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры УО «ГГУ им. Ф. Скорины», г. Гомель, РБ

Е. Е. Кошман

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики УО «ГГУ им. Ф. Скорины», г. Гомель, РБ

В статье рассматривается проблема проектирования и использования игромоделирования в экологическом образовании старшеклассников. Разработана система учебных игр в экологическом образовании старшеклассников, состоящая из анализа проблемных экологических ситуаций, интерактивных методов обучения, сюжетно-ролевых, дидактических, деловых, организационно-обучающих, организационно-педагогических, организационно-мыслительных и организационно-деятельностных игр. Раскрыты возможности и показано практическое применение игромоделирования в процессе изучения естественнонаучных дисциплин.

Введение

Современная система школьного образования должна быть ориентирована на формирование новых природно-социокультурных отношений охранно-созидательного типа между человеком, обществом и природой, где главной целью образования выступает развитие творческой, самостоятельной, ответственной личности, способной к освоению и преобразованию мира, созданию новых форм общественной жизни, культуры в целом. Достижение данной цели возможно в условиях новой образовательной парадигмы, основанной на деятельностном подходе, который противопоставляется господствующему в современной школе объяснительно-иллюстративному методу с его вербальными, монологичными и обезличенными методами и формами догматической передачи готовой информации и пассивности учебно-познавательной деятельности учащихся. Деятельностный подход в образовании представляется и реализуется формами и методами активного, интерактивного, инновационного, проблемного и творческого обучения. Этот подход предусматривает групповые, индивидуальные, клубные формы обучения, переменный состав учащихся, широкое использование форм творческой организации учебно-познавательной деятельности [1].

Результаты исследования и их обсуждение

Термин «активные методы обучения» в педагогической теории и образовательной практике появился на основе рефлексии проявления в учебном процессе активности обучаемого (субъекта), создания условий для его творческого развития. По мнению идеологов данного подхода в образовании О. С. Анисимова [2], А. А. Вербицкого [3], С. А. Габрусевича и Г. А. Зорина [4], А. И. Жука и Н. Н. Кошель [5], активные методы обучения есть способы деятельности, направленные на саморазвитие субъектов деятельности. Активные методы обучения, отмечают исследователи, в отличие от традиционных, способствуют развитию повышенной активности (устойчивой и длительной) учащихся, основанной на их мотивации и эмоциональности; интенсификации учебно-воспитательного процесса; активизации мышления учащихся; совместной деятельности педагога и учащихся; воспитанию творческого характера; самостоятельной выработке решений, основанной на постоянном взаимодействии учащихся и педагогов в процессе диалогической и полилогической форм организации учебного процесса; проявлению рефлексивной самоорганизации педагога и учащихся в совместной учебной деятельности; развитию способностей самоорганизации и самоуправления.

Наиболее распространенной в современной педагогической теории является классификация активных методов обучения, предложенная рядом авторов (О. С. Анисимов, А. А. Вербицкий, С. А. Габрусевич, А. И. Жук, Н. Н. Кошель), где все методы активного обучения подразделяются на неимитационные и имитационные (неигровые и игровые). В своей типологии

активных методов обучения О. С. Анисимов выделяет такие группы методов, как традиционные, новые (имитационные), новейшие (развивающие). Автор указывает, что традиционные методы обеспечивают функцию трансляции, новейшие методы выполняют развивающую функцию, а новые (имитационные) методы обучения могут реализовывать как те, так и другие функции. К традиционным формам обучения А. И. Жук и Н. Н. Кошель относят: лекции, семинары, практические занятия и тренинги, которые обеспечивают накопление количества знаний и умений, а также повышение их уровня. Новые формы обучения (имитационные методы обучения) обеспечивают усиление роли мышления и развитие мотивации обучаемых. Данные формы используются в рамках как трансляционной педагогики, так и неклассической педагогики. Подразделяются на неигровые (анализ конкретных ситуаций (АКС), имитационные упражнения, действие по инструкции, разбор документации) и игровые (деловая игра, разыгрывание ролей, игровое проектирование, стажировка с выполнением ролей). Новейшие формы обучения (инновационные игры, организационно-деятельностные игры (ОДИ), организационно-мыслительные игры (ОМИ)) обеспечивают формирование интеллектуальной культуры и культуры саморазвития. В терминологии О. С. Анисимова данные игровые формы обучения получили название «игромоделирование». Под игромоделированием автор понимает процесс моделирования в условиях игры, обладающей принципиальной возможностью осуществления моделирования. Ведущим процессом в игромоделировании выступает сценирование и пересценирование деятельности в рамках решения практических, консультационных, исследовательских, учебных, культурных, диагностических задач и проблем. Источником игромоделирования является затруднение в «доигровом» пространстве деятельности и в первоначальных попытках анализа и преодоления затруднений. В игромоделирование вводятся те проблемные вопросы и сюжеты, ответ на которые предполагает доизучение деятельности и проявлений людей в деятельности, а также сопутствующих этому конфликтов, общения, коммуникации и т. д. Оформление системообразующих вопросов и становится основанием введения критериев игромоделирования. В игромоделировании основным является игропроцесс – это процесс игры как целостности, включающий процессуальную представленность всех слоев организации, механизмов игры, в зависимости от типа игры [1].

Как показал анализ типологии активных методов обучения, игромоделирование относится к новым формам обучения (имитационные, игровые методы обучения), характеризуется повышением значения мышления и развитием мотивации обучаемых в игропроцессе [1], [5]. Специфическими особенностями имитационных (игровых) занятий является наличие имитационной модели изучаемого процесса, имитация индивидуальной и(или) совместной деятельности. В процессе этих занятий осуществляется интенсивная мыслекоммуникация субъектов учебно-игрового процесса (обучающих и обучаемых) при выполнении ролей и(или) принятии решений. Игромоделирование в экологическом образовании является имитационным игровым видом занятий, где участники учебного процесса выполняют определенные роли (социокультурные, производственные и игровые) при решении учебных задач и проблем экологического характера. Оно основано на существенных характеристиках экологической деятельности учащихся, типологии учебных игр как перспективных средств реализации новой деятельностно-рефлексивной модели образования в области экологии, направленной на исследование окружающего мира через познание самого себя и осуществляемое в игровой форме обучения. В специальной литературе по активному обучению игромоделирование является малоисследованным и недостаточно разработанным методом игрового обучения, несмотря на массовое использование в образовательном пространстве. Наличие данного обстоятельства не позволяет достаточно эффективно реализовывать его потенциальные возможности как педагогического средства в образовательной практике. Рефлексия научно-методической литературы показывает, что очень мало специальных исследований, посвященных раскрытию его существенных характеристик и методических основ использования в практической педагогике.

Опыт реализации игрового обучения в образовательной практике показывает, что с помощью его форм, методов и средств можно достаточно эффективно решать целый ряд задач, которые практически не решаются в традиционном (объяснительно-иллюстративном) обучении. Сегодня возможности игрового метода значительно расширились. В работах белорусских ученых С. А. Габрусевича, Г. А. Зорина, А. И. Жук, Н. Н. Кошель и М. Г. Кошмана показано, что игровые технологии могут использоваться с целью изменения экологического сознания, понимания и мышления их участников, в результате чего обучающиеся получают возможность по-новому

видеть и понимать интересующие их проблемы, способы и пути их решения. По мнению методолога В. М. Розина [7], с их помощью в настоящее время исследуются новые системы, решаются научные проблемы, разрабатываются программы исследования, осваиваются средства методологии, все шире игровые технологии используются в сфере инженерии и проектирования.

Игро моделирование реализуется в образовательной практике посредством различных игровых технологий и проектирования учебно-игровых комплексов. Игровая проблематика в школьном образовании интенсивно развивается, и имеется большое количество различных типов игр. В экологическом образовании учащихся мы используем следующие типы игровых технологий: анализ проблемных экологических ситуаций, интерактивные методы обучения, сюжетно-ролевые игры, дидактические игры, деловые игры, организационно-обучающие игры, организационно-педагогические игры, организационно-мыслительные игры и организационно-деятельностные игры.

Раскроем существенные характеристики каждого типа учебных игр в экологическом образовании школьников.

Анализ проблемных экологических ситуаций (блиц-игры). Среди различных форм организации современного школьного образования задачно-целевая и проблемно-ситуативная формы учения/обучения являются наиболее актуальными, значимыми и перспективными для решения задач формирования экологической культуры учащихся. Их реализация в учебно-воспитательном процессе предполагает, что при изучении содержания экологического образования учащимися выделяется определенная последовательность задач и учебных проблем, которые ставят в совместной работе педагог и учащийся и продвижение в решении которых обеспечивает рост способностей учащихся.

Таблица – Система учебных игр в экологическом образовании старшеклассников

Типы учебных игр	Название методов активного обучения	Учебная дисциплина (факультатив)
1	2	3
Анализ проблемных экологических ситуаций	«Экотурпоход», «Рыбалка», «Экология моря», «Живой организм», «Озеро в опасности», «Родник», «Мир безмолвия», «Эхолот», «Чистая зона»	Биология, география, химия, физика
Интерактивные методы обучения	«Алфавит»	Биология, география, химия, физика
	«Красная книга – крик природы о помощи»	Биология, география
	«Заверши фразу»	Биология, география, химия, физика
	«Ассоциации»	Биология, география, химия, физика
	«Словарный запас»	География
	«Биоценоз»	Биология, химия
	«Гидросфера»	География, химия
Сюжетно-ролевые игры	«Литосфера»	География, химия
	«Проектируем животноводческий комплекс»	Биология, география
	«Спасти атмосферный озон»	Химия, физика
	«Жизнь морских обитателей»	Биология
	«Опустынивание и эрозия почв»	Биология, география
	«Сокровище тропических лесов»	Биология, география
«Атмосфера в будущем»	Химия, физика	
«Парниковый эффект – современная опасность»	Химия, физика	

Продолжение таблицы

1	2	3
	«Хлорфторуглерод и атмосфера»	Химия
	«Космический мусор»	Физика
	«Ионизирующее излучение»	Физика
	«Строим атомную электростанцию»	Биология, физика, химия
	«Безмолвные деревья»	Биология
	«Лес – сокровище Земли»	Биология, география, химия, физика
	«Бюджет страны»	Биология, география
	«Вредная привычка»	Биология, география, химия, физика
Дидактические игры	«Грибы»	Биология, география
	«Растения»	Биология
	«Мир животных»	Биология
	«Красная книга»	Биология, география
	«Жизнь экосистемы»	Биология, география
	«Анализ экологической литературы»	Биология, география, химия, физика
	«Экологическая цепочка»	Биология, география, химия
	«Green Peace»	Биология, география, химия, физика
	«Лесосека»	Биология, география, химия
	«Патентное бюро»	Биология, география
	«Индивидуальная экосамооценка»	Биология, география, химия, физика
	«Экологический тезаурус»	Биология, география, химия, физика
	«Модель экологического проекта»	Факультатив
	«Этапы разработки экологического проекта»	Факультатив
Деловые игры	«Состояние экологии в г. Гомеле»	Биология, география, химия, физика
	«Региональная экосистема Гомельщины»	Биология, география, химия, физика
	«Последствия Чернобыля: поиски оптимального решения»	Химия, физика
	«Экология реки Сож»	Биология, география, химия
	«Экология озера Обкомовское»	Биология, география, химия
Организационно-мыслительные игры	«Экология нефтепровода “Дружба”»	Биология, география, химия
	«Экологическое мышление»	Факультатив
	«Экологическая рефлексия»	Факультатив
	«Понятийно-терминологическая система по экологии»	Факультатив
Организационно-деятельностные игры	«Чернобыльская катастрофа: состояние и перспективы»	Факультатив
	«Деятельностная экология: состояние и тенденции развития»	Факультатив
	«Экология Гомельщины»	Факультатив

На основе проблемно ориентированного анализа учебного материала по экологизированным естественнонаучным дисциплинам были выделены актуальные экологические задачи и проблемы. Решение данных задач и проблем осуществлялось в игровой форме.

Інтерактивні методи обучения в последнее время в теории и практике школьного образования получили широкое распространение. Данные методы являются альтернативными традиционным методам обучения. С. С. Кашлев рассматривает эти методы как способы «сверх усиленной целенаправленной деятельности педагога и учащихся по организации целенаправленного межсубъектного взаимодействия в целях экологического развития» [8, 26]. В отличие от традиционных (репродуктивных) методов эти методы являются продуктивными, т. е. провоцируют участников педагогического взаимодействия к саморазвитию, к самоактуализации, к творческой самодетельности. Они позволяют создать комплекс внешних и внутренних условий саморазвития участников педагогического взаимодействия.

В системе школьного образования данный тип учебных игр занимает одно из ведущих мест. Они широко используются в начальном образовании при изучении различных учебных дисциплин и имеют большие потенциальные возможности в экологическом образовании старшеклассников. В основе данных игр лежит развитие сюжетно-ролевой структуры (последовательность и связь описания событий с реализацией воплощаемого образа) на содержании практического экологического материала.

Сюжетно-ролевые игры являются эффективным методом экологического воспитания, направленного на формирование у подростков ответственного отношения к окружающей природной среде. Они позволяют моделировать ту или иную экологическую или нравственно-экологическую ситуацию, тщательно проанализировать ее причины и возможные следствия, принять экологически грамотное решение.

Дидактические игры также получили широкое распространение в школьной образовательной практике. Это специально создаваемые или приспособленные для целей обучения игры. Специфическим признаком этих игр является сочетание условного игрового плана деятельности учащихся с ее учебной направленностью. Их основное назначение заключается в формировании у учащихся системы экологических знаний, умений и навыков в условных ситуациях посредством решения игровых задач. Дидактические игры позволяют эффективно осуществлять процесс трансформации теоретических экологических знаний в практические способы экологически обоснованной деятельности [6]. В экологическом образовании учащихся потенциальные возможности данного типа игр еще недостаточно изучены. В нашем исследовании данный тип учебных игр по естественнонаучным дисциплинам в 10–11 классах разрабатывался для формирования экологически обоснованных способов деятельности на основе теоретической подготовки учащихся в области экологии.

Деловые игры. В системе образования эти игры используются для приобретения обучающимися производственно-профессиональных способов деятельности в социокультурном контексте при решении игровых задач. Для этого в этих играх происходит имитация и моделирование определенной реальной коллективной деятельности людей в производственно-практических условных ситуациях и посредством этого происходит их обучение. Решение данных ситуаций в игровой форме позволяет обучающимся приобрести первоначальный производственно-профессиональный опыт [3]. В экологическом образовании старшеклассников данные игры разрабатывались на междисциплинарной (полипредметной) основе при решении актуальных экологических задач и проблем.

Организационно-мыслительные игры (ОМИ). Основное назначение этих игр заключается в развитии индивидуальной и коллективной мыслительности обучающихся. В этих играх моделируется в условных ситуациях культура экологической мыслительности (чистое мышление, мыслекommunikация, мыследействование, понимание и рефлексия).

Организационно-деятельностные игры (ОДИ) – это один из самых сложных видов игровой деятельности, в основе которого находится решение проблем на основе «запуска» коллективной мыслительности участников игрового процесса. Они предназначены для развития экологической мыслительности обучающихся и экологически обоснованной деятельности на основе использования полипредметного и полидисциплинарного подхода в процессе решения актуальных экологических задач и проблем. По мнению специалистов по игромоделированию [5], [6], [9], в упрощенном варианте данные игры можно использовать на старшей ступени школьного образования для формирования экологического мышления учащихся. В нашем исследовании были разработаны ОДИ, направленные на решение комплексных экологических проблем, которые являются актуальными для Гомельской области, пострадавшей от аварии на ЧАЭС.

Выводы

В научно-методической литературе и образовательной практике возрастает актуальность и значимость игромоделирования как ведущего метода активного обучения. Установлено, что игромоделирование – это процесс моделирования различных видов деятельности (или ее фрагментов) в условиях игры. В экологическом образовании учащихся необходимо проектировать и системно использовать различные типы игровых технологий. Практика разработки и применения игромоделирования в экологическом образовании школьников показала его значимость и эффективность в овладении учащимися основами экологической культуры в процессе школьного обучения.

Литература

1. Жук, О. Л. Педагогика : учеб.-метод. комплекс для студентов пед. спец. / О. Л. Жук. – Минск : БГУ, 2003. – 383 с.
2. Анисимов, О. С. Методологический словарь для управленцев / О. С. Анисимов. – М. : Экономика, 2002. – 295 с.
3. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А. А. Вербицкий. – М. : Высшая школа, 2007. – 207 с.
4. Габрусевич, С. А. От деловой игры – к профессиональному творчеству : учеб.-метод. пособие / С. А. Габрусевич, Г. А. Зорин. – Минск : Университетское, 1989. – 123 с.
5. Жук, А. И. Активные методы обучения в системе повышения квалификации педагогов : учеб.-метод. пособие / А. И. Жук, Н. Н. Кошель. – 2-е изд. – Минск : Аверсэв, 2004. – 336 с.
6. Кошман, М. Г. Дидактические игры как средство формирования гностических умений у студентов физкультурных вузов / М. Г. Кошман. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2004. – 262 с.
7. Розин, В. М. Методологический анализ игры как новой области научно-технической деятельности и знания / В. М. Розин // Вопросы философии. – 1986. – № 6. – С. 66–74.
8. Каплев, С. С. Интерактивные методы развития экологической культуры учащихся / С. С. Каплев. – Минск : Зорны верасень, 2007. – 148 с.
9. Педагогика физической культуры : учеб. для студ. высш. учеб. заведений / С. Д. Неверкович [и др.] ; под ред. С. Д. Неверковича. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Академия, 2013. – 368 с.

Summary

The article deals with the problem of projection and using of the game modelling in the environmental education of the high school students. A system of study games in the environmental education of the high school students, consisting of analysis problematic environmental situations, interactive teaching method, subject – role-playing, teaching, business, organizational-educational, organizational-pedagogical, organizational-cognitive and organizational-activity games, have been worked out in this article. The possibilities and practical application of the game modelling in the study of natural sciences have been described in this article.

Поступила в редакцию 25.03.14

УДК 378.146

**ЗАОЧНАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ:
ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ, ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ****И. Н. Кралевиц**кандидат педагогических наук,
проректор по научной работе УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ

В статье обоснованы и выделены основные этапы становления и особенности функционирования системы высшего заочного образования. Обозначены тенденции развития отечественной системы заочной подготовки специалистов.

Введение

Взаимосвязь и взаимообусловленность общественно-экономического развития и системы образования прослеживаются на протяжении всей истории человечества. Как известно, образование призвано выполнять социальный заказ и поэтому цели образовательного процесса меняются с развитием общества.

Более ста лет назад сложившиеся социально-экономические условия обусловили появление и последующее распространение заочной формы обучения. Создание указанной формы обучения было вызвано как необходимостью подготовки специалистов, так и ограниченными возможностями вузов удовлетворить желание большей части населения получить высшее образование. Исторически основу системы заочного обучения составляла самостоятельная работа.

Современное заочное обучение часто подвергается критике как не удовлетворяющее требованиям качества подготовки специалистов. Этим и определяется необходимость анализа традиционных и поиска новых форм и методов, которые позволили бы решить обозначенную проблему.

Результаты исследования и их обсуждение

На основе историко-педагогического анализа становления и развития системы заочного обучения, исходя из критериев: организационная форма заочного обучения (индивидуальное или групповое обучение, курсы, отделения, факультеты, вузы и др.); применяемые технические средства обучения и средства связи; сформированность нормативно-правовой базы, – нами определены временные этапы и выявлены особенности функционирования заочной подготовки на каждом из них.

1 этап – 1850–1917 гг.

Возникновение заочной формы обучения можно отнести к 1856 г., когда Густав Лангеншейдт (немецкий педагог-методист и издатель) и Шарль Туссен (французский педагог, работавший в Германии) разработали и начали реализовывать метод заочного обучения иностранному (французскому) языку, основанный на практических задачах, овладении словарем и навыками общения. Идея заочного изучения иностранного языка на основе печатных дидактических материалов стала новаторской. В 1861 г. был разработан аналогичный курс по заочному изучению английского языка. Метод получил название метод Туссена-Лангеншейдта и приобрел популярность во многих странах.

Постепенно прообразы заочного образования в иных формах стали появляться и в других странах. Анализ появления первых случаев заочного обучения свидетельствует о разнообразии определяемых целей. Зочное образование решало не только проблему подготовки кадров, но и многие социально-политические проблемы, одна из которых – предоставление равных прав и возможностей в получении образования.

К примеру, одним из основателей заочной формы обучения называют Анну Элиот Тикнор, которая обосновала и вела «Бостонское общество поддержки обучения на дому» (Ticknor's Society, 1873–1897 гг.). Заочное обучение стало одним из немногих способов получения образования для женщин, которые пользовались меньшими правами в XIX веке. Программы

обучения были ориентированы на классические университеты, а методика основывалась на обмене письмами, руководстве выбором литературы и контроле. Женщины составляли подавляющее большинство студентов [1].

В свою очередь, в 1877 г. старейший Шотландский университет Святого Андрея предложил программу заочного обучения на звание лиценциата искусств, по которой могли обучаться женщины во всем мире (вплоть до Палестины, Кении и Китая). Программа работала в течение 55 лет.

Исторически сложившиеся социально-экономические условия в странах Западной Европы и США, детерминируемые интенсивным развитием промышленности, повышали престиж и усиливали необходимость получения образования, доступным способом получения которого стали разнообразные заочные курсы, а также заочные образовательные учреждения и отделения. Так, социально-экономическое развитие горнопромышленного района Восточной Пенсильвании (США) способствовало организации специального заочного образования в регионе. Обучение горному делу и методам предотвращения несчастных случаев в шахтах велось на страницах местной ежедневной газеты «Mining Herald» (1891 г.). Новая форма получения знаний послужила основой создания заочных образовательных программ и в других областях, что положило начало интернациональной заочной школе (International Correspondence Schools) в Пенсильвании, которая в настоящее время является мультимедийным дистанционно-образовательным учреждением, имеющим свои филиалы в нескольких странах мира [2].

В целом, в начале XX века были открыты различные общества, советы, бюро по заочному обучению, отдельные из которых существуют по настоящее время. Так, в 1892 году Уильямом Рейни Харпером (William Rainey Harper), считающимся в Америке создателем университетского корреспондентского обучения, было учреждено отделение корреспондентского обучения Университета Чикаго (University of Chicago). В 1926 г. Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке и Национальным Бюро по развитию бизнеса для продвижения звуковых образовательных стандартов и этики ведения бизнеса был сформирован Американский Национальный Совет по домашнему обучению, который с 1990-х гг. стал называться Советом по дистанционному образованию и обучению (Distance Education and Training Council, DETC), а в настоящее время является центром обмена информацией в области заочного дистанционного обучения [3].

В России до Октябрьской революции единственной формой получения заочного образования, признанной государством, являлся экстернат. Обучение не предполагало методической помощи со стороны учебного заведения и являлось доступным ограниченному кругу лиц. Как разновидность экстерната возникла заочная форма обучения. Первым в России методическим центром для лиц, занимавшихся самообразованием, стали Комиссия по организации домашнего чтения (1893 г.) при Обществе распространения технических знаний (Москва) и Отдел для содействия самообразованию (1894 г.) при Комитете педагогического музея военно-учебных заведений (Санкт-Петербург). Желаящим рассылались программы для чтения, рефераты, тексты лекций, организовывались письменные и устные консультации. В 1908 году съездом общественных просветительских учреждений было принято решение о целесообразности создания заочных общественных учреждений в связи с развитием массовой общеобразовательной школы и необходимостью введения всеобщего обучения. Основной задачей таких учреждений было обучение элементарной грамоте взрослого населения. Функционировали они преимущественно на базе различных курсов на частной или общественной основе.

Таким образом, организация заочного обучения в большинстве из перечисленных образовательных структур строилась по одинаковой схеме. Студенты регулярно в течение года получали по почте инструкции, в которых четко определялись задания для самостоятельного изучения и план работы. Особое внимание уделялось текущему контролю учебной деятельности и результатам обучения, который осуществлялся преимущественно в письменной форме как комментирование студентами прочитанного учебного материала, а также в виде регулярных письменных отчетов, ответов обучаемых на экзаменационные вопросы, получаемые и высылаемые ими по почте.

II этап – 1917–1930 гг.

В области создания системы заочного образования Россия имеет признанный в мире исторический приоритет [4, 251]. Впервые система заочного обучения на всех ступенях была создана в России в 1919 году (8-ым съездом КПСС принято решение об оказании всесторонней государственной помощи самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян).

В начале 20-х годов были открыты заочные курсы по различным направлениям (иностранных языков, советского строительства, профдвижения, связи и др.), заочное обучение получило широкое распространение вместе с вечерним обучением и экстернатом. Первоочередной задачей стала ликвидация массовой неграмотности населения. С 20-х гг. начался выпуск специальной литературы для самообразования ("Школа на дому", "Народный университет на дому", "Рабфак на дому", "Готовься в вуз", "Рабочий техникум на дому", "Учись сам" и др.).

В 1926–1930 гг. заочное обучение получило дальнейшее развитие: были учреждены заочные отделения при Московском и Ленинградском университетах, сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, механическом институте им. М. В. Ломоносова, созданы Центральный институт заочного обучения, Молодежный институт ЦК ВЛКСМ (с 1930 – Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного образования), Ленинградский заочный индустриальный институт (1929), Всесоюзный заочный финансово-экономический институт (1930). К концу 1930 г. по заочной форме обучалось более 350000 чел [5].

За рубежом в конце 20-х – начале 30-х годов XX века начинается активное внедрение в учебный процесс технических средств обучения. К примеру, в 30-х годах в штате Висконсин (США) создается эфирная школа, в которой предпринимаются первые попытки трансляции учебного материала по радио для школ в сельской местности.

Таким образом, к 1930 году были определены принципы и организационные основы заочного обучения: расширение доступности образования; бесплатность, идейность, партийность и политехнизм; взаимодействие системы образования и производства. В то же время для обозначенного периода функционирования заочного образования характерны неупорядоченность развития системы заочного обучения, отсутствие единства в сроках приема и продолжительности обучения, а также в разработке учебных планов.

III этап – 1930–1960 гг.

Начинают активно внедряться технические средства обучения. В 1933 г. впервые в мире были проведены телевизионные образовательные программы (Университет Айовы) по различной тематике.

Обозначенный период отличается организационным укреплением заочной системы высшего образования в СССР. Для обеспечения единого государственного управления в области заочной подготовки кадров были определены номенклатура специальностей и сеть самостоятельных заочных вузов, в числе которых всесоюзные (г. Москва – финансово-экономический (1930), политехнический (1932), текстильной и легкой промышленности (1932), юридический (1932), машиностроительный (1936), электротехнический институт связи (1937), заочный институт советской торговли (1937), инженерно-строительный (1944), в Московской области – сельскохозяйственный институт заочного образования (1930, г. Балашиха)). Следует отметить, что обучение без отрыва от производства было ориентировано в большей степени на подготовку инженерно-технических кадров. Совершенствуется форма организации процесса обучения: введена курсовая система и обязательная сдача всех экзаменов и зачетов (Постановление СНК СССР "О высшем заочном обучении", 1938 г.). Отдельное внимание обращено на подготовку научных работников высшей квалификации (Постановлением СНК СССР (1939) утверждено Положение о заочной аспирантуре). Включение высшего заочного образования в единую плановую государственную систему народного образования стало завершением качественной стадии его организации и развития [6], [7].

Необходимость дальнейшего значительного расширения масштабов заочного обучения возникла после 1945 года в связи с высокой потребностью в квалифицированных кадрах в условиях восстановления разрушенного войной хозяйства и его технического переоснащения. В период 1945–1960 гг. был образован ряд новых специальных заочных институтов, заочных отделений вузов, сеть учебно-консультативных пунктов. Широкое распространение получила заочная подготовка педагогических кадров. Определены наиболее эффективные способы

руководства самообразованием, разработаны методики самоорганизации учебной деятельности студента-заочника. Постановлениями правительства о заочном обучении в высшей школе поэтапно устанавливался статус заочного образования как равноправного с дневной формой обучения.

Таким образом, выделенный период отличается внедрением новых технических средств обучения, унификацией структуры учебных заведений, осуществляющих подготовку без отрыва от производства, единством программ учебных дисциплин для заочной и дневной форм обучения, увеличением объема аудиторных занятий для студентов-заочников. Тем не менее, заочная форма обучения остается востребованной, отмечается ее незначительный удельный вес в общей системе высшего образования.

IV этап – 1960–1980 гг.

Заочное обучение в капиталистических странах осуществляется в государственных и частных учебных заведениях, однако их дипломы оцениваются ниже, чем дипломы очных учебных заведений. В вузах США имеются отделения, окончание которых дает право на получение только степени бакалавра. В США рассматриваемый период отмечен переходом от корреспондентского к дистанционному обучению, а новые информационные технологии в образовании стали называться технологиями дистанционного обучения [2].

Заочное обучение организовано в Великобритании, во Франции, Швеции, Норвегии, Нидерландах, Дании, Индии, Австралии, Японии и ряде других стран. В ГДР созданы самостоятельные заочные высшие и средние специальные учебные заведения. Во многих вузах Венгрии открыты заочные отделения [8]–[10].

Периодически проводятся международные конференции, организуемые Международным советом по заочному образованию (курируется ЮНЕСКО). В работе конференции, состоявшейся в 1969 в Париже, участвовали представители 30 стран, в том числе СССР.

Заочная форма подготовки совершенствуется и в СССР. Получила развитие подготовка научных и педагогических кадров через заочную аспирантуру. Однако декларируемое в качестве основного вида учебной деятельности студентов-заочников самостоятельное изучение материала не подтверждается методическими формами организации учебного процесса. Происходит смещение акцентов на аудиторные виды занятий. Унификация учебной литературы, как условие равноценности обучения при любой форме высшего образования, привела к отсутствию специальной литературы для студента-заочника. Количественные достижения безотрывного высшего образования не повлекли за собой развития его качественной составляющей. Отличительными особенностями функционирования сложившейся системы заочного обучения стали: увеличение сроков обучения и количества аудиторных занятий; идентичность форм аудиторного обучения и методов их проведения с соответствующими в стационарной подготовке; управляемая самостоятельная работа организована в виде отчетных письменных домашних заданий с использованием печатных методических разработок как основного средства руководства самостоятельной работой; включение в учебные планы обязательной производственной практики только по отдельным специальностям; недостаточное использование в учебном процессе средств телекоммуникации [11].

V этап – 1980 – по настоящее время.

Масштабное стремление все большего количества абитуриентов получить высшее образование заочно актуализирует проблему повышения качества обучения. Гибкость и экономическая эффективность заочного обучения используются, в первую очередь, в ходе реализации программ непрерывной подготовки в системе «средне-специальное образование – высшее образование». Вместе с тем, рост популярности заочной формы получения образования обусловлен и рядом других причин. Она позволяет обеспечить «социальное включение» в высшее образование граждан, исключенных из системы дневной формы получения образования по семейным, возрастным, финансовым причинам; повысить уровень профессиональной компетенции без отрыва от производства; обеспечить социальную защиту граждан путем предоставления возможности получения второго высшего образования; реализовать концепцию непрерывного образования в течение всей жизни.

В Кодексе Республики Беларусь об образовании, вступившем в действие с 1 сентября 2011 года, заочная форма получения образования определена как «обучение и воспитание,

предусматривающие преимущественно самостоятельное освоение содержания образовательной программы обучающимся, участвующим лично только в ограниченном числе учебных занятий и аттестации, организуемых учреждением образования, организацией, реализующей образовательные программы послевузовского образования, иной организацией, индивидуальным предпринимателем, которым в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность» [12, 19].

Выделенный период отличается новым витком качественного развития безотрывного высшего образования, в первую очередь, за счет введения разнообразных средств телекоммуникации. Возможности заочного обучения расширились за счет внедрения технологий дистанционного обучения. Следует отметить, что в Кодексе Республики Беларусь об образовании дистанционная форма получения образования определяется как «вид заочной формы получения образования, когда получение образования осуществляется преимущественно с использованием современных коммуникационных и информационных технологий» [12, 19]. Следовательно, реальным направлением модернизации заочного образования стало создание интегрированной модели, объединяющей в себе преимущества дневной, заочной и дистанционной форм обучения. Теоретический анализ и обобщение имеющегося отечественного и зарубежного опыта, раскрытие содержания системы заочного образования дают основание утверждать, что интегративная связь традиционных и дистанционных технологий непрерывной подготовки студента-заочника стала основой решения проблемы повышения качества подготовки специалистов по заочной форме получения образования.

Выводы

В результате нашего исследования с учетом зарубежного опыта выделены этапы и особенности становления и развития высшего заочного образования, в основу возникновения которого были положены идеи доступности самообразования и соединения обучения с производительным трудом. Открытая для гарантии социального равенства прав на образование, в настоящее время заочная форма сформировалась как отдельная образовательная система, имеющая свои цели и механизмы функционирования.

Уровень информационно-технологического прогресса также повлиял на систему заочного образования. Усовершенствовались формы и методы обучения. Использование элементов дистанционного обучения позволило минимизировать воздействие преподавателя на студента непосредственно через традиционные формы аудиторных занятий и включить в учебный процесс активные формы обучения. Зародившись и развиваясь в рамках заочного обучения, дистанционная форма также сформировалась в самостоятельную систему, которая требует выделения ее на законодательном уровне. При этом, в целях рационального и эффективного функционирования и заочная, и дистанционная формы обучения должны работать преимущественно в системе непрерывной подготовки «среднеспециальное – высшее образование».

Востребованность и важность социальной роли заочного и дистанционного образования вызывают необходимость проектирования педагогической концепции и прогнозирования дополнительных путей повышения эффективности функционирования рассматриваемых систем, а также определения механизмов их взаимосвязи и взаимодействия.

Литература

1. Bergmann, Harriet F. "The Silent University": The Society to Encourage Studies at Home, 1873–1897 in *The New England Quarterly* / Harriet F. Bergmann. – Boston. – Vol. 74. – 2001. – No. 3. – С. 447–477.
2. Белол, И. О. Образование взрослых в США : дисс. ... канд. пед. наук / И. О. Белол. – М., 1981. – 186 л.
3. Billings, D. A conceptual model of correspondence course completion / D. Billings. – *American Journal of Distance Education*. – 1988. – 2:2. – С. 23–35.
4. Новиков, А. М. Российское образование в новой эпохе / А. М. Новиков // *Парадоксы наследия, векторы развития*. – М. : Эгвес, 2000. – 251 с.
5. Горностаев, П. В. Развитие теории общего образования взрослых в СССР (1917–1931) : учеб. пособие / П. В. Горностаев. – М., 1974. – 141 с.

6. Горохов, В.А. Основы непрерывного образования в СССР / В. А. Горохов, Л. А. Коханова. – М. : Высшая школа, 1987. – 356 с.
7. Заочные институты // Педагогическая энциклопедия. – М. : Сов. энциклопедия, 1965. – С. 85–86.
8. Boud, D. Assessment and learning: Contradictory or complimentary? / D. Boud // In P. Knight (Ed.), Assessment for learning in higher education. – London : Kogan Page Limited. 1995. – С. 35–48.
9. Мёле, Х. Заочное высшее и последипломное образование в ГДР / Х. Мёле // Высшее образование в Европе. – 1983. – Т. УТЛ. – № 3. – С. 27–34.
10. Заочное обучение в зарубежных странах: концепции, практика, перспектива: научно-аналитический обзор / сост. А. И. Галанин. – М., 1990. – 100 с.
11. Милованова, Г. В. Самостоятельная работа студентов в условиях целевой интенсивной подготовки специалистов : автореф. дисс. ... канд. пед. наук / Г. В. Милованова. – Л., 1990. – 17 с.
12. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – Минск : Нац. центр правовой информации Республики Беларусь, 2011. – 400 с.

Summary

The author of the article substantiated and marked the main stages of formation and functioning of the Correspondent Education System. The development trends of the native system of Correspondent Training have been defined.

Поступила в редакцию 15.05.14

УДК 796.08

МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА К ЗАНЯТИЯМ ДЗЮДО И САМБО

Н. А. Перец

доцент кафедры физического воспитания и спорта
ГУ ВПО «Белорусско-Российский университет», г. Могилёв, РБ

В статье представлены результаты эксперимента по выявлению первичных мотивов и их изменению в процессе обучения в группах спортивного совершенствования по дзюдо и самбо студентов Белорусско-Российского университета с применением специальной методики, позволяющей сформировать устойчивую потребность систематических занятий борьбой.

Ключевые слова. Мотивация, дзюдо, самбо, методика, тренировка.

Введение

Проблема с набором в группы спортивной борьбы в Белорусско-Российском университете (далее – БРУ) с каждым годом становится все острее. В 70-е–80-е годы прошлого века провести отбор в группы спортивного совершенствования было достаточно легко: из большого количества желающих заниматься дзюдо и самбо выбирались самые подготовленные и способные, готовые повышать свое спортивное мастерство, участвовать в соревнованиях. Предпочтение отдавалось тем, кто уже занимался дзюдо, самбо или другими видами борьбы в ДЮСШ. За время учебы многие из занимающихся становились призерами областных и республиканских соревнований, получали спортивные разряды. С конца 90-х гг. ситуация стала меняться в худшую сторону, и в настоящее время очень проблематично набрать достаточное количество студентов и удержать их после первого года обучения в секции.

Причин сложившейся ситуации может быть несколько. Это и демографическая ситуация в стране (с каждым годом количество студентов уменьшается), и падение интереса к дзюдо и самбо в связи с появлением новых видов и течений восточных единоборств, и ухудшение состояния здоровья молодых людей. Компьютеризация, малоподвижный образ жизни, отсутствие привычки заниматься физической культурой и спортом, вредные привычки приводят к тому, что все большее количество первокурсников приходят в вуз с низким уровнем общей физической подготовки, без опыта занятий в спортивных секциях и поэтому не могут полноценно заниматься на курсе спортивного совершенствования. Кроме того, поскольку БРУ – технический вуз, то подавляющее большинство студентов сегодня нацелено на учебу, получение специальности, а не на достижение спортивных результатов.

На протяжении двух последних десятилетий сложилась следующая тенденция: к концу учебного года секцию дзюдо и самбо покидают от 70 до 80% студентов, занимающихся в группах начальной подготовки.

Так, например, в 2010–2011 учебном году из 34 человек к концу года осталось всего 8 студентов, что составило 23,5%. Значительный процент бросивших занятия борьбой после первого года обучения заставляет задуматься и совершенствовать методы отбора, методику проведения занятий с начинающими дзюдоистами, а также особое внимание уделять мотивации студентов. На наш взгляд, мотивация студентов наряду с физической подготовленностью должна стать одним из важнейших критериев при наборе в секции дзюдо и самбо.

Мотивация – это состояние, которое побуждает человека совершать действия, направленные на удовлетворение своих потребностей. Мотивация представляет собой не только ключевую характеристику субъекта и ведет к назначенной цели, но и оказывает влияние на целый ряд процессов в спортивной деятельности. Существенной особенностью является прямое воздействие на спортивный результат: спортсмен, мотивированный определенным образом и имеющий определенную выраженность этой мотивации, сможет достигнуть поставленной цели [1]–[4]. Особым значением обладает необходимость знания тренером мотивации каждого спортсмена, т. к. это способствует успешной подготовке в тренировочном процессе и достижению высоких результатов.

Целью нашего исследования является выявление начальных мотивов студентов БРУ к занятиям дзюдо и самбо для использования этих данных в организации учебно-тренировочного процесса начинающих дзюдоистов, самбистов.

Изучение начальных мотивов к занятиям борьбой дзюдо и самбо студентов БРУ ориентировано на снижение отсева из секций после первого года обучения. С этой целью и был проведен эксперимент, в ходе которого путем изменения методики обучения сделана попытка найти способы воздействия на начинающих спортсменов для формирования их мотивации на длительные занятия и достижение спортивных результатов в избранном виде спорта.

Для реализации поставленной цели в ходе эксперимента решались следующие задачи:

- Раскрыть причинно-следственные связи формирования мотивации к длительным занятиям дзюдо и самбо.
- В зависимости от мотивации, разработать практические рекомендации по планированию средств и методов проведения учебно-тренировочных занятий с начинающими борцами-студентами.

Методы исследования. В процессе проведения педагогического эксперимента для решения поставленных задач использовались следующие методы [5], [6]:

- Метод теоретического анализа.
- Метод педагогического наблюдения.
- Метод социального опроса (анкетирование).
- Метод математической статистики.

Содержание эксперимента:

- Разработка анкеты персонального опроса студентов по мотивации к занятиям дзюдо и самбо.
- Укомплектование двух групп с мотивацией на спортивные достижения и с внешними мотивами навязанного характера (2011–2012 учебный год):
  - Укомплектование контрольной и экспериментальной групп с внешними мотивами навязанного характера (2012–2013 учебный год).
  - Составление учебной программы для контрольной группы.
  - Составление учебной программы для экспериментальной группы.
  - Обсуждение результатов эксперимента.
  - Выводы и рекомендации по итогам эксперимента.

Результаты исследования и их обсуждение

Для оценки состояния вопроса в начале 2011–2012 и 2012–2013 учебных годов нами было проведено персональное очное анкетирование по специально разработанной анкете, которое является методом получения информации путем письменных ответов респондентов на стандартные вопросы.

В анкетировании принимали участие студенты первых курсов БРУ строительного, машиностроительного, автомеханического и электротехнического факультетов, пожелавшие заниматься на специализации дзюдо в учебное время либо на курсе спортивного совершенствования дзюдо и самбо.

Образец анкеты представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Анкета «Что побудило меня записаться в секцию дзюдо?»

Варианты ответов (выбрать один из вариантов)	
1. Хочу заниматься борьбой и принимать участие в соревнованиях	
2. Хочу продолжить традиции семьи (борьбой занимались отец, брат и т. д.)	
3. Нравится дзюдо, хочу быть похожим на сильнейших дзюдоистов	
4. Хочу самосовершенствоваться и стать смелее и увереннее в сложных ситуациях	
5. В детстве обижали в школе, хочу стать не хуже других в группе	
6. Хочу научиться приемам самообороны	
7. В секцию пошли друзья, знакомые и я также	
8. По сравнению с уроками физической культуры, борьба более гармонично влияет на развитие физических и моральных качеств	
9. Хочу научиться приемам борьбы и одновременно получить зачет	
10. Желаю выполнить норматив мастера спорта	

В ходе анализа ответов студентов на вопрос анкеты «Что побудило меня записаться в секцию дзюдо?» были выделены основные группы начальных мотивов: внешние мотивы-стимулы, внутренние мотивы-стимулы и смыслообразующие мотивы.

К внешним мотивам-стимулам отнесены ответы респондентов, в которых подчеркивается внешний характер принятия решения: пригласили в секцию, пошел за компанию, хочу быть не хуже других, научиться приемам самообороны. Сюда же можно отнести желание одновременно получить зачет и научиться приемам дзюдо и самбо.

Внутренние мотивы-стимулы и смыслообразующие мотивы принадлежат к области личной инициативы. Респонденты этой группы объясняют свое увлечение борьбой доводами в виде достижения спортивных результатов: добиваться успехов в выбранном виде спорта, участвовать в соревнованиях, получить спортивный разряд, стать сильнее, смелее, решительнее, получить возможность совершенствоваться физически и духовно.

В этой группе мотивов на первое место выходит ориентация на личностное развитие занимающихся и их способность к психологическому самосовершенствованию, что является определяющим критерием и необходимым условием физического совершенства.

Результаты анкетирования представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Данные анкет опроса студентов 1 курсов Белорусско-Российского университета в 2011–2012 уч. году

Место ответов в зависимости от значимости	Мотивы-стимулы	Количество ответов	
		общее	в %
1	Наряду с получением зачета хочу научиться приемам борьбы	31	30,7
2	Хочу научиться приемам самообороны	20	19,8
3–4	Хочу заниматься борьбой и принимать участие в соревнованиях	10	9,9
3–4	Хочу самосовершенствоваться, стать сильнее, смелее и увереннее в сложных ситуациях	10	9,9
5–6	По сравнению с уроками физической культуры борьба более гармонично влияет на развитие физических и моральных качеств	8	7,9
5–6	В секцию пошли друзья, знакомые и я также	8	7,9
7	Нравится дзюдо. Хочу быть похожим на сильнейших дзюдоистов	6	5,9
8–9	Часто обижали в школе и на улице, хочу быть не слабее других в группе	3	3
8–9	Хочу продолжить спортивные традиции семьи	3	3
10	Желаю выполнить норматив мастера спорта	2	2
Общее количество респондентов		101	

Анкетирование показало, что большинство студентов заинтересовано в получении зачета параллельно с занятиями спортивной борьбой (30,7%) и хотят научиться приемам самообороны (19,8%). Первокурсников с внутренней и смыслообразующей мотивацией значительно меньше. Например, хотят участвовать в соревнованиях 9,9% опрошенных, продолжить спортивные традиции семьи 3%, а получить спортивный разряд всего 2% респондентов.

В зависимости от начальных мотивов были укомплектованы 2 группы по 17 человек в каждой.

В первую группу вошли студенты с личностной мотивацией, ориентированной на спортивные достижения, желающие выполнить нормативы КМС, МС, продолжающие семейные традиции, а также ранее занимавшиеся каким-либо видом спортивной борьбы.

Вторая группа состояла из 17 студентов с внешними мотивами навязанного характера: пошли друзья, и я также, хочу научиться приемам самообороны, не хочу быть слабее других. Основную часть этой группы составили студенты с актуальным мотивом – одновременно получить зачет и попробовать свои силы в занятиях дзюдо и самбо.

В течение 2011–2012 учебного года в обеих группах занятия проводились три раза в неделю по традиционной методике работы в группах спортивного совершенствования, т. е. техническая, психологическая, общая и специальная физическая подготовка были направлены на достижение спортивного результата в конечном итоге. Такая интенсивная работа требует от спортсменов полной отдачи и высокого уровня общей и специальной физической подготовки, а также психологической устойчивости. Во втором семестре студенты должны были принять участие в соревнованиях внутри секции и в личном первенстве университета, а также сдать технический экзамен.

К окончанию второго семестра в первой группе осталось 13 человек, отсеяв – 4 чел. (23,5%), во второй осталось 6 чел., отсеяв – 11 чел. (64,7%).

Со студентами, желающими уйти из секции, проводились индивидуальные беседы, в которых были выявлены следующие *причины* потери интереса к занятиям спортивной борьбой:

- Недостаточная общая физическая подготовка. Проблемы со здоровьем.
- Страх получить травму и неуверенность в своих силах.
- Нежелание или боязнь участвовать в соревнованиях.
- Несоответствие своих возможностей уровню собственных желаний и требований тренера.
- Потеря интереса к занятиям после освоения приемов самообороны.
- Однообразие технических приемов.
- Сложность получения зачета.

Был сделан предварительный *вывод*, что методика проведения занятий, ориентированная на достижение спортивных результатов и обязательное участие в соревнованиях, эффективна для студентов с внутренней мотивацией и не подходит для студентов с навязанными мотивами внешнего характера.

В 2012–2013 гг. эксперимент продолжился.

Результаты анкетирования, проведенного в начале учебного года, представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Данные анкет опроса 1 курса студентов Белорусско-Российского университета в 2012–2013 уч. году

Место ответов в зависимости от значимости	Мотивы-стимулы	Количество ответов	
		общее	в %
1	Наряду с получением зачета, хочу научиться приемам борьбы	35	33
2	Хочу научиться приемам самообороны, чтобы защитить себя и своих близких	21	19,8
3	В секцию пошли друзья, знакомые и я также	14	13,2
4	Хочу самосовершенствоваться, стать сильнее, смелее и увереннее в сложных ситуациях	8	7,6
5-6	Хочу заниматься борьбой и принимать участие в соревнованиях	7	6,6
5-6	По сравнению с уроками физкультуры борьба более гармонично влияет на развитие физических и моральных качеств	7	6,6
7	Нравится дзюдо. Хочу быть похожим на сильнейших дзюдоистов	6	5,7
8	Часто обижали в школе и на улице, хочу быть не слабее других в группе	5	4,7
9	Желаю выполнить норматив мастера спорта	2	1,9
10	Хочу продолжить спортивные традиции семьи	1	0,9
Общее количество респондентов		106	

Анализ результатов опроса показал, что наиболее распространенным мотивом снова оказался «хочу получить зачет и одновременно научиться приемам борьбы» (33% респондентов), 19,8% первокурсников хотят научиться приемам самообороны. Значительно больше оказалось тех, кто пришел за компанию (13,2% против 7,9% в прошлом году). Количество студентов с внутренними мотивами-стимулами уменьшилось по сравнению с предыдущим опросом: хотят участвовать в соревнованиях 6,6%, получить спортивный разряд 1,9%, продолжить спортивные традиции семьи 0,9% опрошенных.

По результатам анкетирования были укомплектованы две группы по 17 человек в каждой, обе с внешними мотивами навязанного характера.

Группа № 1 – контрольная, занятия в которой проводились по традиционной методике, три раза в неделю, с основной направленностью на спортивный результат.

Группа № 2 – экспериментальная. Была разработана специальная программа с использованием рекомендаций отечественных и зарубежных специалистов по дзюдо и самбо [7, 6–10, 193–201], [8, 707–708, 716–723]. Занятия в секции дзюдо рассматриваются как система физического и духовного воспитания, которое зависит от личного сознания и силы воли каждого. Участие в соревнованиях желательно, но не обязательно для получения зачета. В конце учебного года каждый по желанию может получить техническую квалификацию (пояс), по результатам сдачи технического комплекса.

Тренировки также проводились три раза в неделю, но два занятия посвящались изучению техники спортивного дзюдо и общей физической подготовке, а третье – обучению приемам самообороны от простых до более сложных (прикладное применение приемов спортивной борьбы против захватов за одежду, руки, туловище, против ударов руками и ногами, защита от ударов ножом, освоение бросков через спину и через бедро, задержание и конвоирование, способы самообороны в замкнутом пространстве – лифт, автомобиль, лестничная площадка).

В связи с тем, что многие из студентов пришли в секцию с низким уровнем общей физической подготовки, а некоторые и с ослабленным здоровьем, было принято решение проводить тренировки в щадящем режиме с постепенным увеличением интенсивности в течение года. Использовался индивидуальный подход к каждому студенту в зависимости от его уровня подготовки и первичных мотивов.

Способные и желающие принимали участие в соревнованиях (таких было 3–5 человек – около 25%), остальные просто тренировались, улучшали свою физическую форму, укрепляли здоровье, занимаясь с интересом и пользой для себя.

Особое внимание уделялось психологической работе со студентами. В течение всего учебного года проводились общие и индивидуальные беседы, при помощи которых формировался и поддерживался устойчивый интерес к дзюдо как к системе совершенствования духа и тела, происходило постепенное изменение первичных внешних мотивов.

В контрольной группе из 17 человек к концу года осталось 7 чел., отсеяв 10 чел. (58,8%). В экспериментальной группе из 17 осталось 15, отсеяв 2 чел. (11,8%).

Результаты эксперимента за два года работы представлены на рисунках 1, 2.

Рисунок 1 – Диаграмма «Количество студентов в группах спортивного совершенствования в 2011–2012 уч. году»

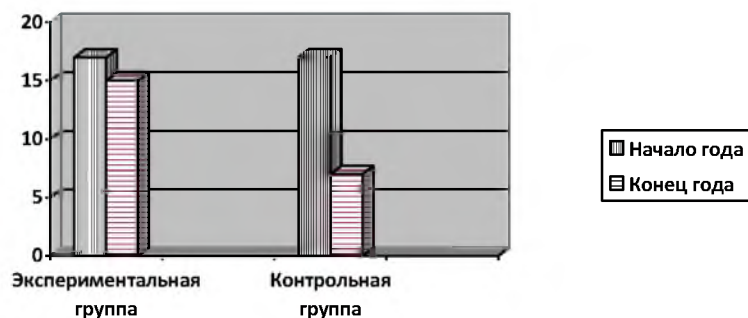

Рисунок 2 – Диаграмма «Количество студентов в группах спортивного совершенствования в 2012–2013 уч. году»

Как видно из диаграмм, в группах с внешними мотивами навязанного характера, занимавшихся по традиционной системе, и в 2011–2012 гг., и в 2012–2013 гг. процент отсева приблизительно одинаков и достаточно высок. В экспериментальной группе процент отсева небольшой и сопоставим с процентом отсева в группе с внутренними и смыслообразующими мотивами-стимулами.

Выводы и рекомендации

Результаты педагогического эксперимента позволили сделать следующие *выводы*:

- Большинство студентов БРУ приходят в секцию дзюдо и самбо не ради достижения спортивного результата, они мотивированы на овладение определенными умениями и навыками, занимаются для того, чтобы научиться чему-то новому, совершенствоваться как физически, так и духовно, освоить приемы самообороны для защиты себя и своих близких. Важным стимулом является возможность параллельно получить зачет по физической культуре.
- Традиционная методика подготовки в группах спортивного совершенствования по дзюдо и самбо, направленная прежде всего на достижение спортивных результатов, неэффективна при работе со студентами, имеющими первичные мотивы случайного или навязанного характера.
- Использование специально разработанной программы в группах с внешними мотивами позволяет значительно уменьшить отток студентов из секции после первого года обучения, формирует устойчивый интерес к длительным занятиям борьбой, способствует изменению мотивации в сторону физического и духовного совершенствования и достижения в будущем спортивных результатов.

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем следующие *рекомендации*:

- Для выявления первичных мотивов в начале учебного года проводить персональное анкетирование студентов, желающих заниматься дзюдо и самбо.
- При отборе в группу спортивного совершенствования желательно отдавать предпочтение студентам, не только физически одаренным, но и имеющим мотивацию, ориентированную на длительные занятия дзюдо и на достижение спортивного результата. В этом случае занятия проводятся по традиционной методике.
- Со студентами, имеющими первичные мотивы случайного или навязанного характера, проводить тренировки в щадящем режиме с учетом индивидуальных особенностей физической и психологической подготовленности с включением в занятия материала прикладного характера.
- Предоставлять возможность занимающимся получить техническую квалификацию (пояс) по результатам сдачи технического комплекса. Не настаивать на участии в соревнованиях.
- Формировать у занимающихся дзюдо и самбо соответствующие физкультурные знания, на основе которых создаются практические умения и навыки, способствующие устойчивой потребности к регулярным занятиям борьбой.
- Уделять особое внимание психологической подготовке. Добиваться постепенного изменения мотивации на личностно-ориентированную для самосовершенствования и достижения спортивных результатов.

Литература

1. Иванников, В. А. Психологические механизмы волевой регуляции / В. А. Иванников. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : изд-во УРАО, 1998. – 198 с.
2. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Иркутск : Политиздат, 1975. – 188 с.
3. Леонтьев, А. Н. Лекции по общей психологии / А. Н. Леонтьев. – М. : Смысл, 2000. – 256 с.
4. Насиновская, Е. Н. Методы изучения мотивации личности : учеб.-метод. пособие / Е. Н. Насиновская. – Москва : изд-во МГУ, 1988. – 80 с.
5. Наталов, Г. Г. Теория физического воспитания / Г. Г. Наталов. – Алма-Ата : Казахский ИФК, 1976. – 62 с.
6. Сидоров, А. А. Педагогика спорта : учеб. для студентов вузов / А. А. Сидоров. – М. : Дрофа, 2000. – 320 с.
7. Станков, Г. А. Индивидуализация подготовки борцов / А. Г. Станков, В. П. Климин, И. А. Письменский. – М. : Физкультура и спорт, 1984 – 240 с.
8. Дзюдо. Система и борьба / Ю. А. Шулика [и др.]. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 800 с.

Summary

The article deals with the results of the experiment conducted to find out the primary motives and their changes in the process of training in judo and sambo sporting perfection groups of the students of the Belarusian-Russian University with the use of a special method leading to formation of a constant need for systematic wrestling training.

Поступила в редакцию 11.04.14

МГТУ ИМ. И.П.Шамшуркина

УДК 378.147.88

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА СТУДЕНТОВ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

С. Н. Щур

кандидат педагогических наук, доцент

проректор по учебной работе УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ

Н. П. Беляева

старший преподаватель кафедры психологии

УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ

В статье раскрываются подходы к организации педагогической практики студентов, формированию профессионально значимых компетенций будущих педагогов-инженеров.

Введение

В условиях современной социально-экономической ситуации повышаются требования к практической подготовке специалистов высшей квалификации. Педагогическая практика в учреждениях высшего образования является единственной формой организации обучения, которая позволяет студенту применить полученные теоретические знания, сформированные умения и навыки в реальных условиях профессиональной деятельности. Поэтому главная цель педагогической практики – формирование и совершенствование знаний, умений и навыков студентов, необходимых для осуществления профессиональной деятельности в условиях учреждения образования. В процессе практики предполагается ознакомление с особенностями организации педагогического процесса в учебном заведении, изучение специфики деятельности преподавателя, применение методов, приемов, технологий, средств организации учебно-воспитательного процесса.

Компетентное выполнение педагогической деятельности требует от студентов владения профессионально значимыми умениями, которые в период обучения в вузе можно выработать только на практике:

- умения ставить и решать педагогическую задачу;
- умения общения, организации педагогического процесса как сотрудничества и взаимодействия;
- умения отбирать и структурировать учебный материал как систему познавательных задач;
- умения осуществлять межпредметные связи;
- умения осуществлять индивидуально-дифференцированный подход к обучению учащихся;
- умения прогнозировать перспективы профессионального развития учащихся и проектировать дидактические действия;
- умения планировать самообразовательную деятельность.

Помимо формирования перечисленных педагогических умений, в цели педагогической практики входит также развитие профессионально-значимых качеств студентов-практикантов, к числу которых мы относим личностно-этические (чувство долга и гражданственную ответственность, гуманизм, сострадание, чуткость, трудолюбие, дисциплинированность и т. д.); индивидуально-психологические (культура темперамента, объективная самооценка, эмоциональная отзывчивость и т. д.); профессионально-педагогические (любовь к детям, педагогический такт, работоспособность и т. д.) качества.

Результаты исследования и их обсуждение

На инженерно-педагогическом факультете УО МГПУ имени И. П. Шамякина накоплен значительный опыт в организации педагогической практики для студентов 4 и 5 курсов специальности «Профессиональное обучение».

В общей структуре профессиональной подготовки инженера-педагога наиболее значимы два компонента: профессиональный и психологический. Профессиональная подготовка, ее оценка

связаны в первую очередь с ведущей деятельностью, т. е. деятельностью, к которой готовится будущий специалист.

Задачи, стоящие перед будущими инженерами-педагогами, заключаются в формировании умений и навыков оптимального психолого-педагогического взаимодействия и общения с учащимися профессионально-технических учреждений, использования психологических методик изучения возрастных и индивидуальных особенностей учащихся, деловых и личностных взаимодействий учащихся в коллективе.

Таким образом, содержание педагогических практик предполагает изучение личности учащегося и ученических коллективов с целью диагностики и коррекции их развития.

В процессе педагогической практики студенты могут в полной мере осмыслить закономерности и принципы обучения и воспитания, овладеть профессиональными умениями и навыками, опытом практической деятельности, осознать фундаментальные научно-теоретические основы деятельности преподавателя. Ее эффективность в значительной степени зависит от определения целей, задач, принципов, содержания и умелой организации практики.

Очень важно в ходе практики определить для каждого студента предпосылки эффективности его работы.

Активная педагогическая практика студентов 4 и 5 курсов – это отказ от стереотипов, поиск и апробация собственных решений, ориентация на новаторский опыт.

Особенности организации педагогической практики на предвыпускном и выпускном курсах определяются спецификой специальности.

Это выражается в выборе профильных баз прохождения практики, дифференциации содержания заданий и тематики творческих отчетов на итоговых конференциях.

Вместе с тем, модернизация современного многоуровневого образования и инновационные процессы в науке и практике требуют от выпускника инженерно-педагогического факультета принципиально новых компетенций и социокультурного опыта, которые позволили бы ему стать конкурентно способным на рынке образовательных услуг на основе владения методами исследования современного рынка образовательных услуг и образовательных запросов личности. В связи с этим актуализируется проблема развития исследовательских компетенций студентов предвыпускных и выпускных курсов в период педагогической практики.

Анализ исследований позволил констатировать, что педагогическая практика фактически не изучалась как условие развития исследовательских компетенций студентов. На наш взгляд, потенциальные возможности исследовательской деятельности на педагогической практике заключены в развитии таких компетенций, как способность наблюдать, диагностировать, формулировать научный замысел, проектировать научное исследование, получать, анализировать и перерабатывать научную информацию, внедрять научные результаты в практику, определять ценность полученных данных для измерения результатов профессиональной деятельности [1].

Исходя из этого, организация практики будущих педагогов-инженеров предполагает несколько этапов:

1. Этап самодиагностики (подготовительный), на котором студенты решают задачи, связанные с самознанием уровня исследовательских компетенций как основы проектирования своей научно-исследовательской деятельности на педагогической практике.

В качестве задач практики на этом этапе выступают:

– самодиагностика уровня развития поисковых, организационных, процессуальных, лично-индивидуальных, рефлексивно-результативных компетенций (на основе отобранных диагностических методик);

– подготовка документации по педагогической практике для начала научно-исследовательской деятельности (научное портфолио, отбор диагностических методик для изучения личности и коллектива). Научное портфолио формируется студентом на протяжении всего периода обучения и представляет собой определенный «педагогический багаж» в виде теоретических знаний, педагогических технологий, наглядности.

2. Этап научного поиска в период педагогической практики, содержание которого реализуется на основе анализа накопленного портфолио и обозначенных в нем перспектив личностного и профессионального развития и саморазвития. Руководство научным поиском обеспечивается руководителем практики. Студентам необходимо презентовать научный замысел (устно или в виде модели, определить информационные средства и т. п.), доказать его

актуальность на основе обозначенных на практике противоречий, требующих разрешения, высказать собственные варианты новых признаков педагогического объекта.

3. Этап самоорганизации как основной вид деятельности практиканта (организация диагностической деятельности, выполнение заданий практики, описание результатов, корректировка отчетной документации с руководителем практики).

4. Этап научного проектирования, направленный на формирование опыта ведения диалога и диалоговой культуры в научно-профессиональном сообществе, развитие способности к моделированию и предвидению в получении творческих, эффективных результатов практики.

5. Этап творческой самореализации, направленный на развитие креативных способностей в научном описании наблюдаемых на практике педагогических явлений, процессов, формирование компетенций письменной речи (делать текстовые и знаковые записи, составлять отчет, вести дневник наблюдений за учащимися).

6. Рефлексивный этап, позволяющий развивать критическое мышление студентов на основе рефлексивной деятельности и формировать опыт обмена полученными результатами в таких профессиональных сообществах, как педагогический совет училища, семинар, научно-практическая конференция.

По результатам педагогической практики студенты представляют письменный отчет, педагогическое эссе в виде рефлексивного анализа, дневник наблюдений, приложения в виде конспектов занятий, диаграмм, методик и др.

На каждом этапе исследовательской деятельности студентам обеспечивается индивидуальная траектория, определяемая нами как возможность выбора творческого исследовательского направления в период практики, проявления оригинальности в реализации научного замысла, выполнении заданий, получении эффективного и значимого для практики результата исследования.

Такой подход к организации практики студентов выпускного и предвыпускного курсов, на наш взгляд, позволит сориентировать выпускников инженерно-педагогического факультета на отношение к личности учащегося и к педагогической деятельности как к ценности, а также сформировать необходимые профессионально значимые компетенции.

Таким образом, педагогическая практика на современном этапе развития педагогического образования является одним из наиболее эффективных способов организации практико-ориентированного обучения в учреждениях высшего профессионального образования, так как позволяет формировать первичный педагогический опыт обучения и воспитания учащихся.

Не менее важный аспект организации педагогической практики – это проведение мониторинга удовлетворенности студентов полученной подготовкой по осуществлению деятельности педагога, организацией практики и ее результатами.

Анализ результатов мониторинга показывает, что педагогическая практика позволяет укрепить такие профессионально-значимые качества, как коммуникативность, настойчивость, устойчивость внимания, эмоциональная устойчивость. Студенты отмечают достаточную подготовленность в области практического применения методов изучения личности учащихся и взаимодействия с ними. Самооценка профессионально значимых умений студентов показывает, что уровень сформированности коммуникативных умений у них выше организаторских и информационно-исследовательских: владеют коммуникативными умениями – 36,7%, организаторскими – 28,3%, информационно-исследовательскими – 19,5%.

Выводы

1. Педагогическая практика – это форма организации обучения в учреждении высшего образования, которая способствует формированию и совершенствованию профессионально значимых знаний, умений и личностных качеств студентов.

2. Организация педагогической практики студентов должна способствовать формированию профессионально значимых компетенций: коммуникативных, организационных, диагностических и др.

3. С целью сохранения конкурентноспособности на рынке труда в условиях современной социально-экономической ситуации особое значение приобретают исследовательские компетенции студентов, которые позволяют грамотно интерпретировать теоретические умения и практические действия.

4. В організації педагогічної практики студентів цілесообразно виділяти декілька етапів:

- етап самодіагностики;
- етап научного проектування;
- етап творчої самореалізації;
- рефлексивний етап.

5. Моніторинг результатів педагогічної практики дозволяє більш точно визначити якість підготовки студентів і їх готовність до удосконалення професійних дій в реальних умовах навчального закладу.

Література

1. Чумичева, Р. М. Формування дослідницьких компетенцій у студентів в процесі педагогічної практики / Р. М. Чумичева // Вестник МГТУ. – 2009. – № 3. – С. 22–34.

Summary

Approaches to pedagogical internship organization and professionally valued competence of prospective teachers-engineers are described in the article.

Поступила в редакцію 24.04.14

МГТУ ім. І.П.Шамякіна

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 81'33

СУСВЕТНАЕ ПАВУЦІННЕ, СЕЦІВА, ВЭБ І ІНТЭРНЭТ У КАМП'ЮТАРНА-АПАСРОДКАВАНАЙ КАМУНІКАЦЫІ

А. А. Барковіч

кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры прыкладной лінгвістыкі
філалагічнага факультэта БДУ, г. Мінск, РБ

У артыкуле разглядаецца сітуацыя, якая складаецца ў беларускай мове з адаптацыяй, асіміляцыяй і фіксацыяй тэрміналагічнай лексікі са сферы камп'ютарна-апасродкаванай камунікацыі. Дадзеныя такога роду могуць быць атрыманы з выкарыстаннем комплекснай метадыкі з прыцягненнем інструментаў прыкладной лінгвістыкі, сярод якіх найбольш эфектыўныя – корпусныя даследаванні. Ва ўмовах недастатковай развітасці лінгвістычных корпусаў беларускай мовы рэlevantныя вынікі цалкам дасягальныя з дапамогай корпусаў, аатаваных як электронныя бібліятэкі, і Інтэрнэту. Эмпірычныя дадзеныя сведчаць аб інтэнсіўным засваенні тэрмінаў са сферы інфармацыйных тэхналогій у беларускай мове. Функцыянаванне групы такіх тэрмінаў з'яўляецца паказальным, адлюстроўваючы характэрныя рысы развіцця тэрмінасістэмы.

Уводзіны

Мова Сусветнага павуціння (англ. *World Wide Web*) своеасаблівая і разнастайная. Для яе ідэнтыфікацыі і стратыфікацыі ўжо сёння неабходна свая тэрміналогія. У англамоўнай культуры такая тэрмінасістэма актыўна фарміруецца. Выкарыстоўваецца, напрыклад, цэлы шэраг тэрмінаў для пазначэння маўленчай прадукцыі ў асяроддзі камп'ютарна-абумоўленай дзейнасці [1].

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Беларускае маўленне ўносіць свае карэктывы ў паняццевую сферу Сусветнага павуціння. Тут трэба адзначыць некалькі важных асаблівасцей.

Адной з характэрных прымет беларускага маўлення з'яўляецца паступовае пашырэнне выкарыстання лексемы *Сеціва*, якая першапачаткова была элементам размоўнай практыкі. Аб'ектыўна аб'ём яе семантыкі не аформіўся канчаткова: можна гаварыць і аб частковым вышчасненні аднаслоўнай адзінкай састаўной назвы *Сусветнае павуцінне*, і аб замене агульнаславянскай адзінкай адпаведнай калькі іншамоўнага запазычання, і аб спарадычным выкарыстанні лексемы ў якасці абагульненай назвы для паняццяў *Інтэрнэт*, *віртуальная рэальнасць*, *Вэб* і інш. Між іншым, прыныповага адрознення паміж семантыка-сітаксічнымі арэаламі *Сеціва*, *Сусветнага павуціння*, *Вэба* і *Інтэрнэту* ў беларускім маўленні не назіраецца. Наадварот, гэтыя назвы часта выкарыстоўваюцца бессістэмна, нават у маўленні высокаадукаваных носбітаў беларускай мовы. Характэрным з'яўляецца наступны фрагмент з інтэрв'ю «паэта і літаратуразнаўцы, кандыдата філалагічных навук» Віктара Жыбуля газеце «Звязда» (Надзеі Юшкевіч):

«[Пытанне] – Ці развіваецца беларуская мова ў віртуальнай прасторы?»

Віктар Жыбуль (далей В. Ж.):

– *Інтэрнэт* у нас ужо даўно назвалі **сецівам**, і гэтае слова прыжылося. Яшчэ сустракаў **словасвет** – неалагізм, прыдуманы паэтам Леанідам Дранько-Майсюком. Таксама прыгадваю слова **"мяно"** (ад **"мянушка"**) у значэнні **"нік"**, якое сустракаў на інтэрнэт-форумах...

[Пытанне] – Дзе часцей беларус сустракаецца з роднай мовай: у рэальным жыцці ці ў інтэрнэце?

В. Ж.:

– Напэўна, відаць, у *інтэрнэце*. Бо, заходзячы ў *сеціва*, чалавек ужо звычайна ведае, якія сайты/парталы/форумы будзе наведваць, з кім будзе камунікаваць і г. д. А ў рэальным жыцці ўсё больш падпарадкавана выпадковасці: ён выйдзе з дому, паедзе на працу ў грамадскім транспарце, і... ужо як пашанцуе – можна сустрэць на дарозе каго-небудзь беларускамоўнага, а можна і не

сустрэць. *Прынамсі, на людзях, якія ў рэальным жыцці, скажам, ходзяць па вуліцы, не напісана, беларускамоўныя яны ці не, а ў інтэрнэце – напісана ў літаральным сэнсе (у профілі і г. д.). Так што ў сеціве чалавеку прасцей і паказаць сябе як ёсць, і знайсці аднадушцаў...» [«Звязда», 06 снежня 2012 года / № 23 (15709) / У пошуках роднага слова, або Інтэрнэт як сродак самаідэнтыфікацыі] (Тут і далей прыклады – з электронных крыніц) [2].*

У дадзеным фрагменце пара *Інтэрнэт* / *Сеціва* выкарыстоўваецца як поўнаасцю сінанімічная. У першым выпадку гэта адбываецца ў межах аднаго сказа, затым двойчы – у суседніх. Значэнне менш ужывальнага – *Сеціва* – раскрываецца праз семантыку больш звыклага і папулярнага слова *Інтэрнэт*.

Такім шляхам адзінка *Сеціва* паступова становіцца агульнаўжывальнай. Хаця ў сучасным маўленні семантыка *Сеціва* з’яўляецца нестабільнай – магчыма яе выкарыстанне і ў значэнні ‘Сусветнае павуцінне’, і як аналаг *Інтэрнэту*, і як ‘віртуальная рэальнасць’ у абагульненым значэнні. Кожны беларускамоўны наведвальнік Сусветнага павуціння пад *Сецівам* (ці *сецівам* – з маленькай літары) разумее адвольны аб’ём семантыкі.

Відавочна, многае будзе залежаць ад лексікаграфічнай лакалізацыі лексемы, якая замацуе яе узуснае разуменне ў тым ці іншым выглядзе.

Адносна выкарыстання адзінак *Інтэрнэт* і *Сусветнае павуцінне* ў сучаснай беларускай мове дадатковую інфармацыю можна атрымаць з корпусных крыніц. На сённяшні дзень у Інтэрнэце даступныя тры беларускамоўныя корпусныя рэсурсы: «Corpus Albaruthenicum», «Параллельный корпус (белорусский)» у складзе НКРЯ і «Беларускі N-корпус».

У «Corpus Albaruthenicum» ні словазлучэнне *Сусветнае павуцінне*, ні нават *павуцінне* сярод тэкстаў не сустракаюцца: канкарданс з вынікамі пошуку – «знойдзена: 0» з улікам выкарыстання словазмяняльных фільтраў «усе формы» [3].

Лексема *Сеціва* ў разглядаемым корпусе адсутнічае, таксама.

Адсутнічаюць і варыянты выкарыстання адзінак *Вэб* і *Web*, адпаведна.

Лексема *Інтэрнэт* у «Corpus Albaruthenicum» сустракаецца вельмі рэдка (тут і далей прыклады з корпусаў – з захаваннем арфаграфіі арыгіналу, па магчымасці):

«Вынікі пошуку:

Знойдзена: 2...

*Чалавек друкаванай прадукцыі мусіць саступіць месца Чалавеку электроннай эпохі, сімвалам якой з’яўляецца **Інтэрнэт** і набыццё жаданай цэласнасці асобы.* СУЧАСНАЕ БЕЛАРУСКАЕ ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА Ў СІСТЭМЕ ГУМАНІТАРНЫХ ВЕДАЎ М. А. ТЫЧЫНА».

Транслітараваная лацінцай у выпадку з лексмай *Інтэрнэт* не крытычная: у форме *Internet* яна выкарыстана толькі адзін раз:

*Выкарыстоўваючы рэсурсы **Internet**, праваслаўныя прадпрымальнікі заснавалі ўласны сайт, які з’яўляецца вельмі папулярным.* ПРАВАСЛАЎНЫЯ ТРАДЫЦЫІ Ў ПРАДПРЫМАЛЬНІЦТВЕ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ, І. У. ГОРЫШ [3].

У рэсурсе «Параллельный корпус (белорусский)» у складзе «НКРЯ» словазлучэнне *Сусветнае павуцінне* адсутнічае ў акружэнні «305 142 проделжения, 2 839 268 слов» [4]. Выкарыстання кароткай формы намінатэмы – *павуцінне* ў значэнні ‘Сусветнае павуцінне’ – таксама, не назіраецца. Хаця *павуціна* і *павуцінне* – сустрэліся 31 раз у 15 дакументах [4].

Лексема *Сеціва* ў тэкстах «НКРЯ» прысутнічае, знойдзены два прыклады:

Я «палазіў» у сеціве Інтэрнэту дзеля праверкі і знайшоў гэты ж тэкст, надрукаваны у вядомых, прэстыжных лацінаамерыканскіх газетах [Карлас Шэрман. Блуканец (2005)];

Нарэшце, Ільза Карвалья наведвала на сеціве ўсяму сьвету гішпанамоўнай філалогіі, што знайшла ідэнтычны «блізняткам» тэкст «If I had My Life to Live over», пад якім стаіць подпіс Дона Геральда (Don Herold), вядомага амерыканскага карыкатурыста, у часопісе Reader’s Digest за кастрычнік 1953 году [Карлас Шэрман. Блуканец (2005)].

Тыповая сітуацыя, што *Сеціва*, як і *Сусветнае павуцінне*, *Інтэрнэт* і *Вэб*, часта пішучца з маленькай літарай на пачатку слова. Калі ў першым з прыведзеных прыкладаў *Інтэрнэт* – гэта *Інтэрнет*, а *сеціва* – атрыбут *Інтэрнэту*, то ў другім – *сеціва* выкарыстана ў сінанімічным *Інтэрнэту* значэнні. Характэрна, што абодва прыклады – з аднаго твора.

Лексема *Інтэрнэт*, уласна ў нарматыўным выглядзе, хаця і ў кантэксце «тарашкевіцы», сустрэлася ў тэкстах «НКРЯ» толькі аднойчы:

Пошук зацягнуўся, у ім прымалі ўдзел дзясяткі адмыслоўцаў, у Нідэрландах быў створаны інтэрнэт-сайт, дзе збіраліся сведчанні, даты, факты, версіі [Карлас Шэрман. Блуканец (2005)].

У лацінскай транслітэрацыі Internet адпаведная лексема адсутнічае.

Няма ў «НКРЯ» і адзінкі *Вэб*. У лацінскай транслітэрацыі Web – адпаведная лексема таксама адсутнічае.

Зусім іншыя паказчыкі ў тым жа «НКРЯ» для рускай мовы, што, несумненна, залежыць ад шырэйшай жанравай прадстаўленасці рубрыкі «Основной корпус» у «НКРЯ» [4].

Для прыкладу, у асноўным корпусе «НКРЯ» для лексемы *Интернет* «Найдено 2 402 документа, 6 645 вхождений» сярод «85 996 документов, 19 362 746 предложений, 229 968 798 слов». Аб актыўнай асіміляцыі запазычання моўнай сістэмай сведчыць наяўнасць дэрыватаў рознага кшталту:

Влияние арабского, ясно, будет расти за счёт переселенцев и движения ислама, влияние японского – за счёт культурной миссионерии Японии в сочетании с интернетизацией [Записи LiveJournal с комментариями (2004)].

Як можна бачыць, тут і назоўнікі, і прыметнікі, і часткі састаўных назваў. Дэрыватывы ад асновы інтэрнэт- шырока распаўсюджаны ў інтэрнэт-маўленні і ў прадстаўленых у рэжыме «анлайн» сродках масавай інфармацыі. Ёсць падставы канстатаваць, што ў вусным маўленні і слэнгу засвоеныя сродкамі і рускай, і беларускай моў адзінак з асновай «інтэрнэт» знойдзецца намнога больш. Тэндэнцыя датычыцца як патэнцыялізмаў і аказіяналізмаў, так і калек. Працэсы фарміравання лексікону і моўнай сістэмы рускай і беларускай моў вельмі падобныя ў кантэксце шырокага пранікнення запазычанняў [5]. Асабліва гэта актуальна ў дачыненні да запазычаных паняццяў і найменняў з больш інтэрнацыяналізаваных моў, у першую чаргу, англійскай. Можна чакаць, што адзінкі тыпу інэт і інтэрнэціка будуць з'яўляцца ў беларускай мове з не меншай, чым у рускай, рэгулярнасцю:

Андрей купил провода, сделал дырочку в стенке (в углу около окна) в зал и провел им интернет (пополам платим) от нас (сейчас еще один провод сделал, для ноута, чтоб в зале сидеть с инетом)... через эту же дырочку проходят провода – ТВ и телефона... [Новые родственники – как уживаемся? (форум) (2008)];

Корпусны менеджар «НКРЯ» налічыў, дарэчы, у асноўным корпусе «2 305 документов, 6 468 вхождений» рускага варыянта асновы *интернет-*. Першыя сто старонак «выдачы» дэрыватаў у выглядзе складаных слоў з удзелам асновы *интернет-* у асноўным корпусе «НКРЯ» утрымліваюць 135 прыкладаў, многія назвы ўжываюцца неаднаразова: *интернет-адрес, интернет-адреса, интернет-аудитория, интернет-аукцион, интернет-банк* і г. д. [4].

«НКРЯ» прадстаўляе вельмі карысную інфармацыю адносна жанравай прадстаўленасці тэкстаў са складнікам *интернет-* па сферы функцыянавання, тыпе тэксту, тэматыцы тэксту, нават адносна полу аўтара. Мужчыны выкарыстоўвалі адзінку *Интернет* больш чым удвая часцей, чым жанчыны: 972 супраць 423 дакументаў і 3114 словаформаў супраць 1020.

Пераважаюць ў жанравай прадстаўнічасці: «публицистика / нехудожественная» – 4 348, «учебно-научная / нехудожественная» – 799 і «электронная коммуникация / нехудожественная» – 542 словаўжыванні. Мастацкая літаратура – толькі 336 кантэкстаў, што характарызуе сферу ўжывання адпаведнай лексемы як вельмі дынамічную і, пераважна, камп'ютарна-апасродкаваную камунікацыю.

Першыя чатыры радкі сярод самых распаўсюджаных тыпаў тэксту з асяроддзя *интернет-*валентных спалучэнняў – займаюць «артыкул», «нататка», «форум» і «інтэрв'ю»: адпаведна 3 364, 528, 456 і 390 словаўжыванняў. Толькі пасля гэтых катэгорый у рэйтынг адзначаны «раманы», «манаграфіі», «абзорь», «аб'явы» і іншыя больш кансерватыўныя рубрыкі: 196, 131, 128, 112 словаўжыванняў, адпаведна.

Падобным чынам, па тэматыцы тэксты з лексэмай *Интернет* маюць прыярытэты ў катэгорыях «политика и общественная жизнь» – 1 176, «наука и технологии» – 848, «бизнес, коммерция, экономика, финансы» – 827 словаўжыванняў. У другім шэрагу знаходзяцца «частная жизнь» – 373, «искусство и культура» – 324 словаўжыванні і г. д. [4].

У «Беларускім N-корпусе» адзінка Сусветнае павуцінне сустрэлася адзін раз (на «~30 млн. словаўжыванняў»):

Бадай толькі ўладальнікі спадарожнікавых талерак ды карыстальнікі сусветнага павуціння могуць тут ужываць маскоўскі медыяпрадукт у арыгінале [Аўтар: БелаПАН / Назва: Эксперт: Расія ўжо ўпусціла свой шанс у інфармацыйным уздзеянні на Беларусь] [6].

Скарочаная форма намінатэмы *павуцінне* ў значэнні «Сусветнае павуцінне» тут не сустрэлася ніводнага разу.

Лексема *Сеціва* ў «Беларускім N-корпусе»: «Знойдзена: 12».

Стымуляваць далучэнне да сеціва беларускамоўных школ і беларускамоўных карыстальнікаў [Аўтары: Сяргей Запрудскі, Алена Ансімі, Уладзь Кошчанка, Сяргей Кручкоў, Адам Мальдзіс, Алена Таболіч, Генадзь Цыхун / Назва: Стратэгія развіцця беларускай мовы ў XXI стагоддзі (Праект)].

І канкарданс у складзе 1621 слоўваўжыванне – пра Інтэрнэт у самых розных спалучэннях і кантэкстах:

Маславай, вельмі актыўна праходзіла галасаванне на інтэрнэт-старонцы медыякампаніі: яе наведнікі 2 [Аўтар: БелаПАН / Назва: Падведзены вынікі фотаконкурсу «Беларусь, якую мы заўтра не ўбачым»].

18 разоў – па дадзеных «Беларускага N-корпуса» – *Internet* выкарыстоўваўся ў лацінскай транслітараванні:

Напрыклад, можна абрэзаць канал сувязі з дзяржаўным прадпрыемствам «Белтак», адзіным рэальным правайдэрам сістэмы «Internet» у Беларусі, тым самым закрывшы выхад у сетку ўсім карыстальнікам [4], але гэтак жа паспяхова можна усталяваць прыватную спадарожнікавую антэну і працаваць з «Internet» наўпрост [Аўтар: Стах Дзедзіч / Назва: Эпілог. Спраба ўбачыць наш шлях].

Лексема *Вэб* у «Беларускім N-корпусе» сустрэлася 27 разоў:

Удзел у вэб-чаце можа ўзяць кожны, хто пажадае [Аўтар: БелаПАН / Назва: У Мінск прыбывае піяр-менеджэр прэзідэнта ЗША Джо Роспарс].

Канкарданс *ВЭБу* ў беларускай мове памылкова ўключае яшчэ і банк (*Внешэкономбанк*): 4 выпадкі з 27 – якраз пра банк:

Дубкоў таксама наведаніў, што з прапановамі аб крэдытнай падтрымцы Беларусь звярнулася і да іншых расійскіх банкаў, з якімі ў беларускага ўрада заключаны мемарандумы аб супрацоўніцтве: «Росбанка», ВЭБ, а таксама ВТБ, з якім падпісанне такога дакумента запланавана на найбліжэйшы час [Аўтар: БелаПАН / Назва: Беларусь вядзе перамовы з Ашчадным банкам Расіі аб прадстаўленні крэдыту ў памеры 2 млрд долараў ЗША (дапоўнена)].

Лексема *Web* лацінцай сустракаецца толькі 9 разоў – утвая радзей:

З яго дапамогай абанентам ZALA адкрываецца функцыя плацяжоў «праз тэлевізар» – як у інфакіёсах або ў сістэме Web-pay [Аўтар: БелаПАН / Назва: Інтэрактыўнае тэлебачанне ZALA запусціла інфармацыйны партал і сэрвіс «ТБ-банкінг»].

У апошнім прыкладзе сістэма электронных плацяжоў «WEBPAY™» (англ. *payment system WEBPAY™*) з лёгкай рукі журналіста ператварылася ў *Web-pay*. Такое выкарыстанне можа сведчыць як аб успрыняцці асновы *Web* у якасці экзатызму, так і аб частковай адаптацыі ўсёй састаўнай назвы ў сістэме беларускай мовы, дзе мадэль узору *Вэб- / Web-* дастаткова прадуктыўная [6].

Пошукавыя магчымасці інтэрнэт-парталаў, як правіла, не дазваляюць выканаць паўнацэнную лінгвістычную працу на адпаведным матэрыяле без дадатковых намаганняў. У абсалютнай большасці парталаў адсутнічае разгалінаваная праграмае забеспячэнне і лінгвістычная разметка тэкстаў – што перашкаджае атрыманню сістэматызаванай статыстыкі адносна словаўжывання і іншых больш складаных параметраў. Але абмежаванае даследаванне, напрыклад, на базе электронных архіваў газет, можа быць паспяховым пры ўмове пастаноўкі карэктных задач.

Зразумела, у такіх архіваў свае задачы па пошуку адпаведных тэкстаў, і яны недастаткова прыстасаваныя да правядзення самадастатковых лінгвістычных даследаванняў. Напрыклад, электронны архіў газеты «Звязда» дазваляе эфектыўна знаходзіць неабходныя публікацыі [2]. Але ў матэрыялах не адзначаецца колерам ці шрыфтам сказ ці фрагмент з адзінкай, якая адшукваецца (слова ці словазлучэнне). З іншага боку, адкрываецца артыкул цалкам, што можа быць карысным у дыскурсіўным ці кантэнт-аналізе. Няма дадзеных аб колькасці знойдзеных прыкладаў. З вельмі немудрагелістай праграмай дапрацоўкай пошукавай сістэмы сайту яго магчымасці маглі б намнога пераўзысці «маладыя» беларускія корпусныя праекты. Што, безумоўна паспрыяла б папулярнасці самой газеты.

Тым не менш, сайт «Звязды» дазваляе правесці абмежаванае колькасныя і якасныя параўнанні. Так, можна атрымаць звесткі, што *Сусветнае павуцінне* 15 разоў сустракаецца на старонках «Звязды» ў 2012 годзе:

Сацыялагі канстатуюць, што за гэты час значна, на 10,5%, паменшылася колькасць карыстальнікаў, якія выкарыстоўваюць *Сусветнае павуцінне* некалькі разоў у тыдзень, – з 25,5% у 2009 годзе да 15% у мінулым [18 студзеня 2012 года / № 10 (27125) / АКТУАЛЬНА / У Беларусі расце колькасць актыўных інтэрнэт-карыстальнікаў].

Параўнальна часцей выкарыстоўваецца лексема *Сеціва* – 24 разы.

Імя і прозвішча, дата нараджэння, месца жыхарства – такая інфармацыя звычайна складае ваша імя ў *сеціве*. [13 верасня 2012 года / № 17 (15703) / Ну і адрас!.. Як не прагадаць з імем у *сеціве*?].

Прычым лексема *Вэб* у гэты перыяд у «Звяздзе» не сустрэлася ўвогуле, як і варыянтаў *Web* і *Internet*.

Слова *Internet* рэдка сустракаецца на старонках «Звязды»: толькі два разы – з 2006 па 2013 гг. У першым выпадку як частка састаўной назвы:

Урад Германіі ў апошнія суткі папярэдзіў карыстальнікаў інтэрнэту аб неабходнасці адмовіцца на час ад выкарыстання браўзераў *Internet Explorer* кампаніі *Microsoft* па прычынах бяспекі [19 студзеня 2010 года / № 8 (26616) / ХРОНІКА АПОШНІХ ПАДЗЕЙ / Улады Германіі заклікалі грамадзян не карыстацца браўзерам *Internet Explorer*].

Другі прыклад выклікае ўражанне стыльвай памылкі аўтара – слова *Internet* выкарыстана з маленькай літарай напачатку, без двукосся і тлумачэння:

Пра тое, наколькі ўвесь цяперашні тэхналагічны працэс прыгатавання сыру аўтаматызаваны і камп'ютарызаваны, вельмі яскрава сведчыць такі факт: лінія падключана да *internet*, і пры яе пэўных збоях знешняя фірма-настаўшчык (а гэта польская фірма «*OB RAM*») можа, на выказванні спецыялістаў завода, тут жа праверыць мадзі гэтай лініі, «адрэгуляваць» іх. Вядома, праз *internet* жа [17 кастрычніка 2009 года / № 197 (26555) / АШМЯНСКІЯ БРЭНДЫ / Водар зямлі ашмянскай...].

Для параўнання, кірылічная форма *Інтэрнэт* толькі у 2012 годзе ў тэкстах газеты «Звязда» была выкарыстана 607 разоў. Такая статыстыка не пакідае сумненняў у тым, якая адзінка з'яўляецца найбольш звычайнай і частотнай у мове сродкаў масавай інфармацыі:

Надаўна ў *інтэрнэце* быў запушчаны праект «Зялёная карта» (*greentap.by*), які ўяўляе сабой інтэрактыўную электронную карту па пунктах здачы другой сыравіны, адходаў і непатрэбных рэчаў [26 кастрычніка 2012 года / № 208 (27323) / СОЦЫУМ / Як і дзе пазбавіцца ад адходаў і непатрэбных рэчаў? Адказ ёсць!].

Акрамя корпусных рэсурсаў у выглядзе лінгвістычных корпусаў і электронных бібліятэка-архіваў, даволі аб'ектыўную інфармацыю аб ужывальнасці той ці іншай лексічнай адзінкі можна атрымаць і з самага вялікага корпуса – сеткі «Інтэрнэт». Пошук інфармацыі ў *Інтэрнэце* магчымы з дапамогай пошукавых сістэм, сярод найбольш вядомых і папулярных можна назваць «Яндекс» і «Google» [7], [8]. Аднак інфармацыю аб выкарыстанні *Web* ці *Internet* у аўтэнтычным выглядзе ўключаць у кантэкст даследавання лексікону беларускай мовы бесперспектыўна. Аб'ём звестак аб выкарыстанні такіх адзінак у глабальным аспекце вельмі вялікі, але лацінская транслітарацыя звязва абсалютную большасць дадзеных з мовамі, якія выкарыстоўваюць лацінскую па паходжанні графіку.

Тым не менш, дадзеныя аб сусветнай папулярнасці адпаведных паняццяў у іх амаль першапачатковай форме – у англамоўным напісанні – можна атрымаць. Пошук *Web* у «Google» дае вынік «*About 2,890,000,000 results*». Пошук *Internet* – «*About 1,430,000,000 results (0.55 seconds)*». Між іншым, папулярнасць *Web* у глабальным маштабе пераўзыходзіць *Internet* – удвая. Гэта не здзіўляе: не толькі больш кароткая і эрганамічная форма слова *Web* адыгрывае ролю. У першую чаргу, магчыма, наклала адбітак гісторыя фарміравання паняццяў у сучасным значэнні: замацаванне ў матэрыяльным і моўным свеце паняцця тэхналогіі *Web* папярэднічала поспеху праекта *Internet*. Таксама можна выказаць меркаванне, што больш шырокае выкарыстанне лексема *Web* абумоўлена яе лагэнтнай гіперанімічнасцю ў адносінах да *Internet* у англійскай мове.

У рускамоўнай пошукавай сістэме *Яндекс* па запыце *Web* – «*Нашлось 264 млн ответов*», па запыце *Internet* – «*Нашлось 673 млн ответов*», адпаведна. Абставіны функцыянавання разглядаемых адзінак у кірылічным моўным асяроддзі «Яндекс» – супрацьлеглыя пераважна англамоўнаму «Google»: амаль трохразовая перавага адзінкі *Internet* над *Web*. Такая сітуацыя можа быць абумоўлена інтэрферэнцыяй паняццяў у мовах, якія карыстаюцца кірыліцай: прысутнасцю не толькі моўнай адзінкі *Вэб* (*Веб*), але і адзінак *Сусветнае павуцінне* (у беларускай мове), *Всемирная паутина* (па-руску), *Всесвітня мережа* ці *Всесвітне павуціння* (па-ўкраінску). Іх шырокая прадстаўленасць у *Інтэрнэце* аказвае адчувальны ўплыў на сферу існавання *Web*. Як і ў беларускай мове, дзе актыўна

выкарыстоўваецца не толькі Сусветнае павуцінне, але і Сеціва – у рускай мове замест словазлучэння *Всесвітняя паўціна*, можна сустрэць *Сеть*, ва ўкраінскай мове, акрамя адзінак *Всесвітняя мережа* і *Всесвітне павуцінне*, выкарыстоўваюцца *Мережа*, *Тенета*, *Міжмережжя*, *Всемережжя*.

Для беларускай мовы з дапамогай пошукавых сервісаў віртуальнай прасторы цікавая статыстыка можа быць атрымана адносна пары *Сусветнае павуцінне / Сеціва*. Для *Сусветнага павуціння* ў сістэме «Яндекс» «*Нашлось 2 тыс. ответов*», для *Сеціва* – «*Нашлось 9 тыс. ответов*». У сістэме «Google» *Сусветнае павуцінне* мае наступныя паказчыкі: «*About 2,370 results*», а *Сеціва* дэманструе экстраардынарную выніковасць: «*About 133,000 results*». Звыш дзвюх тысяч і каля ста трыццаці трох, адпаведна, – паказчык перавагі вельмі сур'ёзны.

Вывады

Такім чынам, вынікі даследавання дазваляюць гаварыць аб наступных агульных і прыватных асаблівасцях ужывання адзінак *Сусветнае павуцінне*, *Сеціва*, *Вэб* і *Інтэрнэт* ў беларускім маўленні:

1. Паняцці *Web / Internet* асіміляваны сістэмай беларускай мовы.
2. Можна ўпэўнена гаварыць аб пераходзе адпаведных лексем з разраду «экзатызмаў» сферы камп'ютарна-апасродкаванай камунікацыі ў разрад «звычайных» запазычанняў, у той ці інакшай ступені засвоеных беларускай мовай.
3. Акрамя стабільнай транслітараванай запазычанняў *Інтэрнэт* і *Вэб* у беларускай мове, яны праяўляюць дэрывацыйную актыўнасць.
4. Семантыка лексемы *Інтэрнэт* няўхільна пашыраецца, што можна тлумачыць экспансіяй адпаведнага сеткавага праекта ў матэрыяльнай і віртуальнай рэчаіснасці.
5. Сфера выкарыстання адзінак *Вэб* і *Сусветнае павуцінне* ў беларускай мове адчувае моцны ўплыў лексемы *Інтэрнэт*, якая часта выступае як універсальнае азначэнне семантыкі 'віртуальнай рэальнасці'.
6. Лексема *Сеціва* мае адчувальную перавагу па ужывальнасці ў беларускай мове ў цэлым у параўнанні з *Сусветным павуціннем*.
7. Колькасныя паказчыкі сферы функцыянавання сведчаць аб размыванні тэрміналагічнай характарыстыкі адзінак *Сусветнае павуцінне*, *Сеціва*, *Вэб* і *Інтэрнэт* на карысць іх агульнаўжывальнай якасці як узуалізмаў.

Літаратура

1. Crystal, D. *Language and the Internet* / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 272 p.
2. Звезда [Электронны рэсурс]. – Рэжым звароту : <http://www.zvyazda.minsk.by/ru/search/ext.php/>. – Дата звароту : 20.11.2013.
3. Corpus Albaruthenicum [Электронны рэсурс]. – Рэжым звароту : <http://grid.bntu.by/corpus/>. – Дата звароту : 20.11.2013.
4. Национальный корпус русского языка [Электронны рэсурс]. – Рэжым звароту : <http://www.ruscorpora.ru/>. – Дата звароту : 20.11.2013.
5. Баркович, А. А. Проявление взаимосвязей славянских культур в языке белорусской прессы / А. А. Баркович // V Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова : материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 11–13 сентября 2003 г. / отв. ред. д. филол. наук Е. Ю. Иванова ; филол. ф-т СПбГУ. – СПб., 2004. – С. 6–10.
6. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс] / Рэжым звароту : <http://bnkorpora.info/>. – Дата звароту : 20.11.2013.
7. Яндекс [Электронны рэсурс] / Рэжым звароту : <http://www.vandex.by/>. – Дата звароту : 20.11.2013.
8. Google [Электронны рэсурс] / Рэжым звароту : <https://www.google.by/>. – Дата звароту : 20.11.2013.

Summary

The article deals with the developing situation of adaptation, assimilation and fixation of computer-mediated communication terminology in the Belarusian language. This kind of data may be obtained using a complex technique involving instruments used in applied linguistics the most effective of which is corpus exploration. In the situation of insufficient development of linguistic corpora of the Belarusian language relevant results are achievable using annotated corpora as well as digital libraries and the Internet. Empirical data give evidence of intense information technologies terms absorption in the Belarusian language. Functioning of a group of such terms reveals the characteristics of terminological system development.

Паступіў у рэдакцыю 24.03.14

УДК 81'22:008:39

КОД: ПОНЯТИЕ И ЕГО ВАРИАНТЫ В ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИНАХ

А. А. Бувеч

аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета
Витебского государственного университета им. П. М. Машерова, РБ
Научный руководитель: профессор В. А. Маслова

Статья посвящена таким ключевым понятиям семиотики и лингвокультурологии, как «код» и «код культуры». Даются определения кода и кодов культуры в таких гуманитарных дисциплинах, как семиотика, психолингвистика и когнитивная лингвистика, лингвистика текста, теория коммуникации, этнолингвистика и лингвокультурология; выделяются основные характеристики и виды кодов культуры.

Введение

Изучение специфики семиотических исследований убеждает в том, что именно инструментальное использование категории кода придает «семиотический» статус любой гуманитарной науке – семиотике, психолингвистике, лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, психолингвистике, этнолингвистике и др.

В лингвокультурологию понятие кода пришло из семиотики. В этой науке «код» представляет собой систему, которая включает структуру знаков и правила их функционирования. Структура, в свою очередь, представляет отношения между знаками [1].

В последнее время термин «код» оказался в центре изучения многих гуманитарных наук.

В русле структурной лингвистики и семиотики код относительно естественного языка определяется как

1) **система языка; совокупность знаковых единиц и правил их употребления** (И. В. Арнольд, Ф. де Соссюр, У. Эко, Р. О. Jakobson и др.).

2) В. А. Лазарев, Л. А. Шестаков, У. Эко, Р. О. Jakobson трактуют код как **разновидность языка** и в соответствии с этим выделяют «коммуникативные» коды – код адресанта и код адресата; коды, отражающие социальную или территориальную неоднородность национального языка; «уровневые» коды – морфологический код, грамматический код, фонологический код;

3) Г. П. Мельников отождествляет код и **индивидуальный язык**: за счет громадного количества актов перекрестных общений коды (т. е. языки) всех членов коллектива становятся практически одинаковыми;

4) в работах У. Эко код представляет собой **правило**, определяющее формирование сообщения с помощью комбинации различных символов (сигналов, знаков).

Как видно из приведенных дефиниций, в лингвистике и семиотике код чаще всего отождествляется с языком, поскольку в терминах семиотики язык и код – это знаковые системы. Однако в современной лингвистике такое отождествление часто подвергается критике. Остановимся несколько подробнее на доводах Н. Лава, который утверждает, что язык не является кодом. Во-первых, как отмечает исследователь, языковой код является недостаточным для интерпретации текста, где необходимы фоновые знания и знания о различиях в кодах адресанта и адресата. Во-вторых, для преобразования информации из одной формы в другую требуется наличие невербальных форм мышления, то есть неязыкового кода. В-третьих, код несовместим с понятием языковой игры, а «пользование языком заключается в творческом наделении определенных феноменов семиотической значимостью в целях осуществления значимых операций над миром...» [2].

О необходимости разграничения терминов «код» и «язык» пишет и Ю. М. Лотман: «Фактически подмена термина «язык» термином «код» совсем не так безопасна, как кажется. Термин «код» несет представление о структуре только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, то есть психологически ориентирует нас на искусственный язык, который предполагается идеальной моделью языка вообще. «Язык» же бессознательно вызывает у нас представление об исторической протяженности существования. Язык – это код плюс его история» [3, 15].

Однако, несмотря на неоднозначность определений, категория кода широко используется в таких направлениях, как лингвокультурология, когнитивная лингвистика, психолингвистика, этнолингвистика и др.

Цель данной статьи – выявить специфику основных дефиниций терминов «код» и «код культуры» в целом ряде гуманитарных дисциплин.

Для достижения поставленной цели в работе используются *методы* описания и систематизации теоретического материала.

Результаты исследования и их обсуждение

В психолингвистике и когнитивной лингвистике термин «код» рассматривается в тесной связи с проблемой соотношения мышления и языка. Впервые на существование в сознании человека двух отличных друг от друга, но взаимодействующих языков – языка мысли и языка вербального – указал Л. С. Выготский. Развивая идеи Л. С. Выготского, отечественный психолог Н. И. Жинкин предложил гипотезу существования в сознании человека универсально-предметного кода (УПК), составляющего базу мышления. По мнению ученого, этот код невербален и представляет собой набор образов, логических схем, двигательных-осознательных, обонятельных и т. п. впечатлов реальности в сознании. К языку как системе знаков УПК не имеет никакого отношения, он формируется в сознании каждого человека на отражательной основе, через органы чувственного восприятия. УПК – это такой динамический механизм, который обеспечивает семиотическое преобразование сенсорных сигналов в предметную структуру, то есть денотативное отражение действительности [4, 16]. При возникновении у субъекта необходимости выразить свою мысль в языковой форме УПК, через механизм так называемых кодовых переходов, перекодируется сначала в промежуточный код (внутреннюю речь, особый код, имеющий черты как универсального предметного кода, так и реальной речи), а затем промежуточный код перекодируется уже в громкую (внешнюю) речь, то есть в языковые знаки. При понимании речи происходит обратный процесс: речь перекодируется сначала в промежуточный код, а затем в УПК и попадает, таким образом, в долговременную память. Таким образом, для осуществления мышления необходим универсальный предметный код, но не лексика реального языка.

Опираясь на концепцию Н. И. Жинкина, современные когнитологи в качестве базовой (функциональной) единицы УПК рассматривают концепт (З. Д. Попова, И. А. Стернин, М. Я. Розенфельд), который кодируется эмоциональными состояниями, чувственными представлениями, образами, картинками, схемами. Язык, по мнению многих исследователей, является средством экспликации концепта, однако последний «всегда шире своей языковой репрезентации, в нем всегда есть когнитивные признаки, которые не нашли объективации в языке, но являются неотъемлемыми составными частями концепта».

В лингвистике текста на базе понимания текста как вторичной моделирующей системы и как единицы культуры, то есть системы знаков культурных смыслов, формируется более широкое понимание кода. Так, Р. Барт понимает код как «ассоциативные поля, сверткестовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре», а также «конкретную форму» «уже виденного, уже читанного, уже деланного, конституирующего всякое письмо» [5, 455–456]. В любом художественном произведении он выделял пять кодов (культурный, герменевтический, символический, семический и проайретический или нарративный), через которые идет возникновение смыслов текста. Любое повествование, по Барту, существует в переплетении этих кодов, их постоянной «перебивке» друг другом, что и порождает «читательское нетерпенье» в попытке постичь вечно ускользающие нюансы смысла.

Согласно взглядам Р. Барта, А. А. Брудный утверждает, что все сюжетно организованные тексты образуют смысловые системы [6, 176]. Эти системы следует понимать как совокупность смысловых полей, наличествующих в тексте. Смысл литературных текстов закодирован пятью способами (или кодами), которыми должен пользоваться читающий (декодирующий), чтобы постичь замысел автора:

- 1) код повествовательных действий, характеризующий последовательность действий;
- 2) семантический код, объединяющий все существенные для понимания текста понятия, которые в нем встречаются;

3) код культуры, включающий в себя все необходимые сведения о культуре (в широком смысле) данной эпохи, необходимые для того, чтобы мысль повествователя могла быть ясно понята читателями;

4) герменевтический код, содержащий формулировку вопроса, который задается в повествовании, и формулировки возможных ответов;

5) символический код, создающий как бы фон глубинных психологических мотивов, в скрытом виде заключенных в повествовании [6, 165].

В теории коммуникации термин «код» тесно связан с понятиями «текст», «сообщение», «канал связи», «модель» и некоторыми другими, вместе составляющими категориальный аппарат данной области научного знания.

Традиционно за основу коммуникации принимается информационно-кодовая коммуникативная модель Р. О. Якобсона, где действуют: адресант (обладатель и отправитель информации); сообщение (информация); контекст (связан с содержанием сообщения, с информацией, им передаваемой); контакт («психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающая возможность установить и поддержать коммуникацию»); код (ряд фиксированных правил, с помощью которых выражается сообщение); адресат (получатель информации) [7].

Процесс коммуникации возможен лишь при наличии всех перечисленных компонентов. Однако успешному протеканию информации по каналу связи и ее эффективному получению в реальности могут препятствовать различные шумы, помехи, вследствие чего адресат может получать сообщение в искаженном виде либо не получить его вовсе.

Ю. М. Лотман считал слишком абстрактной модель коммуникации, предложенную Р. О. Якобсоном, подчеркивая, что в действительности у говорящего и слушающего не может быть абсолютно одинаковых кодов, как не может быть и одинакового объема памяти. При полном подобии говорящего и слушающего исчезает потребность в коммуникации вообще: им не о чем будет говорить. Единственное, что остается, – это передача команд. То есть для коммуникации изначально требуется неэквивалентность говорящего и слушающего [3, 15].

М. Л. Макаров также подвергает справедливой критике научную парадигму, в которой главным в коммуникации признается процесс передачи информации. Исследователь отмечает, что кодовая модель всё же не может адекватно описывать реальные процессы коммуникации на том или ином естественном языке: понимание предполагает нечто большее, чем только декодирование – именно интерпретацию высказывания.

В этнолингвистике и лингвокультурологии понятие кода тесно связано с культурой. Как отмечают многие лингвисты (М. Л. Ковшова, В. А. Маслова, В. Н. Телия, С. М. Толстая и др.), национальная «культурная» информация, заложенная в национальном языке, часто не лежит на поверхности, она «закодирована» в семантической структуре слова, в его внутренней форме, в семантике грамматических феноменов, в синтаксисе, поэтому «культурное явление, вербализуясь в языке, получает статус национально-культурного кода, только в этом случае, когда оно покидает рамки языковой или речевой действительности одного индивида и становится общенациональным достоянием» [8, 71]. Кроме того, современные исследователи обращают внимание на кодовую роль языка в формировании модели мира¹. Ряд ученых, в том числе Т. В. Цивьян и Г. А. Левинтон, указывают на двойной аспект языка в проекции на модель мира: 1) язык как метакод модели мира, *lingua franca* для всех прочих кодов; 2) язык как самостоятельный код модели мира, код особого рода, символический по преимуществу, которым может быть записана вся модель мира в полном объеме [9]. С этих позиций термин «код» может относиться к плану содержания (аграрный, космологический, пищевой и др.), к плану выражения (жестовый, словесный, музыкальный и др.) и трансформации эмпирической реальности в текстах (свадебный код в ритуалах календарного цикла, в сказках и в других фольклорных жанрах), то есть к форме плана содержания [9, 38]. Таким образом, те или иные образы и фрагменты мира, обладающие символическим значением, становятся основой различных кодов, которые в определенном смысле оказываются едиными по своему содержанию и описывают мир с позиции человека.

¹ Модель мира определяется как «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспекте» [9, 5]

В связи с этим, в современных языковедческих исследованиях при изучении особенностей содержания культуры и ее отображения в языке используется система кодов культуры.

Одной из первых в отечественной лингвистике термином «коды культуры» стала оперировать С. М. Толстая при анализе славянских обрядов. В работах Н. И. Толстого, С. М. Толстой, Г. А. Левинтона и др. культурный код определяется как знаковая реализация архетипов сознания. При такой трактовке коды проявляются не только в языковых текстах (то есть на уровне языка), но и в других текстах культуры, которые представляют собой результаты различных форм человеческого поведения в социальных институтах, памятниках материальной культуры. Одним из важнейших свойств культурных кодов С. М. Толстая предлагает считать их вторичность: «элементы кода, имеющие свое определенное “докодовое” значение, вторично используются в коде для обозначения других объектов и сущностей» [10, 336]. Вторично используемые знаки имеют не только языковую природу, но и внеязыковую: это могут быть созданные человеком вещи (предметный код), действия (акциональный код), различные природные объекты (астральный, животный, растительный код) и др.

По мнению С. М. Толстой, Е. Л. Березович и ряда других исследователей в области этнолингвистики, коды могут быть разделены на два типа: *субстанциональные*, выделенные на основании общности плана выражения – материальной, субстанциональной природы знаков, составляющих код (например, предметный код обряда); *концептуальные*, определенные на основании смысловой общности элементов (концептов, идей, мотивов), которые могут соотноситься с разными материальными воплощениями смысла (растительный код, зоологический, кулинарный и т. п.) [11]. Особое место в этой классификации занимает вербальный (языковой) код. Он может быть как самостоятельным элементом системы культурных кодов (субстанциональным), так и ее метакодом (концептуальным), осуществляющим перевод других кодов в вербальные тексты.

В современной лингвокультурологии термин «код культуры» определяется по-разному. Например, М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков, В. Н. Телия отождествляют культурные коды с вторичными знаковыми системами: «культура в ракурсе данного исследования понимается как пространство культурных кодов – вторичных знаковых систем, в которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания» [12].

М. В. Пименова считает, что «код культуры — это макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством»; это также «таксономия элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего миров (физические и психические явления)» [13, 41].

В. В. Красных уподобляет код культуры «сетке», которую культура «набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризует, структурирует и оценивает его» [14, 232].

Таким образом, код культуры понимается и как содержательная область культуры, ячеистая понятийная сетка, и как средства языка, вербализующие картину мира. В целом в рамках этнолингвистики и лингвокультурологии коды культуры рассматриваются через системную метафору, в которой «система мотивирующих единиц целиком переносится на другую область действительности и получает вторичную номинационную функцию» [11]. Этим, на наш взгляд, термин «код культуры» отличается от кода – базового понятия семиотики.

С учетом различных точек зрения на культурное кодирование, нам представляется наиболее точным определение культурного кода В. А. Масловой, которая, опираясь на концептуальную метафору «контейнера» Е. С. Кубряковой, понимает код как **глубинное культурное пространство, «контейнер», в котором разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код.** То есть, коды могут включать в себя единицы, которые сами по себе не являются знаками культуры, но, будучи включены в ментальное пространство кода, становятся таковыми. Например, камень, лежащий на дороге, это просто природная сущность (первосущность, по Аристотелю), но если его перенести на могилу, он становится знаком культуры – памятником.

В качестве эмпирической базы реализации культурных кодов современные ученые выбирают различные по своему статусу языковые явления. Одни исследователи работают с диалектным материалом и текстами различных субкультур – конфессиональные и фольклорные (Е. Л. Березович, В. М. Мокіенко, С. Е. Никитина, Н. И. Толстой, С. М. Толстая, Т. В. Цивьян

и др.), другие используют данные литературного общенационального языка, художественных, религиозно-философских и богословских текстов (Н. Д. Арутюнова, М. А. Маслова, И. А. Стернин, В. Н. Телия, В. И. Постовалова и др.). По мнению В. Н. Телия, коды культуры реализуются, как правило, в сакральных текстах, паремиях, метафорах, фразеологизмах, так как именно они обладают повышенной степенью символичности, или вторичной семантикой: «Фразеологический состав языка является наиболее прозрачным для воплощаемых средствами языка концептов “языка” культуры, поскольку в образном основании фразеологизмов отображаются характерологические черты мировидения, рефлексивно соотносимые носителями языка с “этим” языком» [15, 9]. Поэтому разные коды культуры ученый рассматривает именно во фразеологизмах, определяя смысл их культурно-национальных коннотаций и воспроизводя, таким образом, характерологические черты народного менталитета.

Из вышесказанного становится ясно, что как количество культурных кодов, так и основополагающие критерии их выделения могут сильно варьироваться. Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова выделяют вербальный, акциональный и реальный коды культуры. Отдавая приоритет вербальному, исследователи акцентируют свое внимание на реальном коде культуры, который, по их мнению, включает в себя природно-ландшафтный (лес, море, горы, вода, песок и др.), архитектурно-домообустроительный (дверь, порог, крыша и т. д.), вещный (нож, рубаха, нитка, карман и т. д.), а также зооморфный, в какой-то степени соматический и ряд других кодов [16, 28–29]. Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова полагают, что в основе кода культуры лежит миф. Например, в основе зооморфного кода лежит «животный» миф, согласно которому мир животных тождествен миру людей, а те или иные качества животных являются воплощением человеческих качеств [16, 71].

В современном языкознании большое распространение получил перечень культурных кодов, предложенный В. В. Красных, которая выделяет соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный коды и добавляет, что таких кодов «не может быть много» [17, 298]. Коды культуры, по мнению автора, соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека, и по природе своей они универсальны и свойственны человеку как *homo sapiens*. Основу культурных кодов составляет мифологический символизм, суть которого состоит в переносе образов конкретных предметов на абстрактные явления (в том числе внутреннего мира), в результате чего возникает метафора или метонимия.

Несмотря на то, что данные подходы выполнены в разных системах координат (система культурных кодов Д. Б. Гудкова и М. Л. Ковшовой предполагает наличие глобальных сфер проявления кодирования, то есть кодирующих систем, элементы которых сами являются единицами кодирования, а классификация В. В. Красных основывается на социально значимых сферах человеческого духа), они только лишь дополняют друг друга и обобщают результаты лингвокультурологических исследований, выполненных в русле семиотического подхода.

Сказанное позволяет нам выделить духовный код, функционированию которого и будет посвящена наша работа. Под **духовным кодом** мы понимаем глубинное пространство, “контейнер” для хранения и выражения общенациональных духовно-нравственных законов, ценностей, взглядов и установок, которые выработались нацией в процессе ее формирования.

Выводы

Итак, национальная культура поддерживается постоянным функционированием различных кодов культуры как в духовных, так и в производственных практиках этноса. Каждый из них выступает одним из гарантов неумираемости ключевых культурных особенностей и одновременно отражает специфические признаки культуры. Однако проявление кодов, удельный вес того или иного кода в определенной культуре, а также знаки, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной традицией.

Литература

1. Семиотика // Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/SEMIOTIKA.html?page=0,0. – Дата доступа : 09.03.2014.
2. Лав, Н. Когниция и языковой миф / Н. Лав // *Studia Linguistica Cognitiva*. – Вып. 1 : Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М. : Гнозис, 2006. – С. 105–134.

3. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман // Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб., 2000. – С. 12–149.
4. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 162 с.
5. Барт, Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – С. 424–461.
6. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика : учеб. пособие / А. А. Брудный. – М., 1998. – 336 с.
7. Якобсон, Р. О. Речевая коммуникация: Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р. О. Якобсон // Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – С. 45–87.
8. Гукетлова, Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира : дис. ... д-ра филол. наук / Ф. Н. Гукетлова. – М., 2009. – 431 с.
9. Цивьян, Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т. В. Цивьян // Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1990. – 207 с.
10. Толстая, С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2008. – 528 с.
11. Толстая, С. М. К понятию культурных кодов / С. М. Толстая // Славянская этнолингвистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ethnolinguistica-slavica.org>. Дата доступа : 09.03.2014.
12. Ковшова, М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М. Л. Ковшова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – № 2. – Т. 67. – С. 60–65.
13. Пименова, М. В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе / М. В. Пименова // Ментальность и язык : коллективная монография / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : КемГУ, 2006. – 236 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 7). – С. 16–61.
14. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 283 с.
15. Телия, В. Н. От редактора / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 8–10.
16. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007.
17. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

Summary

The article is devoted to such key concepts of semiotics and linguistics as "code" and "code of culture". The author gives the definitions of code and codes of culture in such scientific studies as semiotics, psycholinguistics, cognitive linguistics, text linguistics, communication theory, cultural linguistics and ethnolinguistics. The main characteristics and types of cultural codes are specified.

Поступила в редакцию 22.04.14

УДК 81'373:811.161.3

**ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ КВАНТИТАТИВНОСТИ
В МЕТАФОРАХ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО МНОЖЕСТВА В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ****Д. Ч. Кочерго**аспирант кафедры общего и русского языкознания БГПУ им. М. Танка, г. Минск, РБ
Научный руководитель: д-р филологических наук, профессор В. Д. Стариченок

Статья посвящена описанию одного из основных способов выражения категории квантитативности в белорусском языке – метафор неопределенного множества. В статье рассматриваются виды метафор неопределенного множества: динамические и статические топографические метафоры количества, социально-мотивированные метафоры количества и метафоры-контейнеры. Приводятся примеры из белорусской художественной литературы.

Введение

В белорусском языке существуют различные средства репрезентации категории количества. Любой индивид может использовать точные или неточные числа в зависимости от потребностей обозначения количества. Одним из способов репрезентации категории квантитативности в белорусском языке являются метафорические выражения.

Метафора всегда взаимодействует с реальным миром, она расширяет чувственное восприятие окружающей реальности и ее свойств. Метафора обусловлена познавательной деятельностью человека и его образным мышлением. Сегодня метафора выполняет важнейшую функцию в создании языковой картины мира, а также в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека.

История изучения метафоры началась более двух тысяч лет назад в работах Аристотеля и других древнегреческих мыслителей. Однако и сегодня интерес к этому явлению не угасает, совсем наоборот, метафора привлекает к себе представителей самых разных сфер знаний. В. Д. Стариченок в своих работах утверждает появление относительно самостоятельной междисциплинарной науки «метафорологии», объектом исследования которой является непосредственно метафора во всех ее проявлениях [1, 4].

Результаты исследования и их обсуждение

В современной лингвистике существуют различные подходы к классификации метафор. Наибольший интерес для нашего исследования представляет способ классификации метафор на основании их принадлежности к определенным частям речи. Выделяют атрибутивные, субстантивные, вербальные, адъективные метафоры. Рассмотрим некоторые семантические типы субстантивных метафор в белорусском языке. В основу классификации положен факт принадлежности исходного и итогового лексико-семантического варианта к определенной семантической сфере, а также направление метафоризации. Таким образом, выделяют следующие типы субстантивных метафор:

- метафоры по внешнему сходству (здесь в процессе метафоризации актуализируются самые разнообразные приметы внешнего сходства: округлость, выпуклость, высота, длина, продолговатость и т. д.) Например, *зялёныя косы бяроз, гузікі каштанаў, зорны парасон*;
- соматический тип (включаются в общую модель по внешнему сходству и происходят в направлении от названий частей тела животных или человека на различные предметы окружающей действительности). Например, *барада саломы, язык польмя, нос чайніка*;
- локативный тип (основой данных метафор является позиционирование предметов действительности в определенных частях света или в конкретных пространственных фрагментах). Например, *шлейф дыму, макаўка дрэва, хвост каравана*;
- темпоральный тип (категория времени здесь отображается в тесной взаимосвязи с деятельностью человека). Например, *сцежкі жыцця, рака часу, нітка часу*;
- акциональный тип (метафоры основаны на схожести функций и действий различных предметов, обозначенных в языке исходным и производным лексико-семантическим вариантом). Например, *ключ да сэрца дзяўчыны, газета з'яўляецца рупарам гэтай фірмы*;

- квалітатывны тип (асновай для пераосмыслення квалітатывов служат такія прыметы, чэрты, яўленія, як цвет, сіла, мяккасць, велічце, незначытэльнасць, вреднасць, амаральнасць і др.). Напрымер, *золата восені, брыльянты сцяжынак, згустак інфармацыі*;

- экзистенцыянальны тип (метафоры даннага тыпа арыентаваны на выяўленне розных аспектаў быцця чалавека, яго дзейнасці, асабнасцей воспрыятця і разумення жыцця і акаражаючай дзейнасці). Напрымер, *сатырычная плынь, літаратурная ніва, царскі біч*;

- псіхалагічны тип (даннаы тип метафор атображае разузнавальную, мавівацыйную, аперацыйную і другія праяўленія псіхікі чалавека, абумавленыя прычынамі біалагічнага і сацыяльнага характара, і полуаае свае рэальнае воплааенне в кантэксце, камунікацыйным акце, разгаворнай сітуацыі). Напрымер, *агонь любові і нянавісці, хваля зла і дабрыні*;

- звуковаы тип (метафоры даннага тыпа саставляюа достаточна кампактную групу, смысловое развіццё катораы прасходзіа в трых напраўленнях: антрапамарфічным (от звуков человека), зоонімическом (от звуков животных и птиц), музыкальном (от звуков, связанных с исполнением музыкальных произведений). Напрымер, *дзявочы шчэбет, птушыная гамонка, уздыханне мора*;

- квантытатывны тип (квантытатывныя метафоры аснованы на сходастве і пахожасці фізічных параметраў прадметаў і аб'ектаў дзейнасці, іх коначце, размере, высоте, аб'еме і т. д.). Напрымер, *рой чырвоных рабін, атрад настаўнікаў, хваля абурэння*;

- анімістычычны тип (даннаыя метафоры напраўлены на чалавека і атражаюа разныя сувязі аб'ектыўнай дзейнасці с быццём чалавека). Напрымер, *Чаго фыркаеш, скрыня? Ці ім, панам афіцэрам, скакаць з вамі, тумбамі!* (М. Лыньков);

- зоамарфічны тип (зоамарфізмы, іспользуя шырокі абазно-асоцыяцыйны патенцыял слова, праецыруюа якасця і асабнасці жывотных на чалавека і в большасці выпадкаў носяа пейоратывны характара). Напрымер, *Жыў, любіў сіротку... Ночкі караталі. Песціўся з лябёдкай – Думкі ашукалі* (Я. Купала);

- зоосемічычны тип (даннаыя метафоры характаразуюа шырокаы емкасцю і втягываннем в сваю сферу дзейнасці разнаабазных номенклатурна-тэхналагічных і тэхнічных адннцаў). Напрымер, *Ёй, думаеш, патрэбна, каб ты лятаў на гэтай старой чарпанасе тысячы вёрст і псаваў бензінам наветра?* (М. Лыньков);

- антрапамарфічычны тип (метафоры даннага тыпа полуаы свае развіццё па мадэлі «чалавек → жывотныя, птуцы, расценыя, дрэвья, прыродныя яўленія і т. д.»). Напрымер, *І пеўні, нястомныя фанфарысты – мірныя дні абвяшчалі зноў* (А. Верцінскі);

- персаніфіцыраваныы тип (даннаыя метафоры асновываюа на внутрыняй полісеміі, где пераносы прасходзіа от чалавека і на чалавека; такія метафоры наадаюа на стыке маду анімістычычнымі і антрапамарфічычнымі метафорама). Напрымер, *Пазт – крыху вар'ят. Абавязкова. Без гэтага паззі няма* (Н. Гілевіч);

- індывідуальна-авторскія метафоры (арганізацыя данных метафор абумавлена спецыфікаы міравоззренія аавра, яго лічным жыццёвым апытам, сістэмаы ценнасцяў, асабнасцямі стыля і многымі другымі прычынама). Напрымер, *Яго сэрца крыгі часу не сатруць* (М. Танк). *У разрыве аблакаў усё часцей і часцей відаць было зямлю. У ааквамарыне акіянаў, дзе плавалі добрыя рыбы, у зелены пушч..., у золаце ніў і плаціне паўночных рэк, у срэбнай белі бясконцаых садоў* (В. Кораткевіч) [1, 20–139].

Набольшыы інтэрес для нашага ісследаванія прадставляе квантытатывны тип метафор, а ааачне метафоры неопределенного множества. Неточность метафорических выражений состоит в открытости языкового кода, то есць слухатэль маже по-разному інтэпретываа дааннаыя выражэнія, так как спектр інтэпретацыі аакрыа. С. Дённінгхауз ааверждае, аа «метафорычычныя выражэнія яўляюа неточнымы іменна потому, аа спектр ааочнення, каторыы даа в ннх, яўляеа сплошным. Поэтому невозможно точно определить, в каком пункте находится граница применимости метафорического выражения» [2, 63]. Прыведем прымеры: *У аактавай зале прысутнічала 500 глядачоў*, здесь прысутствуеа достаточна ааачное ааисловое ааказанне, неважно, было 495 или ровно 500 зрителей. С другой стороны, в высказывании «*У аактавай зале прысутнічала шмаа глядачоў*» прасходзіа квантыфікацыя в неточном значенні. Аааста вместо

слов *имат*, *многа* існуюць метафоры неопределенного множества. Напрыклад, *У актавай зале прысутнічала мора глядачоў*.

Для таго каб чалавек правільна разумее і дыферэнцыравал звесткі ў працэсе вербальнай і невербальнай камунікацыі, яму неабходна ўявіць сабе выяву. У кожным выпадку выкарыстання метафор неопределенного множества у чалавека ўзнікае вызначаны зобраз, у якім колькасць звязана з прасторавасцю. Такім чынам, дзякуючы ўспрыяццю ўсталяваецца асацыятыўная сувязь паміж квантатывнымі субстантывамі ў метафарычным значэнні і іх актывізатарамі.

С. Дэннінггауз стварыў сваю класіфікацыю метафор неопределенного множества, якую можна выкарыстоўваць і на матэрыяле беларускага мовы. Данную класіфікацыю ён стварыў на аснове топографічных элементаў, якія праектуюцца на катэгорыю квантатывнасці:

- дынамічныя і статычныя топографічныя метафоры колькасці;
- сацыяльныя метафоры (сацыяльна-мотываваныя метафоры) колькасці;
- метафоры-контэйнеры [2, 66-67].

У першай групе метафор мовныя выражэнні змяшчаюць рухомыя (дынамічныя) формы існавання жывасці (вады), да іх адносяцца полісеманты тыпу: *рака*, *ручай*, *акіян*, *мора*, *патоў*: *Людскія рэкі ўсё плывуць, плывуць* (Ф. Чэрня). *Аддзячыць поле табе, аддзячыць Ракою звонкай сваіх зярнят* (О. Жамойтін). *Яшчэ паўночкая рака Пачуццяў мройных і лятункаў* (А. Комаровскі). *Кроплі сонца з кроплямі вады гаманілі радасна-суладна пра ручай зярнятаў залатых, што з латка на цёплы камень падаў* (В. Ярец). *З маіх вачэй ліліся ручай слёз* (З. Бедуля). *Паэзія – яна праменяў кужаль, пачуццяў усхваляваны акіяні* (Э. Волосевіч). *Сонца – агеньчык халодны Над акіянам тугі* (И. Арабейко). *Мы толькі цяпер убачылі, што на вуліцы мора людзей* (М. Машара). *У тыя далёкія часы буйна хвалявалася на ўсёй нашай зямлі бяжэжныя зялёныя мора лясоў* (В. Вольскі). *Тут пад воблачкам тытунёвым мора спрэчак пра час, пра нас* (К. Камейша). *І ўжо мора агню пералівалася над лютраной роўнядзю яшчэ не замёрзлага, бяскрайняга Лукомльскага возера* (В. Мысливец). *Плывуць і плывуць патокі машын, звонячы трамваі* (Ф. Жычка). *І Юрка варочаў галавою, шукаючы сярод людскога патоку на тратуарах драгую постаць* (В. Карпов). Данныя канструкцыі выконваюць функцыю неточнай рэферэнцыі колькасці, вербалізуюць *горызонтальнае рухавішча*. У сваю ачэрэд, канструкцыі, якія змяшчаюць такія лексічныя адзінкі, як *патоў*, *наводка*, *плынь*, *хваля*, *лавіна*, *вал*, *шквал* вербалізуюць як *горызонтальнае*, так і *вертыкальнае рухавішча*: *Якое лета! Сонечны патоў цягнуўся сорак дзён, сорак начэй* (Р. Гармола). *Жывая людская наводка на плошчы няспынна ідзе* (М. Смагаровіч). *Над ім застылі небасхілы, зялёныя наводкі траў* (О. Лойко). *Неаглядная людская плынь губляецца дзесь за небакраем* (А. Ліс). *Косця ... глядзеў на густую студэнцкую плынь* (В. Адамчык). *Любіны думкі захліснуў шквал дзясночага смеху і гоману* (Е. Васілевіч). *І кадр палкоўніцкі радзее, змывае ўсё салдацкі шквал* (Я. Колас). Прыклады узральных метафор: *хваля новага жыцця*, *хваля абурэння*, *хваля нястрыманай радасці*; *лавіна аўтамашын*, *лавіна трасіруючых куль і снарадаў*; *вал атак*, *вал нямецкага наішэсця*, *вал маладога смеху*.

Кромя гэтага, выдзяляецца номінальная група, пры дапамозе якой можна выказаць *вертыкальнае рухавішча* ў напрамку «вниз». Да гэтай групы адносяцца метафарычныя выражэнні з субстантывамі *дождж*, *град*, *лівень*, *струмень*, *каскад*, *вадаспад*: *дождж зярнят*, *зорны дождж*, *кулямётны дождж*; *град куль і снарадаў*, *спелы град арэхаў*, *зорак рубінавы град*; *лівень куль*, *ліўні слёз*, *лівень спелых сліў*. *Раптам струмень пешаходаў зацішыў хаду, затоўкася на месцы, нарэшце збіўся ў патоў* (Т. Гартны). *Цячэ прамой струмень, ракоча гаварыльня* (А. Званак). *Яраслаў сытнуў чарговы каскад пытанняў, але мы не маглі слухаць адказаў* (И. Дубровскі). *Міраслаў прывыкаў да Вадзіма, да штодзённых прагулак, да вадаспаду слоў* (В. Гігевіч). *І слоў бразготных вадаспад Паціне раптам раўнадушным* (Н. Гольперовіч).

На наш выгляд, класіфікацыя С. Дэннінггауза з'яўляецца непоўнай, т.к. вертыкальнае рухавішча выражаецца толькі ў напрамку «вниз». У беларускай мове існуюць полісеманты, якія выражаюць вертыкальнае рухавішча ў напрамку «вверх»: *феерверк*, *вулкан*: *Гэта быў цэлы вулкан пачуццяў, жаданняў і магчымасцяў* (М. Адам). *Магчыма, каб не такая ўсмешка [Славіка], усё было б, як многа разоў дагэтуль: успыхнуў бы феерверк гнеўных слоў і ... патух* (И. Шамякін).

К группе статических топографических метафор относятся полисеманты с метафорическим значением природных и искусственных *возвышенностей*: *грамада*, *куча*, *купа*, *груд*, *гара*, *стог*: *грамада дубоў* (Я. Купала); *куча (народу, грошай)*; *купа (людей, калгаснікаў, хат)*; *груд (кніжак, моладзі)*; *гара (чыгункоў, падушак)*. *Стог бліноў стаяў пасярод стала, як асэсар* (З. Бедуля).

Лексические единицы, которые создают визуальное ощущение *препятствий*, также употребляются для выражения неопределенного множества в белорусском языке: *сцяна*, *заслона*, *полаг* и т. д.: *Герой проста губляецца перад сцяной судова-паліцэйскіх рагатак і кручкатворства* (И. Науменко). *Вакол ваяк стала жывая сцяна народу* (Я. Колас). *Сягні [народ] ў даўно заснуўшыя сталеці, Заслону дзён уцёкшых адхілі* (Я. Купала). *Часам, не разлічыўшы свой пружкі ўдар, ..[вецер] разрываў полаг хмар* (И. Шамякин).

С помощью таких субстантивов, как *лес*, *россып*, *зронкі*, *ураджай*, *гушча* и др., происходит визуализирование пространственной *плотности*: *лес (шпак, антэн, мачтаў)*. *Машиа спакойна села на месца, а ў зале падняўся лес рук* (Н. Гроднев). *Мацвей Сымонавіч за якія два дзесяткі метраў убачыў россып лісічак* (В. Межевич). *Каленік уздымае вышэй галаву і ўзіраецца ў густы россып зор на Млечным шляху, аж пакуль стамляюцца вочы* (П. Головач). *На будоўлі .. [Яцкевічу] падабаецца – весела, хлопцаў многа, ды і на дзяўчат ураджай* (В. Дадіёмов). *Грыбоў улётку тут цьма-цьмушча, Народ сюды йдзе – гушчай-гушча* (Я. Колас). С другой стороны, с помощью лексических единиц *клубок*, *ком* метафоризируется пространственная плотность и (или) множественность: *клубок трывог* (Н. Матяш), *ком смуткі* (К. Киреевко). *Клубок раптоўных, загадкавых думак занасіўся ў .. [Рыгоровай] галаве* (Т. Гартный).

В основе неточных квантитативных выражений, которые образованы с помощью субстантивов с метафорическим значением, также лежит *образ пространственного распространения*. К этой группе относятся такие лексические единицы, как *воблака*, *хмара*, *вал*, *возера*, *процьма*, *разліў*: *воблака (куслівых аваднёў, галубоў)*; *хмара (шпакоў, матылькоў, кажаноў)*; *вал злосці* (О. Бачило); *возера быцця; процьма (азёр, рыжыкаў, жыццёвых бур); адчуванняў разліў* (Я. Купала).

Второй тип метафор, согласно классификации С. Дённингхауза, составляют социально-ориентированные метафоры, в которых квантитативами выступают определенные социальные объединения, то есть большие количества одушевленных предметов с общим признаком или целью, чаще всего из военного контекста. Данные количественные субстантивы относятся к разряду *упорядоченных*: *вясковая арда*, *кулацкая арда*; *армія шпакоў*; *бусліная эскадрылля*; *раць сяброў*, *працоўная раць*; *полчышчы камароў*; *палкі дармаедаў*; *атрад настаўнікаў*, *атрад літаратараў*.

Для выражения неопределенного количества в метафорах в белорусском языке используются субстантивы, обозначающие *неупорядоченные* социальные группы или объединения из животного мира или мира человека: *табуны машын*, *мухамораў табуны*; *атары хмар*; *фашысцкая зерая*; *вырай самалётаў*; *рой дзетвары*, *рой зор*; *нашэсце птушак*; *навала хмар*. *Безумоўна, следам за імі туды ўскочыла ўся зграя гестапаўцаў і паліцаў* (И. Шамякин). *Дажэджоў самотных чарада цягнецца з дня ў дзень* (В. Чаропко).

В состав третьей группы метафор входят метафоры-контейнеры. Название данной группы мотивировано тем, что «в основе существительных, с помощью которых они создаются, лежит представление прототипического пространственного ограничения, базирующегося на человеческом опыте» [2, 72]. Понятие «контейнер» в данном случае необходимо понимать в широком смысле, основополагающими принципами понимания и трактовки метафор количества являются ментальные способности человека и его воображение. К субстантивам, входящим в состав данного типа метафор относят: *воз*, *чаша*, *човен*, *вагон*, *чамадан*, *лодка*: *чаша любові* (Л. Прончак), *чаша гневу* (М. Богданович), *чаша пакут* (О. Бачило). *Імчыць сабе жыцця вясёлы воз* (Р. Бородулин). *Мы ўсе праходзім поўны круг жыцця – Ад першых слёз Да сціхлага дыхання, Адпіншы чаіну хмельнага кахання, Адчушы колкі холад забыцця* (Г. Буравкин). *Не вяслом, а пачынай лёгкай праўлю човен свайго жыцця* (Э. Акулин). *Ад першае вясновае паводкі, Ад самых першых памятливых дзён Свайго жыцця пахіслівую лодку На плынь выводжу, быццам пльятгон* (В. Павлов). *Маладыя хлопцы. Гарэлікі выдалі чамадан. Выводзіць радыяцыю* (С. Алексиевич). *За шаснаццаць год яны не ўсе нават сістэматызаваны. Штат архіва невялікі, а дакументаў – вагон* (И. Шамякин).

Выводы

Таким образом, метафоры неопределенного множества являются одним из наиболее важных способов выражения категории количественности. В белорусском языке существуют различные подходы к классификации метафор, наибольший интерес для нашего исследования представляют количественные метафоры или метафоры неопределенного множества. Данная группа метафорических выражений подразделяется на динамические и статические топографические метафоры количества, социально-мотивированные метафоры количества и метафоры-контейнеры. К первой группе метафор относятся полисеманты, выражающие горизонтальное движение, вертикальное движение вверх или вниз, плотность, препятствие и др. Ко второй группе метафорических выражений относятся полисеманты, выражающие упорядоченные или неупорядоченные группы или социальные объединения. К третьей группе метафор относятся субстантивы со значением вместительности, емкости и др. Метафоры-контейнеры со строго определенным (неопределенным) значением количества в белорусском языке представлены в ограниченном количестве. Не все метафоры являются узуальными, многие из них считаются принадлежностью идиостиля того или иного писателя.

Літаратура

1. Старычонок, В. Дз. Метафара ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў : манаграфія / В. Дз. Старычонок. – Мінск : БДПУ, 2007. – 190 с.
2. Дённинггауз, С. Море людей и пропасть цветов. Метафоры неопределенного количества / С. Дённинггауз // Количественность и градуальность / ред. А. Киклевич. – Мюнхен : Sagner, 2001. – С. 61–75.

Summary

The article describes one of the main ways of expressing the category of quantitiveness in the Belarusian language – the metaphors of indefinite set. There are descriptions of main types of metaphors of indefinite set: dynamic and static topographical metaphors, social and motivated metaphors and metaphors-containers. There are examples of Belarusian fiction where all types of metaphors are demonstrated.

Поступила в редакцию 24.03.14

УДК 821.161.3:94"18

**ТРАДЫЦЫЯ ЛІТАРАТУРНАЙ МІФАТВОРЧАСЦІ
ЯК АСНОВА КАНСТРУЯВАННЯ ВОБРАЗА БЕЛАРУСІ
Ў НАВУКОВА-ПАПУЛЯРНЫХ НАРЫСАХ П. ШПІЛЕЎСКАГА**

П. Р. Кошман

кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры літаратуры
УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, г. Мазыр, РБ

Творчасць П. Шпілеўскага разглядаецца як першая грунтоўная спроба канструявання вобраза Беларусі, адрасаваная расійскаму чытачу і заснаваная на творчым выкарыстанні дасягненняў айчынай літаратурнай традыцыі ў мастацкім спасціжэнні ўнікальнасці сваёй краіны, у яе далучэнні да вобразаў сусветнай прасторы і гісторыі.

Уводзіны

Навуковае спасціжэнне спадчыны П. Шпілеўскага ў кантэксце літаратуры Беларусі XIX ст. характарызуецца пэўнай адасобленасцю ўспрымання. Прозвішча пісьменніка пастаянна прысутнічае ў даследаваннях, прысвечаных станаўленню новай беларускай літаратуры, але ў лік топавых аўтараў гэтага перыяду не трапляе. Дадзеная тэндэнцыя пацвердзілася ў апошнім акадэмічным выданні “Гісторыі беларускай літаратуры” [1], дзе, нягледзячы на згадкі пра П. Шпілеўскага, асобнага аналізу яго дзейнасць не атрымала. Знаходжанне творчасці П. Шпілеўскага ўбаку ад прыярытэтаў беларускага літаратуразнаўства, абумоўлена, па-першае, нетыповай для айчынай мастацкай традыцыі таго часу скіраванасцю на рускамоўнага чытача і, па-другое, акцэнтацыйнай аўтара на прыналежнасць сваіх твораў не да прыгожага пісьменства, а да сферы навуковых даследаванняў. Менавіта сярод фалькларыстаў і этнографіаў працы П. Шпілеўскага былі заўсёды запатрабаваны, хаця ў апошні час сталі падвяргацца рэвізіі на прадмет дакладнасці і праўдзівасці прыведзеных у іх звестак. Сучасныя даследчыкі ўказваюць на факты фальсіфікацыі міфалагічных персанажаў, прасочваюць механізм аўтарскай міфатворчасці, заснаваны на спалучэнні разнастайных міфалагічных матываў, элементаў у адзін вобраз-фантом [2], [3].

Выпкі даследавання і іх абмеркаванне

Навуковую цікавасць выклікае не толькі сам факт, але і прычыны такога творчага падыходу аўтара да асэнсавання беларускай народнай культуры. Варта згадзіцца з расійскай даследчыцай А. Леўкіеўскай, якая, адхіляючы магчымасць усвядомленага звароту П. Шпілеўскага да фальсіфікацыі, робіць акцэнт на агульным стане развіцця фалькларыстычнай навуцы сярэдзіны XIX ст. для прадстаўнікоў якой дадумаць нешта ад сябе лічылася не толькі незаганым, але і нават вартым, паколькі давала магчымасць “утвердить "полноценность" собственного этноса путем создания "полноценного" пантеона божеств и мифологических персонажей” [2]. І хаця А. Леўкіеўская дастаткова катэгарычна выказваецца адносна каштоўнасці аналізу нацыянальнага фактару ў творчых пошуках П. Шпілеўскага (“было бы слишком примитивно сводить всю проблему фальсификации мифологии только к комплексу национальной неполноценности” [2]), аднак у рамках даследавання генезісу нацыянальнага вобраза свету беларусаў менавіта гэты напрамак бачыцца вельмі важным.

Жаданне маладога аўтара надаць беларускай міфалогіі выгляд добра захаванай сістэмы народных уяўленняў прадвызначыла перавагу творчага бачання над навуковым аналізам у першай працы П. Шпілеўскага “Беларускія народныя паданні”. Пададзеныя ў алфавітным парадку звесткі аб 52 міфалагічных персанажах, даволі дакладнае апісанне знешняга выгляду гэтых істот, іх прызначэння стваралі ўражанне аб выключнасці культуры беларускага народа, яе каштоўнасці як рэлікта язычніцкай эпохі для ўсяго славянскага свету. Па словах А. Тапаркова, “ситуация изображалась таким образом, как будто верования в древнерусских языческих богов оставались и во 2-ой четверти XIX в. вполне актуальными в Белоруссии. Этих богов представляли в наглядных образах; в богов рядились во времена праздников и обрядов, обращались к ним в песнях, упоминали их имена в поговорках и проклятиях” [3].

У працах П. Шпілеўскага адбілася тая эпоха, калі ў свядомасці мясцовага насельніцтва паступова адбываўся зрух у бок прызнання каштоўнасці беларускай этнічнай культуры. Прарастаючы на той гістарычнай і культурнай глебе, дзе жорстка канкурыравалі суседнія (польская і расійская) нацыянальныя ідэалогіі, гэтак пачуццё беларускасці патрабавала пошуку асаблівых доказаў сваёй самабытнасці і нацыянальнай паўнаважнасці. Нягледзячы на моўную разнароднасць пісьменнікаў XIX ст., іх актыўны зварот да тэмы Бацькаўшчыны дазволіў мясцоваму літаратурнаму асяроддзю ўпэўнена адчуць сваю самадастатковасць, замацаваць паміж пакаленнямі пісьменнікаў пераемнасць у выяўленні велічы Радзімы, зафіксаваць яе каштоўнасць як аксіёму, як дадзенасць.

У паэтызацыі роднай краіны літаратура абапіралася на працэс міфатворчасці, звязаны з выкарыстаннем і пашырэннем легендарных сюжэтаў, што ўказваюць на ўнікальнасць беларускай зямлі. Не абмінуў іх увагай і П. Шпілеўскі, у працах якога шмат спасылкаў на народныя творы. На наш погляд, некаторыя з іх былі выдуманы самім аўтарам па той жа схеме, што і міфалагічныя фантомы з беларускага язычніцкага пантэону. Напрыклад, тлумачэнне паходжання назвы горада Нясвіж ад нейкай “Невидимой горы”, якая была размыта палескімі азёрамі, выглядае даволі непераканаўча і выклікае асацыяцыю з біблейскім сюжэтам пра сусветны папюп. Намнога больш зладжана аўтар будзе міфалагічную канструкцыю, якая звязвае ў адзінае цэлае звесткі Геродота пра племя неўраў, якія ўмелі ператварацца ў ваўкоў, і легенду пра палескіх вандроўкаў рымскага паэта Авідзія. Асабліва арыгінальным выглядае аўтарскае меркаванне адносна таго, што ў аснову “Метамарфозаў” Авідзія пакладзена беларускае (неўрскае) народнае паданне пра ваўкалакаў. У сучасных даследчыкаў гэты эпізод са спадчыны П. Шпілеўскага з’яўляецца самым папулярным аб’ектам для крытыкі, служыць яркім узорам дапускаемых аўтарам парушэнняў навуковасці. Адапаведныя выкрывальныя каментарыі (“Бяру на сябе смеласць сцвярджаць тое, што Авідзіі ніколі не быў на Палессі [4, 292]) альбо іх адсутнасць (па словах А. Тапаркова: “Кажется, комментарии в этом случае излишни” [3]) здаюцца нам дарэчнымі ў той меры, у якой працы П. Шпілеўскага можна лічыць навуковымі. Аўтар, для якога праўдападобнасць важней за ісціну, уласнае меркаванне пераважае над аб’ектыўнасцю, – больш мастак слова, чым вучоны. А. Пыпін, адзін з першых даследчыкаў творчасці П. Шпілеўскага, адзначаў, што “многое в его сообщениях получает только беллетристический интерес и не имеет достаточной научной достоверности” [5, 110]. Свабоднага абыходжання з гістарычнымі і фальклорнымі звесткамі ў творах П. Шпілеўскага не менш, а, можа, нават і болей, чым у прызнаных пісьменнікаў той эпохі Я. Чачота, Я. Баршчэўскага, В. Дуніна-Марцінкевіча, у якіх ён, дарэчы, актыўна запазычваў фактычны матэрыял.

У сваіх навуковых пошуках П. Шпілеўскі вельмі часта кіраваўся творчай інтуіцыяй мастака, якая пераконвала яго ў правільнасці абранай метадалогіі, давала адчуванне дастатковай аргументаванасці. Пабудаваныя ім гістарычныя сувязі, даследчыцкія гіпотэзы арыентаваліся не столькі на спасціжэнне ісціны, колькі на міфалагізаваныя версіі мінулага, у якіх глыбіня старажытнасці з’яўляецца сувымернай узроўню развіцця культуры, лічыцца своеасаблівым паказчыкам багатай народнай спадчыны. Аўтар, безумоўна, быў знаёмы з міфамі пра сармацкае паходжанне польскіх магнатаў і пра рымскага патрыцыя Палеймона – заснавальніка роду літоўскай шляхты. Прамыя спасылкі на гэтыя творы ў работах П. Шпілеўскага не знойдзем, але ў “Даследаванні аб ваўкалаках” адчуваецца агульная для падобных легендарных сюжэтаў устаноўка на сцвярджэнне пераемнасці паміж знакамітымі продкамі і сучаснымі народамі. Дзеля гэтай міфалагічнай, але вельмі прываблівай прэстыжнасці аўтар даследавання спачатку пераконвае чытача, “што павер’е аб ваўкалаках атрымала зыходны свой пачатак у Беларусі і ўжо потым перайшло да іншых суседніх славянскіх плямёнаў” [4, 164], а затым называе неўраў-ваўкалакаў продкамі сучасных беларусаў. “Па картах *Спенера* і *Стредовскага*, – сведчыць П. Шпілеўскі, – Геродотавых *Невров* трэба прымаць за зыхароў цяперашняй Заходняй Расіі, а менавіта Беларусі, г. зн. за *Нестаравых* дрыгавічоў, драўлян, палачан і севяран” [4, 165]. Варта заўважыць, што аўтар максімальна прытрымліваўся патрабаванняў навуковага сачынення: прыводзіў спасылкі на працы іншых вучоных, старанна выбудоўваў логіку аргументацыі, што было дастатковым для перакання масавага чытача ў слушнасці зробленых высноў, нават такіх фантастычных, як наяўнасць у творчай спадчыне Авідзія твораў на “польска-пінскім”, або “беларускім”, дыялекце.

Падобныя сенсацыйныя заявы, што раскрываюць прыналежнасць беларускай зямлі да дасягненняў сусветнай цывілізацыі, не былі, уласна кажучы, навіною для мясцовай чытаючай публікі. Так, легенда пра вандроўку паэта Авідзія на Палессе не належала аўтарству самога

П. Шпілеўскага, паколькі сустрэкаецца задоўга да публікацыі яго твораў. У 1818 г. у віленскай газеце “Wiadomosci Brukowe” паведамлялася: “Ёсць на Палессі гара, названая Авід-гара (Owid-hoga), каля якой, як паданне гаворыць, Авідзій жыў падчас свайго выгнання” [6, 1]. Больш таго, сюжэт пра Авідзія ўваходзіў у змест вялікага міфа пра палескае мора, якое ва ўяўленнях мясцовых жыхароў было яшчэ адным сведчаннем сувязі іх краіны з астатнім светам. К. Контрым, пабываўшы ў 1827 г. на Палессі, пісаў: “Так, сцвярджаюць, па-першае, што ў вельмі сухія гады, шмат разоў знаходзілі на іх балотах рэшткі караблёў і якараў. Адзін з тых парэшткаў – гэта значыць астатак карабля, які асабліва даўно згадваецца, быццам бы знойдзены паміж Кажан-Гарадком і Давыд-Гарадком гадоў таму за сто і схаваны ў якімсьці з дамоў, а знакамiты быў прыгожай разбой... Па-другое, прыводзячы назву месца Авіджора дзесьці каля Пінска і спалучаючы з паданнем сялян, даводзяць, што ў гэты край прыплыў на караблі, тут жыў, а можа і жыццё скончыў, слаўны паэтычным талентам і прыгодамі рымлянiн Авідзій Назон” [7, 18–19].

Для разумення памкненняў П. Шпілеўскага да мiфатворчасцi патрэбна ўлічваць той вопыт асэнсавання вобраза Радзімы, які ён дапаўняў і прадстаўляў рускамоўнаму чытачу. Мясцовай лiтаратурнай традыцыi, да якой належаў і П. Шпілеўскi, было ў цэлым уласцiва стварэнне мiфалагiчных канструктаў з прэтэнзiяй на навуковую абгрунтаванасць. Аб тым, як яе прадстаўлiкі праяўлялі вялiкiя творчыя здольнасцi ў адкрыццi новых сюжэтных хадоў, якія звязваюць мiнулае роднага краю з вобразамi сусветнай гiсторыi, сведчыць наступны ўзор этымалагiчнага аналізу назвы лодкi “шугалея”: “Выраз той, паводле традыцыi і як чыталi ў адной старасвецкай, але грунтоўнай хронiцы, бярэ свой пачатак яшчэ ад тых часоў, калi цэлае Палессе было яшчэ морам. У той час адзiн Шах персiдскi, па iменi Алі, прыбыўшы з вялiзным флотам з Чорнага мора на пiнскае (альбо як яно тады даўно называлася) уступіў у бiтву з флатам Яцвягаў, Полаўцаў і iншых ваколiчных народаў; а панёсшы цяжкiя страты, пакiнуў той адзел лодак, якія ад яго iменi Шах-алі, Шаха-лея названы” [6, 2].

Вiдавочна, што тая пачуццi самапавагі, гонару за свой край, якія падштурхоўвалi айчынных пiсьменнiкаў да мiфалагiзацыi гiсторыi, пошуку ўяўных сувязей з сусветнымi славукасцямi, яшчэ складана аднесцi да праяў нацыянальнай самасвядомасцi беларусаў, паколькi многія носьбiты гэтага патрыятычнага руху адначасова адчувалi сваю далучанасць да польскасцi альбо, як П. Шпілеўскi, да расiйскасцi. Тым не менш, прыведзеныя прыклады сведчаць, што лiтаратура ўжо працавала над узнатеннем вобраза свету беларусаў, абгрунтоўваючы важнасць яго знаходжання ў прасторы і часе людскай цывiлiзацыi як гiстарычнымi фактамі, так і легендарнымi сюжэтамі.

Вяўленне роднай Беларусi ў вобразе незвычайнай, экзатычнай краiны, стварэнне вакол яе воблiку арэолу мiстычнасцi, нескрантай старажытнасцi было галоўнай мэтай лiтаратурнай дзейнасцi П. Шпілеўскага, якая заахвочвала яго да ўжывання сродкаў мастацкага вымыслу. Знаходзячы ў беларускай этнiчнай прасторы сапраўдныя сведчаннi мiфалагiчнага светаўспрымання, сляды старадаўнiх звычаяў, рэшткi язычнiцтва і творча ўзбагачаючы іх змест, П. Шпілеўскi канструяваў той бок быцця беларускага народа, які сам лiчыў найбольш прывабным. У творчых здагках пiсьменнiка не было ўнутранай фальшывасцi, адсутнасць неабходных фактычных звестак не выклiкала ў яго асаблiвага сумнення ў наяўнасцi самой з’явы і кампенсавалася стварэннем гіпатэтычных вобразаў, якія самому аўтару, як відаць, здаваліся дастаткова праўдападобнымi, а значыць пераканальнымi. У “Падарожжы па Палессі і беларускім краі” дзе ўстаноўка на дакументальнасць нарыса стрымлівала творчы парыў, ёсць вельмі паказальны эпiзод вывучэння аўтарам узгорка ў Брэсце, які, паводле народнага падання, у даўнiя часы быў язычнiцкiм капiшчам багiнi Мажаны і дзе “следы крывi на камях от прыносимых жертв этому кровожадному божеству сохранились до сих пор” [8, 34]. Пасля асабiстых пошукаў на гэтым месцы пiсьменнiк быў вымушаны канстатаваць, што не знайшоў рэальных доказаў гэтым словам, аднак разам з тым даваў зразумець, што канчаткова не згубіў веру ў іх існаванне: “я не нашел камней – их нет в настоящее время; говорят, все они лежат внутри кургана” [8, 34].

Для П. Шпілеўскага было вельмі важным пазнаёмiць чытача з цікавымі з’явамі і разам з тым паказаць іх нiбы даволi звычайнымi для Беларусi рэалiямi. Падарожжныя нататкi, у якіх аўтарская ўвага раз-пораз спынялася на побытавых дэталях, выпадковых знаёмых, дарожных здарэннях, не стварала адчування стомленасцi ад руцiннага, манатоннага шляху, паколькi чаргавала іх з сапраўднымi знаходкамі. Мiж iншым, пiсьменнiк адзначаў, што ў Клецку ён купіў рымскую манету з выявай імператара Антанiна, у Кобрыне знайшоў рэдкiя фалiянты на лацiнскай, польскай і нямецкай мовах, у Смалевiчах стаў удзельнiкам абраду кумаўства і памятае, як у

Ігумене на могільках выкапалі “касяной кувшын с самым крепким, старым питным медом” [8, 110]. Такія падзеі адбываюцца з П. Шпілеўскім амаль у кожным правінцыйным беларускім мястэчку і кожны раз падаюцца ў сюжэтнай тканіне твора быццам выпадковымі, нечаканымі для самога пісьменніка, але звычайнымі для гэтых мясцін. Умелае спалучэнне назіранняў асабістага характару з шырокімі паведамленнямі аб гісторыі і культуры роднага краю стварыла ў падарожных запісах асаблівую, даверлівую атмасферу аўтарскага звароту да чытачоў, спрыяла нязмушанаму засвойванню думкі аб беларускай выключнасці.

Не мог утрымацца П. Шпілеўскі і ад адкрытых каментарыяў, у якіх даваў надзвычай высокую ацэнку спадчыне беларускага народа. Ён сцвярджаў, што “ні адна паласа вялізнай Расіі не можа пахваліцца такім багаццем народных чар, замоў, прымхаў, забабонаў, якім славіцца Беларусь” [4, 124], называў яе “краінай чараўніцтва і ўсялякіх дзіў” [4, 124], “сталіцаю старажытнай славяна-рускай міфалогіі” [4, 161], “сэрцам старажытнай Русі” [4, 42]. Апошнія характарыстыкі вельмі важныя для разумення таго, з якіх пазіцый асвятляў П. Шпілеўскі беларускасць, наколькі каштоўнай была яна асабіста для аўтара. На старонках нарысаў ён неаднаразова засведчваў сваю лаяльнасць перад Расійскай імперыяй, падкрэсліваючы гістарычную справядлівасць знаходжання ў яе складзе беларускіх зямель, аспрэчваў тэзіс пра “забраны край” і безапеляцыйна крытыкаваў перыяды літоўскага і польскага панавання. Палітычныя погляды П. Шпілеўскага міжволі сутыкаліся з яго жаданнем раскрыць багацце беларускай этнакультурнай традыцыі, паказаць каштоўнасць яе набыткаў. Таму ў разважаннях аўтара час ад часу губляецца паслядоўнасць яго пазіцыі, калі прызнанне ўнікальнасці беларускай культуры акрэсліваецца праз несамастойны “западнарускі” статус або сведчанне значнасці Літоўскага статута “для історыі нашага законодаўства і для древней русской филологии” [8, 100], змяняецца праз некалькі старонак каментарыямі адносна яго “чуждога влияния” [8, 105] на жыхароў Мінскай губерні.

Тым не менш П. Шпілеўскі заставаўся найперш беларусам, прычым не толькі знешне, праз дэкларацыю свайго паходжання з гэтых мясцін, калі беларускасць здаецца нейкім каларытным ці экзатычным дапаўненнем да вялікарускай ідэнтычнасці, а тым чалавекам, светапогляд якога выхавала самабытная этнакультурная традыцыя. У адрозненне ад пазіцый, прынятых у сталіцах суседніх краін, якія разглядалі беларускія землі як ускраіну, памежную зону сваёй тэрыторыі, што дакладна зафіксавана ў такіх гістарычных назвах, як “усходнія крэсы” ці “Паўночна-Заходні край”, П. Шпілеўскі настойліва адводзіў Беларусі цэнтральнае месца ў славянскай гісторыі і культуры. Захоплена расказваючы пра тое, што менавіта з гэтай краіны бяруць пачатак славянскія плямёны, што мясцовы народ аддана захоўвае традыцыі продкаў-крывічоў, што беларуская мова валодае першароднай славянскай чысцінёй, аўтар абвешчаў беларускую народную культуру ўвасабленнем старажытнай славяншчыны. Такі погляд пераконваў у каштоўнасці духоўнага быцця Беларусі і на эмацыянальным узроўні даваў падставы для выяўлення пачуцця асабістай гордасці за сваю радзіму, становіўся асновай для дэманстрацыі самабытнасці беларусаў. Сутнасць іх адрознення ад іншых славян, у тым ліку і вялікарусаў, знаходзілася, паводле П. Шпілеўскага, не столькі ў гістарычных ці геаграфічных сферах, колькі ў ментальнай, была абумоўлена такімі становачымі з пункту гледжання пісьменніка рысамі сваіх землякоў, як кансерватыўнасць і адчуванне моцнай прывязанасці да роднай зямлі: “Заходнерускія сяляне, незнаёмы з жыццём, не ведаюць вялікарускай капрызнасці, не імкнуцца да багатых сталіц дзеля карысці, нярэдка капеечнай, якая развівае ў прагным аферысце круцельскую бесцярмоннасць, што ўносяць у сельскі побыт гарадскія заганы. Беларусцы аддаюць перавагу працы ля роднага агменю, на вачах любімай сям’і і побач дарагіх папялішчаў. Гэтая любасць да роднай хаты мае вялікі ўплыў на адзіпства думак і братэрства заходнерускіх сялян. Гэта ратуе ад сваволі і бясчынства, робіць цяплівымі да незнаёмых вялікарускаму касмапаліту-селяніну самаахвяраванняў” [4, 228–229].

П. Шпілеўскі імкнуўся намаляваць прываблівы вобраз Беларусі, даваў вельмі станоўчыя характарыстыкі беларускаму народу, свядома падаваў яго побыт светлымі фарбамі. На старонках “Падарожжа...” паўставала жыццё вельмі патрыярхальнай краіны – своеасаблівая рэліктавая прастора славянскай старажытнасці, дзе пануе звычай продкаў, дзе адсутнічаюць сацыяльныя няўладзіцы, дзе чалавек здавальняецца малым і жыве адносна бесклапотна. “Изба белорусского минского мужика скромна, но он доволен ею и своей судьбою; он работает весь день без ропота, кушает на славу, спит беспробудно, и его не беспокоят, не волнуют тревожные сны или мучительные грезы, последствия праздной, роскошной и пустой жизни” [8, 113]. Такія малюнкi выдатна прадстаўляюць пашыраную ў тагачаснай літаратуры тэндэнцыю да ідэалізацыі беларуса.

Поўны замілавання, некрытычны падыход да мастацкага спасціжэння беларускіх рэалій для П. Шпілеўскага, як у свой час і для Я. Чачота, Я. Баршчэўскага, В. Дуніна-Марцінкевіча, быў праявай аўтарскай сімпатыі да беларускага народа, прызнаннем сваёй асабістай далучанасці да беларускасці.

Вывады

Такім чынам, патрыятычная канцэпцыя навукова-папулярных нарысаў П. Шпілеўскага выразна адлюстроўвае беларускую ментальнасць аўтара, яго светапоглядную прыналежнасць да этнакультурнай традыцыі беларусаў. Узнаўляючы для расійскага чытача вобраз Беларусі як унікальнай славянскай краіны, аўтар абапіраўся на айчыны досвед літаратурнай міфатворчасці вобліку Бацькаўшчыны, дэманстраваў схільнасць да ўзвышэння беларускага матэрыялу, памкненне падкрэсліць яго асаблівую каштоўнасць з дапамогай сродкаў мастацкага вымыслу.

Літаратура

1. Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў : у 2 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – Т. 2 : Новая літаратура : другая палова XVIII–XIX стагоддзё / навук. рэд. тома У. І. Мархель, В. А. Чамярыцкі. – 2-е выд. – 582 с.
2. Левкиевская, Е. Механизмы создания мифологических фантомов в "Белорусских народных преданиях" П. Древлянского [электронный ресурс] / Е. Левкиевская. – Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya3.htm>. – Дата доступа : 28.02.2014.
3. Топорков, А. О "Белорусских народных преданиях" и их авторе [электронный ресурс] / А. Топорков. – Режим доступа : http://karija.narod.ru/Ethnoslavistics/top_belorus.htm. – Дата доступа : 28.02.2014.
4. Шпілеўскі, П. Беларусь у абрадах і казках / П. Шпілеўскі ; пер. з рус. Аляксандра Вапчанкі. – Мінск : Літаратура і мастацтва, 2010. – 304 с.
5. Пыпин, А. Н. История русской этнографии / А. Н. Пыпин. – Минск : БелЭн, 2005. – 256 с.
6. Dołęga, A. Z Polesia / A. Dołęga // Wiadomości Brukowe. – 1818. – № 8. – С. 1–2.
7. Kontrym, K. Podróż Kontryma urzędnika banku polskiego odbyta w roku 1829 po Polesiu / K. Kontrym. – Poznań, 1839. – 72 s.
8. Шпилевский, П. Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П. Шпилевский. – Минск : Польша, 1992. – 251 с.

Summary

P. Shpilevsky's creative work is regarded as the first significant attempt to construct the image of Belarus. It has been addressed to the Russian reader and based on the creative use of the national literature tradition within the artistic comprehension of the uniqueness of the country, its accession to the image of the universal space and history.

Паступіў у рэдакцыю 31.03.14

УДК 811.161.1'373.49

ЭВФЕМИЗМЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ, В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)*Е. М. Лазаревич*

аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ, г. Минск, РБ

Научный руководитель: д-р филологических наук, профессор А. А. Кожина

В данной статье предпринята попытка проследить историю возникновения русских однословных эвфемизмов, используемых для обозначения беременности, в диахронической перспективе. На примере семантического поля, объединяющего слова, производные от корней со значением 'груз, тяжесть', была рассмотрена семантика эвфемизмов в диахроническом аспекте, определено время их наиболее ранней фиксации. Показано, что для рассматриваемой эвфемистической группы характерны: семантическая недифференцированность, лексическая дублетность и избыточность, аналогия лексической сочетаемости. Сделан вывод, что способом образования исследуемых эвфемизмов послужили семантические модификации.

Введение

В славянской традиции беременная женщина занимала особое положение. Так, С. М. Толстая пишет: «Беременность, беременная женщина – состояние и лицо, получающие в народной традиции двойственную оценку. С одной стороны, беременность и рождение потомства признаются главной целью брака, а беременность женщины почитается как олицетворение плодородия, ей приписываются магическая продуцирующая сила, охранительные, целительные и другие благотворные свойства. С другой стороны, беременность считается состоянием опасным (иногда нечистым) как для самой беременной женщины, так и для окружающих и всего жизненного порядка. Это связано с присутствием в ней двух душ и ее близостью к границе жизни и смерти» [1, 160]. Также беременная женщина считалась лицом, беззащитным перед нечистой силой, и ее поведение регламентировалось множеством правил и запретов, главным образом защитного характера [1, 161].

Изначально в связи с вышеперечисленными суевериями, относящимися к беременной женщине, а позже – когда в обществе начала преобладать научная картина мира – также в связи с культурно-этическими предписаниями, в славянской традиции появились эвфемизмы – заменные слова, представляющие табуируемую тему беременности. Согласно «Большому толковому словарю русского языка», эвфемизм (от греч. *euphēmia* – воздержание от неподобающих слов) – это «слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести (по причине его табуированности, традиционного неприменения или грубости, оскорбительности, невежливости и т. п.)» [2, 1513]. Одним из определяющих признаков эвфемизмов считается признак косвенности номинации [3, 8].

В настоящей статье сделана попытка выявить и описать в диахроническом аспекте некоторые закономерности формирования и функционирования в русском языке однословных (в том числе с предлогом) эвфемизмов для обозначения беременности, производных от корней со значением 'груз, тяжесть'. Материал для наблюдения и анализа извлечен методом сплошной выборки из словаря эвфемизмов русского языка Е. П. Сеничкиной. В словник, полученный в результате выборки, вошло шесть эвфемизмов, позволяющих судить о состоянии данного языкового блока в диахронической перспективе.

Таким образом, объектом данного исследования являются эвфемизмы *тяжела, натяжеле, отяжелевать, затажзелеть, в тяготе, в тягости (в тягостях)*. Предметом исследования явились варьирование и языковая дублетность упомянутых лексем. Источники и время появления эвфемизмов устанавливались на основе исторических [4, 5–6], академических [2, 7–14], этимологических [15], диалектных [16–17], а также других словарей [18] и Национального корпуса русского языка [19].

В практике общения сложилась стройная система языковых предпочтений носителей русского языка, связанных с наименованием беременной женщины. Одними из основных названий беременной женщины – как в русском языке, так и в других славянских языках –

являются: производные от корней со значением ‘бремя, ноша’ (рус. *беременная*), производные от названия живота, чрева (в.-слав. *чревата, брюхатая*) [1, 160]. Интересно проследить время появления наименований русского языка, обозначающих беременную женщину и подлежащих или подлежащих субституции эвфемизмами. Прямое наименование *беременная*, находящееся в употреблении до настоящего времени, появляется в русском языке с XV в.: *Да сказывали, дочка, твои робята Семичовы, что даль Бгъ, ты беремянна* (Гр. Соф. Фом.) [4, 145]; устаревшее на сегодняшний день наименование *брюхатая* – с XV–XVI вв.: *А всъ ходят // в индейской стране // брюхаты, дѣти родятъ на всякій год, а детей у нихъ много* (Афан. Никит.) [4, 342]; также устаревшее наименование *чреватая* фиксируется в «Словаре Академии Российской» 1789 года [7, 800]: *Старая поймала ее // горошину // и съела. Как съела, так и стала чревата; родила сына* (Данил. Чумаки) [10, 1104].

Для эвфемизации данного состояния был использован совершенно другой признак – в основу подобных наименований было положено образное сравнение с тяжестью. Такие эвфемизмы образовывались от одного и того же древнерусского корня *-тяж-* (*-тяг-*), являющегося континуантом индоевропейского корня *-tengh-* и общеславянского *-teg-* [15, 278]: *тяжела* [3, 427], *отяжелевать* [3, 301], *натяжеле* [3, 211], *затяжелеть* [3, 135], *в тяготе (быть)* [3, 76], *в тягости (в тягостях)* [3, 76]. В этой связи приведем цитату из труда В.В. Виноградова «История слов», свидетельствующую об использовании носителями русского языка эвфемизмов для обозначения беременности наряду с прямыми наименованиями: «Пушкин бесился, слыша, если кто про женщину скажет: “она тяжела”, или даже “беременна”, а не брюхата — слово самое точное и на чистом русском языке обычно употребляемое» [20, 846].

Конструкция *в тягости (в тягостях)* (*тягость* ‘то, что утомляет, причиняет заботы, гнетет’ [2, 1358]), заменяющая выше упомянутые антецеденты – заменяемые наименования, является в настоящее время устаревшим языковым эвфемизмом [3, 76]: – *Помилуйте... каждый год, как весна, так и в тягости, а к усенкам уж и жать не может: «Я, барыня, тяжела, не могу»* (Писемский. Старческий грех) [11, 1233]. В таком же значении употреблялся просторечный устаревший языковой эвфемизм *в тяготе (быть)* (*тягота* ‘то, что утомляет, причиняет заботы, гнетет’ [9]) [3, 76].

В труде «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского существительное *тягота (тягота)* встречается уже в памятниках древнерусской письменности XI в. в значении ‘тяжесть’: *Тягота низълагае въжъ плодовижъ* (Панд. Ант. XI в.), в памятниках XIII в. – в значении ‘тягость’: *Лѣнность припаде ѿмоу велика и тяготы многы и скърбь, коньца не имоуци* (Жит. Нифонт. XIII в.), а в памятниках IV в. – в значении ‘трудное положение’: *Бхаша (бояре и чернець Василій) на Литовскую землю, и князь Гедиминъ изнима ихъ на миру, и въ таковой тяготѣ и слово правое дали: сыну его Нариманту пригороды Новгородѣцкіи* (Новг. IV л. 6839 г.) [5, 1098-1099].

Однокоренное существительное *тягость (тягость)* зафиксировано только с XIV в. в значениях ‘тяжесть’ (XIV–XV вв.): *Что рькоуть, иже весь дн ѣ искльчатъ..., съвокоуплающе заоутрокъ съ вбѣдомъ, а вбѣдъ съ вечерею..., многоцѣнньными пицами преполнающеса и тягостью корабль погружающе* (Пчел. И. публ. б. л.), ‘вес’ (XV в.): *Тягостѣо мнасъ ѿ* (Мак. 1. XIV. 24. Библ. 1499), ‘трудность’ (XIV в.): *Стоялъ князь Литовьскіи Скригаило подѣ Полотскомъ с Нѣмечьскою ратью, и много бысть имъ тягости* (Новг. I л. 6889 г. (по Арх. сп.)), ‘труд, обязанность’ (XIV в.): *Имѣю великую тягость на собѣ, что ми молвити и учити всѣхъ на вся душеполезная и спасеная* (Грамм. Алекс. митр. 1356 г.) [5, 1098].

«Словарь Академии Российской» 1789 года регистрирует существительные «*тягость (-сти)* и *тягота (-ты)* тоже, что *тяжесть* во всѣхъ смыслахъ»: *тягость* *тѣль, возить, подымать тягости, тягость* *воды* [7, 387]. Впервые в эвфемистическом значении номинация *в тягости* встречается в середине XIX века: *В тягости они изволили быть, ну, и с этихъ страхов и ужасов выкинули... и не перенесли уж потом того...* (А. Ф. Писемский. Старая барыня, 1857) [19], и уже зафиксирована в словаре В. И. Даля, где *тягость* означает ‘беременность (вост.)’: *она въ тягости* [18, 466].

«Большой академический словарь» XX в. также регистрирует существительное *тягость*, конструкцию *в тягости / в тягостях*, однако эвфемистическое значение является уже устаревшим: *И хотя сама // княгиня // в то время в тягостях была (ожидаемый ребенок был мой отец), но все ходила* (Леск. Захудал. род) [11, 1233]. Эвфемизм *тягота*, помимо пометы «устаревшее значение», имеет еще помету «просторечное значение»: *Она и впрямь была в тяготе.*

Почти старухе, больной... – ей показалась зазорной эта поздняя беременность (Вольнов, Бата) [11, 1234]. Последние фиксации этого эвфемизма, по данным Национального корпуса русского языка, приходится на конец XX – начало XXI вв.: *Через полгода после нашей с Винком свадьбы – я уже в тягости была – узнаю, вообрази себе, что Вика вышла... за наследственного!* (Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все, 2001) [19].

Интересно отметить, что эвфемизмы *тягость, в тягости / в тягостях* зафиксированы в ряде диалектных словарей в современном употреблении: *Соседка у меня в тягости, скоро родить должна; – У Василя жена двоих принесла, щас опять в тягостях; Мнучка моя в тягостях чичас* (Кемер. Кемер., 1972); *– А я тады в тягости была, то и ехала на телеге, он и вывалил нас усех в овражину* (Сузун. Новосибир., 1975) [17, 200]; *Я с Васильём ходила и не думала, что у меня тягость, а потом поносы-те и нашли, ничё мне есть не надо, все тошнит* (Толстик Сол.); *Я ладом-то не жилава, оба мужика рано умерли: от первого в тягости осталася* (В. Мошево Сол.); *Свекровка говорит: «Уж месяца два-три тягость у молодухи есть»* (Осокино Сол.) [16, 460]. Заметим, что в «Словаре пермских говоров» номинация *тяга / в тяге* (*тяга* ‘тяжесть (обл.)’ [9]) также обозначает ‘беременность / в состоянии беременности’: *Соседка-то, когда ходила в тяге, шибко уросливая была* (Юго-Камский Пермск.); *Она уж четвёртым в тяге* (Курашим. Пермск.) [16, 459–460].

Существительное *тяжесть* (*тяжестъ*) (*тяжестъ* ‘присущее телам свойство, в силу которого они притягиваются к земле, падают вниз’ [9]) зафиксировано с XI века в значении ‘груз’: *Не моци намъ тяжести кнѣжсьнѣа носити* (Панд. Ант. XI в.), с XVI в. – в значении ‘вес’: *Тяжестъ мѣры* (Ис. Сир. Поуч. XVI в.), с XV в. – в значении ‘трудность’: *Тяжестъ прелоганія ѡваго в нашъ ѡзыкѣ* (Дюн. Ар. XV в. (Рум.)) [5, 1102]. В словаре В. И. Даля (конец XIX в.) слово *тяжесть* уже имеет еще одно значение ‘тягость, беременность’ и помету «преимущественно сибирское»: *она въ тяжести или она ходитъ въ тяжести* [18, 467]. «Фразеологический словарь русских говоров Сибири» фиксирует эвфемизм *тяжесть* как часто встречаемый с предлогом *в* (*в тяжести*): *Она в тяжести. Ну, на сносях, в тягости баба* (Ордын. Новосибир., 1965) [17, 200].

Как видим, дублетность и синонимия являются характерной чертой эвфемизмов рассматриваемого блока. Как варьирующие единицы-полисеманты с идентичными значениями употреблялись существительные *тягость, тяга, тягота, тяжесть*. Явление дублетности и избыточности (наличие большого количества абсолютных синонимов) способствует активизации процесса семантической аналогии, в результате которого между словами, имеющими общие основные значения или дополнительные значения, устанавливается или полное смысловое тождество, или тождество ряда значений. Данный процесс, в свою очередь, порождает аналогю в совместном сочетаемости, например, все упомянутые эвфемизмы начинают употребляться в сочетании с предлогом *-в* и в предложном падеже: *в тягости, в тяготе, в тяге, в тяжести*.

Областной переносный языковой эвфемизм *тяжелая* (*тяжелый* ‘имеющий большой груз, вес’ [2, 1359]) заменяет стигматизированное понятие ‘беременная’ [3, 427]: *Нутка, нутка, сударка! смотри на меня! тяжела? – допрашивала опытная старушка провинившуюся голубицу* (Салт. Госп. Головлевы) [11, 1250]. Прилагательное *тяжелый* зафиксировано словарем Срезневского с XIV г. в значении ‘грузный’: *Тяжелѣи нашего полуиуда тотъ товаръ* (Дог. гр. Пол. съ Риг. 1330 г.) [5, 1102]. Вероятно, слово оформилось на великорусской основе [15, 278]. «Словарь Академии Российской» 1789 года фиксирует эвфемистическое значение ‘беременная’ у прилагательного *тяжелая* в составе синтагмы *тяжелая женщина* [7, 387]. Однако Национальный корпус русского языка регистрирует эвфемистическое значение у данного слова в отношении животных еще раньше – в 1760 году: *В сей же земле много оврагов, болот, омутов, то голанская корова легко вред получить может, понеже она тяжела. Ежели у детей будут глисты, то мажь у них пуп бычачью или овечью желчью* (М. В. Ломоносов. Лифляндская экономия, 1760) [19]. В словаре В. И. Даля прилагательное *тяжелая* имеет помету «о женщине и животном» со значением ‘въ тягости, въ тяжести, беременная’ [18, 467]. Можно предположить, что значение ‘беременная (о женщине)’ восходит к значению беременности у животного.

«Большой академический словарь» фиксирует эвфемизм *тяжелая* как просторечный, а вариант *тяжела* имеет помету «областной». Эвфемизмы *тяжелая / тяжела* часто употребляются как *тяжелая, тяжела кем, которым*: *В то время, как Маргарита Карловна была тяжела им, над ними готово было разразиться ужасное несчастье* (Герцен, Кто виноват?, 1846); *Теперь у самого Алпатова было девять человек – и мальчики и девочки, – и Руфина Петровна ходила тяжелая десятым* (Серг.-Ценск. Медвежонок) [11, 1250]. «Словарь пермских говоров» фиксирует эвфемизм *тяжелая* без пометы «устаревший»: *Тяжелая сейчас у меня корова, мало*

молока дает (Мыслы Ус.); *Светка-то у меня тяжелая ходит, и мужика у ей нет* (Опалихино Сукс.) [16, 460]. Национальный корпус языка регистрирует последнее употребление данного эвфемизма концом XX в.: *Лекарь говорит: тяжела она... Впрочем, сия развратница со всей своей свитой, говорят, жила?* (Эдвард Радзинский. Княжна Тараканова, 1999) [19].

Эвфемизм *натяжеле (быть)* (*тяжело* 'об ощущении чрезмерной тяжести; не под силу, трудно' [2, 1359]) также является субститутом стигматизированных номинаций, имеющих значение 'беременная' [3, 211]. Наречие *тяжело (тяжко)* впервые фиксируется «Словарем академии российской» 1789 года в значениях 'грузно': *тяжело поднять, тяжело накласть чего на что*; 'весьма, очень': *тяжко больно, тяжко наказать кого*; 'трудно, неудобно': *от привычки отстать тяжко, тяжело* [7, 387]. Наречие *натяжеле* в основном значении регистрируется в середине XIX в. Национальным корпусом русского языка: *Вывеска же приехала с зимним обозом натяжеле* (И. Т. Кокорев. Публикации и вывески, 1849) [19]. Эвфемистическое значение, которое является просторечным, фиксируется у слова «Большим академическим словарем»: *У нас Пеструха совсем натяжеле. Вот-вот отелится* (Седых, Даурия, 1948) [12, 604].

Эвфемизм *отяжелевать (отяжелесть)* 'стать тяжелым, увеличиться в весе, стать грузным, неповоротливым' [2, 768] заменяет антецедент 'забеременеть' [3, 302]. Глагол *отажитиса* зафиксирован в значении 'отяжелеть' с XVI в.: *Еако же чланица мърилныа ѿ тажкыа мъры отажившеса* (Ис. Сир. Поуч. XVI в.); глагол *отажьчавати* – с XI в. в значении 'делать тяжелым': *Мъзды отажьчавала* (Гр. Наз. XI в.); глагол *отажьчати* – с XI в. в значении 'отягощать': *Тъльно бо тгъло отажьчаистъ ѿи* (Изб. 1073 г.), а с XII в. – в значении 'отяжелеть': *Блахоубо очи ихъ отажьчалгъ* (Мф. XXVI. Ев. XII в.) [6, 835]. Глагол *отажотыти* зафиксирован в значении 'отяжелеть' с XI в.: *Отажотыхомъ паче силы* (Панд. Ант. XI в. л.); глагол *отажьчати* – с XI в. в значении 'обременять': *Каменьмъ разоумьнымъ оутвьрьдывъ си срдъ ѿе, каменисмъ отажьчаистъ не превратиса, блъжне* (Мин. 1097 г.), а глагол *отажьчавати* – с XI в. в значении 'отягощать': *Съни оубо тажьци и зъли въходлите, отажьчавать отъ оупиваница* (Сбор. 1076 г.) [6, 834–835].

«Словарь Академии Российской» уже фиксирует близкую к современной форму написания глагола *тяжелесть / отяжелесть* – *тяжелеть / отяжелеть* – в значении 'становиться тяжелее': *Дерево отъ влажности тяжелеть* [7, 390]. В «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 года (середина XIX в.) данный глагол (*отяжелеть*) фиксируется в значении 'обременять' [8, 145]: *Отяжелела в орде моя дьячиха, вот какая... Ну, а потом разродилась вот этою самою Охоней* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Охоины брови, 1892) [19]. «Большой академический словарь» и некоторые другие словари регистрируют данный эвфемизм с пометой «областной» [9], «народно-разговорный» [2, 768], «просторечный»: *Волчица отяжелела, носила щенят. Для гнезда она выбрала место – широкую, сокрытую мхом, сухую кочку* (Сок-Микит. Натепл. земле, 1954) [13, 1730]. Национальный корпус русского языка регистрирует последнее употребление данного эвфемизма началом XX века: *Прохор Абрамович сказал жене, что она отяжелела безо времени* (А. П. Платонов. Чевентур, 1929) [19].

Эвфемизм *затяжелесть* [3, 135] зафиксирован впервые «Толковым словарем русского языка» и имеет помету «просторечный, областной»: *Вышедши замуж то, я затяжелела* (Лесков. Некуда, 1864 год) [9]. «Большой академический словарь», однако, фиксирует два значения у слова – основное 'стать тяжелее', которое фиксируется позже эвфемистического [19], и, соответственно, эвфемистическое – 'забеременеть': *За несколько минут отдыха у каждого затяжелело, ослабло сильно натруженное тело, – все поднимались медленно, опираясь то о землю, то об ель* (Бубенн. Бел. береза, 1947); *Дуня затяжелела, за ней глаз был нужен* (Мам.-Сиб. Дик. Счастье, 1884 год); *Уже затяжелела Анфиса, к лету будем ждать внучонка* (Бабаев. Кавал. Зол. Звезды, 1947–1948); *Татьяна краснела, молчала, наконец призналась, что затяжелела* (Задорн. Амур-батюшка, 1941–1946) [14, 1030]. Согласно данным Национального корпуса русского языка, этот эвфемизм употребляется вплоть до конца XX – начала XXI века: *Эмма округлялась. И округлялась еще больше от сознания своей беременности. Она с гордостью находила себя в зеркале, и несомненно в ней сквозило бы нечто наполеоновское, если бы Наполеон сумел вдруг затяжелеть...* (Дарья Симонова. Легкие крылышки, 2002) [19].

Таким образом, мы имеем следующую цепочку эвфемизмов, имеющих один и тот же корень *-тяж-* (*-тяг-*), согласно времени их первой фиксации: *тяжелая / тяжела* (1760 (1789) – конец XVIII в.) – *отяжелевать* (1847 – середина XIX в.) – *в тягости / тягостях* (1857 – середина XIX в.) / *в тяготе* (предположительно, то же время, что и для эвфемизма *в тягости / тягостях*) –

затяжелеть (1864 – конец XIX в.) – *натяжеле* (1948 – середина XX в.). Отметим, что эвфемистическое значение у них всех устаревает ориентировочно в XX в., а употребление некоторых из них в конце XX – начале XXI вв. регистрируется, в основном, диалектными словарями. Устаревание эвфемистического значения можно объяснить тем, что данные эвфемизмы беременности постоянно воспроизводились в речи, и, возможно, поэтому их способность смягчать описание данной темы со временем утратилось.

Кроме того, на основании примеров, зарегистрированных Национальным корпусом русского языка, можно предположить, что эвфемистическое значение у исследуемых слов развилось на основе ассоциации с тяжестью и изначально характеризовало женщину на последних сроках беременности, когда тяжесть ноши была очевидной: *Мы жили в Иловне довольно тесно, и жена уже была очень тяжела, то и начали мы помышлять о ее родах* (Д.М. Волконский. Дневник, 1812–1814 гг. (1812–1813); *В конце сентября мы видим княгиню в Лысых горах: она так тяжела, что едва способна выйти из кареты* (Андрей Балдин. Московские праздные дни, 1997); *Правда, это выражение на его лице к весне сменилось каким-то преувеличенно-приветливым видом, ибо Е.К. была уже сильно тяжела, шел месяц май* (Людмила Петрушевская. Два бога (1998–1999) [19], а со временем данные эвфемизмы, в большинстве своем относящиеся к разряду речевых, или разговорно-обиходных, начинают применяться к беременной женщине независимо от срока беременности и основываться на ассоциации с бременем, трудностью или трудным положением, хотя и сохраняя в себе более ранний дополнительный смысловой оттенок.

Наличие лексических и словообразовательных вариантов в исследуемом блоке эвфемизмов (*тяжесть, тягота, тягость; отяжлитися, отяжсчавати, отяготити, отягчати*) объясняется одновременным функционированием в памятниках русского языка элементов, различных по своему генетическому составу: старославянизмов, восточнославянских и общеславянских по происхождению лексических единиц.

Как видим, семантическое поле «беременность», которое включает в себя эвфемистическую лексику с корнем *-тяж-* (*-тяг-*), отличается некоторой структурно-семантической избыточностью, что проявляется в семантической недифференцированности, лексической дублетности некоторых эвфемизмов и порождает у них аналогии в лексической сочетаемости, а способом образования эвфемизмов данной группы послужили семантические модификации.

Выводы

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Среди дублетов рассмотренных эвфемизмов семантического поля «беременность» можно выделить такие типы, как **диалектные дублеты**: *тягость* (вост.), *тяжесть* (сиб.), *тяга* (перм.), *тяжела* (обл.); **устаревшие дублеты**: *в тягости / тягостях* (к концу XX – началу XXI в.), *тяжела* (к концу XX в.), *отяжелевать* (к началу XX в.), *затяжелевать* (к концу XX – началу XXI в.); **стилистические дублеты**: *в тяготе* (простор.), *тяжелая* (простор.), *натяжеле* (простор.), *затяжелевать* (простор.), *отяжелевать* (простор.); **морфологические дублеты**: *тягость* (суффикс *-ость*), *тяжесть* (суффикс *-есть*), *тяга* (окончание *-а*), *тягота* (суффикс *-от*, окончание *-а*), *тяжела* (окончание *-а*), *тяжелая* (окончание *-ая*), *затяжелевать* (префикс *-за*), *отяжелевать* (префикс *-о*); **синтаксические дублеты**: *тяжелая (-а) кем / которым, в тягости (тягостях / тяге / тяжести / тяготе)*;

2. Эвфемизмы исследуемой группы образованы в результате метафорической деривации на базе лексем с первичным номинативным значением *тяжести, веса, груза*.

Литература

1. Толстая, С. М. Беременность, беременная женщина / С. М. Толстая // Этнолингвистический словарь «Славянские древности». – Т. I. – М. : Международные отношения, 1995. – 575 с.
2. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 27 вып. / редкол.: С. Г. Бархударов (гл. ред.). – М. : Наука, 1975–2006. – Вып. 1. – 371 с.
5. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Императорская Академия Наук, 1893–1912. – Т. III. – 2720 с.

6. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Императорская Академия Наук, 1893–1912. – Т. II. – 1802 с.
7. Словарь Академии Российской : в 6 т. – СПб. : Императорская Академия Наук, 1789–1794. – Т. VI. – 1064 с.
8. Словарь церковно-славянского и русского языка : в 4 т. – СПб. : Императорская Академия Наук, 1847. – Т. III. – 889 с.
9. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Толковый словарь Ушакова. – Режим доступа : <http://ushakovdictionary.ru/>. – Дата доступа : 13.02.2014.
10. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. ; Л. : Наука, 1950–1965. – Т. XVII. – 2126 с.
11. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. ; Л. : Наука, 1950–1965. – Т. XV. – 1286 с.
12. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. ; Л. : Академия наук СССР, 1950–1965. – Т. VII. – 1468 с.
13. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. ; Ленинград : Академия наук СССР, 1950–1965. – Т. VIII. – 1840 с.
14. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. ; Л. : Академия наук СССР, 1950–1965. – Т. IV. – 1864 с.
15. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 1999. – Т. II. – 560 с.
16. Словарь пермских говоров : в 2 вып. – Пермь : Книжный мир, 2000–2002. – Вып. 2. – 574 с.
17. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. д-ра филол. наук А. И. Федорова. – Новосибирск : Наука, 1983. – 232 с.
18. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – СПб. : типография М. О. Вольфа, 1880–1882. – Т. IV. – 704 с.
19. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru/index.html>. – Дата доступа : 13.02.2014.
20. Виноградов, В. В. История слов. Около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных» / В. В. Виноградов. – М. : Толк, 1994. – 1138 с.

Summary

The attempt to trace the establishment of Russian single-word euphemistic nominations concerning pregnancy in the diachronic perspective was investigated in the article. Moreover, the article considers semantics of the euphemisms in the diachronic aspect, the time of their earliest usage in the semantic field of the words derived from the roots with the meaning 'burden, weight'. According to the article semantic non-differentiation, lexical dimorphism, redundancy and analogy of lexical combinative power characterize the euphemistic unit under study. Thus the formation of euphemisms is based on the semantic modifications.

Поступила в редакцию 16.04.14

УДК 808.26+808.2

**БЕЛАРУСКАЕ ПАЭТЫЧНАЕ МАДЭЛЯВАННЕ
Ў АСПЕКЦЕ КАТЭГАРЫЗАЦЫІ І КАНЦЭПТУАЛІЗАЦЫІ
(НА МАТЭРЫЯЛЕ ПАЭЗІІ ПІМЕНА ПАНЧАНКІ)**

І. С. Лісоўская

кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры беларускага і супастаўляльнага мовазнаўства,
дэкан філалагічнага факультэта УА «ГрДУ імя Янкі Купалы», г. Гродна, РБ

Ю. М. Парфіновіч

магістр філалагічных навук, аспірант кафедры англійскай філалогіі
УА «ГрДУ імя Янкі Купалы», г. Гродна, РБ

Пытанні беларускага паэтычнага мадэлявання разглядаюцца ў артыкуле ў аспекце катэгарызацыі і канцэптуалізацыі радасці і смутку як універсальных фрагментаў моўнай, канцэптуальнай і мастацкай карцін свету. Значныя для вывучэння нацыянальнай моўнай свядомасці беларуса, для выяўлення аўтарскай паэтычнай карціны канцэпты «радавацца» і «смуткаваць» даследуюцца ў артыкуле на матэрыяле паэзіі Пімена Панчанкі як ключавыя, а вынікі даследавання падаюцца ў сувязі з сучаснымі навуковымі парадыгмамі.

Уводзіны

Тэрмін *карціна свету* трывала ўвайшоў у канцэптуальны метамоўны апарат сучаснай лінгвістыкі. Пытанне аб тым, як развіваецца канцэптуальная сістэма і якія веды захоўваюцца ў мове, стала прыцягваць увагу лінгвістаў. Гэта пытанне звязана з праблемай размежавання моўнай, наіўнай, навуковай і канцэптуальнай карцін свету. Наша даследаванне ажыццяўляецца пераважна ў рэчышчы паняццяў *моўная і канцэптуальная карціны свету*. Пры гэтым пад моўнай карцінай свету разумеецца сукупнасць ведаў аб свеце, якія адлюстраваны ў мове, спосабы атрымання і інтэрпрэтацыі новых ведаў. «Моўная карціна свету – шматступенчатае ўтварэнне, якое дазваляе чалавеку зразумець свет і самога сябе і замацаваць грамадска-гістарычны вопыт – як агульначалавечы, так і нацыянальны» [1, 20]. Канцэптуальная карціна свету ўяўляе сабой поўную базу ведаў аб свеце (данавуковых і навуковых), назапашаных за ўсю гісторыю існавання народа, які размаўляе на пэўнай мове... Калі ў мове існуюць працэсы архаізацыі і дэсемантызацыі, то ў канцэптуальнай карціне свету акумулюецца ўсё, што калісьці было пазнана, названа і засвоена [1, 22].

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Самым прыдатным матэрыялам для вывучэння моўнай карціны свету чалавека, як аднаго з найбольш ключавых паняццяў кагнітыўнай лінгвістыкі, стаў па сутнасці нарратыўны тэкст. Гэта і натуральна, бо ў наратыве цесна пераплятаюцца мастацкая задумка, шматлікія сэнсы, мэты, а таксама адметнасць і непаўторнасць для нацыі пэўнай гістарычнай эпохі і інш. Письменнік спалучае ўвесь «фактычны» матэрыял у адно цэлае, дзе праз мастацкае адлюстраванне рэчаіснасці адбываецца зварот да носьбітаў мовы з мэтай пэўнага ўздзеяння на іх, а таксама з мэтай прэзентацыі праз мову твора менталітэту, інтэлекту і спадчыны пэўнага народа.

Менавіта праз нарратыўны, можна сказаць, першапачатковы і анталогічна самы натуральны, тэкст, праз сэнсы, закладзеныя ў ім, адбываюцца ўводзіны чалавека ў кантэкст культуры, традыцый, спецыфічнасці быцця, існавання, веравызнання нацыі. Асабліва яркая катэгарызуемая і адначасова канцэптуалізуючая роля наратыву праяўляецца пры пагружэнні нашай свядомасці ў атмасферу мастацкай літаратуры і народнай паэзіі, праз якія часцей за ўсё кагнітолагі ажыццяўляюць вывучэнне моўнай і канцэптуальнай карцін свету пэўнага народа. У такім разе з'яўляецца заканамерным і абгрунтаваным зварот да сукупнасці шматлікіх кампанентаў тэксту: да самой асобы аўтара, да гістарычнай канвы часу, да мнагазначнасці моўных сродкаў, да ступені іх трансфармацыі ў тэксце, да прагматычнасці шматлікіх працэсаў, сітуацый, дзеянняў.

Многія даследчыкі, прадстаўнікі розных школ у галіне сучаснай навуковай парадыгмы, справядліва лічаць, што зараз амаль немагчыма ацэньваць чалавека як «ідэальнага моўніка» па-за яго прыналежнасцю да пэўнай культуры, бо суб'ект камунікацыі заўсёды ёсць і суб'ект мовы, і суб'ект культуры. Гэты пастулат лінгвакультуралогіі, які быў сфармуляваны В. Н. Тэлія ў 90-я гады мінулага стагоддзя, прадугледжвае вывучэнне чалавека «праз лінгвакультуру, носьбітам якой ён з'яўляецца і якая, з аднаго боку, стварае чалавека, а з іншага, – сама ствараецца ім» [2, 23]. Таму натуральна, што ў полі зроку лінгвакультуралогіі, этнапсіхалінгвістыкі і іншых сучасных накірункаў вывучэння мовы знаходзіцца культурная прастора і лінгвакультура як кагнітыўны феномен. У гэтым рэчывы даследуецца і праблема ўзнаўляльнасці: што, як і чаму ўзнаўляецца ў дыскурсе носьбітаў мовы і прасторы прадстаўнікоў культуры і лінгвакультуры.

Думаецца, што яшчэ адным інструментам да пазнання кагнітыўнай прыроды наратыўнага і паэтычнага тэкстаў (ды і размоўнага дыскурсу таксама) з'яўляецца менавіта прагматыка, бо прагматычны падыход дае ключ да разумення ўсіх сэнсаў: імпліцыраваных і экспліцыраваных у шматлікіх маўленчых сітуацыях. Менавіта праз маўленне выражаецца асноўная жыццёвасць ці нежыццёвасць шматлікіх тэорый, створаных чалавекам.

Моўная карціна свету адлюстроўвае свядомасць канкрэтнай этнічнай суполкі. Таму даследаванне моўнай карціны свету нязменна прыводзіць да вывучэння канцэптuallyнай сістэмы гэтай суполкі. Мова забяспечвае найбольш эфектыўны спосаб апісання і вызначэння канцэпту, паколькі самыя важныя паняцці кадзіруюцца менавіта ў мове, што пацвярджаецца існаваннем у канцэптасферы розных народаў глабальных паняццяў-канцэптаў – універсальных катэгорый. Таму ў цеснай сувязі з паняццем дыкурс і тэкст знаходзіцца і паняцце *канцэпт*.

На думку кагнітолагаў, *канцэпт* – гэта ідэя, якая спадарожнічае чалавеку ад самага яго нараджэння і па меры назапашвання жыццёвага вопыту нараджае семантычныя дэрываты ў выглядзе слоў мовы і можа таксама актуалізавацца ў выглядзе комплексных вобразаў (гештальтаў). Сцвярджаецца, што самая шырокая ілюстрацыя гештальта выяўляецца ў мастацкім творы, казцы, міфе, песні ці якім іншым фальклорным творы.

Сэння паняцці *канцэпт* і *катэгорыя* шырока выкарыстоўваюцца пры апісанні семантыкі мовы. Пры гэтым дамінуючай функцыяй структуры чалавечай свядомасці з'яўляецца функцыя рэпрэзентацыі. «Канцэпты і катэгорыі прадстаўляюць свет у галаве чалавека, утвараючы канцэптuallyную сістэму. А знакі мовы кадзіруюць у вербальнай форме змест гэтай сістэмы» [3, 17]. На думку Ю. Я. Прохарава, канцэпт – гэта «факт ладу жыцця, грамадскай свядомасці, тэорыі, якая выражана ў моўнай форме» [4, 36].

Тэрмін *канцэпт*, на думку Н. Ф. Алефірэнка, выкарыстоўваецца для абзначэння дзвюх кагнітыўных сутнасцей: *канцэпт 1* (або канцэптна-вобразны канцэпт) і *канцэпт 2* (або канцэпт, які ўзнікае ў працэсе лінгвакрэатыўнага мыслення) [3, 17]. Наратыўны тэкст і размоўны дыкурс уяўляюць сабой ідэальнае спалучэнне асаблівасцей першага і другога канцэптаў, у выніку чаго найбольш поўна выяўляецца канцэптuallyная карціна свету і нацыянальны кампанент, у якіх максімальна прадстаўлена нацыянальная канцэптuallyзацыя навакольнай рэчаіснасці.

Сцвярджаецца, што канцэпты маюць этнічны характар і замацоўваюцца ў мове, падчас не супадаючы з асноўным значэннем слова, але менавіта канцэпты служаць асновай для разумення сэнсу як у паўнацэннай маўленчай сітуацыі, якой з'яўляецца дыкурс, так і ў непаўнацэннай маўленчай сітуацыі (з пункту погляду маўленчых законаў) – наратыўным тэксце або паэтычным творы.

Пытанні, звязаныя з канцэптuallyзацыяй рэчаіснасці, вылучэннем і апісаннем ключавых канцэптаў, у беларускім мовазнаўстве асветлены вельмі мала. Больш пільная ўвага гэтай з'яве надаецца з боку даследчыкаў рускамоўных наратыўных і паэтычных твораў.

Для асвятлення гэтай навуковай праблемы звернемся да паэтычнай спадчыны Пімена Панчанкі, для якога характэрна па-сапраўднаму шчырае, нацыянальна-адметнае выкарыстанне нацыянальнага слова. Уласцівая аўтару канцэптuallyзацыя рэчаіснасці дазволіла яскрава актуалізавацца двум агульначалавечым канцэптам – «радавацца» і «смуткаваць». У творах паэта антанімічныя канцэпты выступаюць як пэўная мера рэчаіснасці, як адзінка вымярэння і адчування акаляючага свету. Суцэльны аналіз яго паэзіі дазволіў уявіць, як змяняецца светапогляд паэта (а значыць – і светапогляд народа), яго светаўспрыманне на працягу пэўнага часу, улічваючы тое, што гэты адрэзак (ажно 26 гадоў!) быў вельмі няпростым і неадназначным з пункту погляду і чалавечага фактару, і гістарычнага. Выяўлены аб'ём фактычнага матэрыялу даў нам магчымасць уявіць даволі аб'ектыўную, на наш погляд, карціну адлюстравання згаданых канцэптаў. Варта

адзначыць, што паэт не вельмі часта звяртаецца да тэмы «радасць» у акрэслены перыяд сваёй творчасці. Аўтар выкарыстоўвае каля 130 лексем з адзначанай намі семантыкай, але толькі крыху больш за 30 дзеясловаў і словазлучэнняў адлюстроўваюць канцэпт «радавацца». Астатнія – экспліцыруюць канцэпт «смуткаваць». Большасць лексем з семай «радавацца» прыпадае на ранні перыяд у творчасці паэта. Яны перадаюць захопленасць, апантанасць Пімена Панчанкі жыццём. Для адлюстравання гэтага пачуцця паэтам выкарыстоўваюцца дзеяслоўныя лексемы, якія непасрэдна ўтрымліваюць сему 'радавацца' або вельмі блізкія да яе значэнні, якія катэгарызуюцца, напрыклад, дзеясловамі **весаляцца, смяяцца, усміхацца** і інш. Звернемся да кантэкставых рэалізацый гэтых катэгарызатараў: *А ты смяялася, не верыла, // Што будзе дождж, што будзе град. // Углыб, углыб усё імчалася // І за сабой мяне вяла; // Хавала вочы і смяялася // І нейкай дзіўнаю была* (Лясы нырнулі ў хмары шэрыя...); *Дзяўчаты мыюць танк, // Смяюцца без прычыны, // Смяюцца проста так, // Бо сонца за плячыма* (Дзяўчаты мыюць танк...); *Звоняць бубны, рэжа скрыпка, // Весаляцца наш народ, // Чутны жарты, піск і рогат. // Нехта песеньку вядзе* (Ад'езд маладой) і інш.

Асаблівую ўвагу прыцягваюць уласнааўтарскія выразы, у якіх паэт выкарыстоўвае семантычныя грані дзеяслоўных лексем **вырывацца, зайшоўся, перапоўніцца, біцца, распірацца** і інш., напрыклад: *сэрца з клеткі проста вырываецца; зайшоўся ад радасці плачам; перапоўніцца радасным болем; распірала ад шчасця сэрца, грудзі, рукі, ногі; хацелася спяваць і кулдыкацца* і інш. Даволі эфектыўнымі спосабамі аўтарскага выражэння канцэпту «радавацца» з'яўляюцца спалучэнні кароткай формы прыметніка *рад/рада* з незначальнай формай дзеяслова ці дзеясловам-звязкай *быць*, напрыклад: *зямлі я фінскай пакланіцца рад; рад сябру памагчы ў нягодзе; рада кожнамму дрэўцу была* і інш.

Паэт даволі часта звяртаецца да метафары як вобразнага сродку адлюстравання рэчаіснасці, дзе, зноў жа, сэнсаарганізуючую і эмацыянальную функцыю ўтрымлівае і перадае менавіта дзеяслоўная лексема. Так, метафарычна катэгарызаваны Піменам Панчанкам наступныя фрагменты эмацыянальнай сферы лірычнага героя: *радасць, шчасце, душэўная адкрытасць, каханне, надзея, прыгажосць, спакой: радасць затаніла ўсю душу; упэўненасць і радасць б'ецца; скаланула радасная дрож; сэрца няе; сэрца вырываецца; сэрца цёпла ные, радасна пушчы гамоняць* і інш. Яго індывідуальна-аўтарскія метафары з'яўляюцца сапраўднымі мастацкімі знаходкамі. Звычайна яны двухчленныя ці трохчленныя, разгорнутыя. Іх значэнне больш поўна раскрываецца менавіта ў кантэксце, дзе на семантыку метафарычнай канструкцыі працуюць і іншыя семантычна напоўненыя моўныя адзінкі, якія фарміруюць заўсёды складаны, падчас кантрасны стан чалавечай душы:

*Але быў салаўіны вечар,
І прытварацца не варта,
Стаю, які ёсць,*

Перапоўнены радасным болем.

У канцэнтраваным паэтычным выглядзе падае ўсе сказаныя асаблівасці аўтарскай катэгарызацыі і канцэптуалізацыі душы паэма «Маладосць у паходзе»:

*Калі табе, малому, распірала
Ад шчасця сэрца, грудзі, рукі, ногі,
Хацелася спяваць і кулдыкацца
(Чорт ведае чаму!) на мураве...*

У гэтых радках на канцэпт «радавацца» працуюць усе па-мастацку падабраныя лексемы. Такое уражанне, што дзіцячае пачуццё радасці паэт пранёс праз усе гады цяжкасцей і выпрабаванняў і захаваў яго ў некранутым стане, а затым падарыў нам.

Канцэпт «смуткаваць» даволі выразна праходзіць праз увесь акрэслены перыяд творчасці паэта і прадстаўлены семамі 'гараваць', 'перажываць', 'смуткаваць', 'сумаваць', 'журыцца', 'засмучацца', 'бедаваць', 'сохнуць', а таксама семай 'плакаць', таму што яна вельмі набліжана сваім значэннем да семы 'гараваць' і завяршае прадстаўлены асацыятыўны рад. У даследаванні перыяд аўтар звяртаецца да згаданай тэмы больш за 90 разоў. Гэта дазваляе нам меркаваць аб тым, што думкі паэта ахоплены трывогай за лёс сваёй краіны ў часы ваеннага ліхалецця. Тэма смутку даволі ярка прадстаўлена і ў больш позніх вершах Пімена Панчанкі. Ён непасрэдна гаворыць аб тым, што сумуе сам. Прычым, нагодай для яго суму могуць быць самыя розныя рэчы: гэта і сум па Радзіме, якую ён пакінуў, хоць і не на доўгі час, як у вершы «Нью-Йоркскія малюнкi» (*Я бачыў Рым, Парыж і Прагу // І пакланіўся іх красе. // А на цябе гляджу са страхам // І ўжо сумую*

пакрысе). Сумуе паэт і па прычыне недахопу часу, які пазбаўляе яго звычайных чалавечых радасцей, як у вершы «Мінск едзе па грыбы» (*Блукаюць грыбазбіры, // Якожа рэхам лес. // А я сумую шчыра, // Што ў пекла спраў залез*), і па прычыне перажытых раней радасцей і пачуццяў ад убачанага ці перажытага, якія сталі часткай самога паэта, як у вершах «Акіян» (*На нашых палях – ледзяная зіма, // Я ў нейкай шпакімі зімую. // Заву акіян, // А яго ўсё няма, // І сэрца па штормах сумуе*) і «Няма на свеце земляў непрыгожых»: *Я бачыў землі шчасця і пакут, // Іх лёс – іх шлях // Цяпер мяне трывожыць*. Вядома, паэт сумуе і па сваёй малой радзіме: *Я йшла за табой з магілёўскага бору, // Бо ведала: будзеш тужыць на чужыне // Па мне ты* (Сустрэча з бярозай) і інш.

З мэтай перадачы пачуцця суму, тугі паэт зноў звяртаецца да метафары: адухаўляе прыроду, рэчы, робячы іх маніфэстантамі сваіх думак і пачуццяў. Тут ужо метафары сімвалізуюць страх, боль, смутак, нянавісьць, смерць. Вось некаторыя з іх: *Загляне прамень залаты // У зорную прабоіну – // Тры месцы жураціца пустых // Па трох адважных войнах* (Помнік); *І Тарас у Пецярбурге ішоў праз слёзы, // На яго шляху журыліся бярозы...* (Край паэтаў); *Ты чуеш, дружка мой, як плачуць журавы // Над зарывам асенніх журавін? // Зіма сцюдзёная іх гоніць з цёплых хатак, // Ад родных ніў, ад ціхае ракі* (Журавы) і інш.

Для перадачы пачуцця суму аўтарам выкарыстоўваюцца і адпаведныя дзеясловы (*плакаць, сумаваць, журыцца, тужыць, трывожыцца, пакутаваць, галасіць, стагнаць, кіпець* і інш.), і словазлучэнні, дзе сэнсавую нагрукку бярэ на сябе спалучальнасць дзеясловаў лексемы (*растрывожыць душу; сядзець журботна; скалануцца ад горкае думкі; плакаць тужліва; плакаць ціха; плакаць ад сілы; плакаць уголас; галасіць то працяжна, то сіпла; заходзіцца ад плачу, ад жалю; галасіць нема; абмываць слязамі; стаць балюча; заламаць рукі ў тузе* і інш.).

Выкарыстання паэтам метафарычных канструкцый найлепшым чынам дапаўняюць агульны малюнак канцэпту «смуткаваць», напрыклад: *туга нахлынула; туга ляжыць на сэрцы; туга гняць; сэрцы занююць у трывозе; наліваць сэрцы пакутай; сціскаць сэрца; балець зямлі; не гаснуць болю і суму; гаснуць, гаснуць ціха ад тугі; ныць сэрцу; налівацца салодкаю злосцю; разрывацца ад ярасці* і інш.

Дыяпазон магчымасцей пералічаных моўных сродкаў – ад перадачы лёгкага пачуцця суму да ўсёпаглынальнага пачуцця горычы і гора, дзе тэкстаарганізуючую і сэнсаўтваральную функцыю ўтрымліваюць у сабе менавіта дзеясловы.

Пімен Панчанка выкарыстоўвае і індывідуальна-аўтарскія знаходкі для эксплікацыі сваіх пачуццяў, напрыклад: *горбіцца ад гора; горбіцца ад адзіноты і смутку; гадаваць тугу; смылець вачам ад слёз; налівацца салодкаю злосцю; не гаснуць болю і суму; абсохнуць ад горкай расы* і інш. Калі браць па вялікім рахунку, то большасць словазлучэнняў, якія канцэптуалізуюць паняцці «радавацца» і «смуткаваць», з'яўляюцца індывідуальна-аўтарскімі і непаўторнымі. І ў гэтым увесць Пімен Панчанка: непаўторны і індывідуальны, сапраўдны носьбіт і знаўца нацыянальнага слова.

На наш погляд, верш «Схема жыцця», які напісаны паэтам у канцы 70-х гадоў, – яскравае сведчанне таго, што канцэптуальная карціна свету паэта з цягам часу практычна не змянілася. Ён працягвае сумаваць і надсумоўваць пройдзенае, рабіць прагнозы...

Робім да стомы.

Цянемся. Марым.

Век здаганнем. Героямі ходзім.

Зьяем, як сонца. Чарнеем, як хмары.

Нешта губляем. Амаль не знаходзім.

Моцна кахаем. Ад шчасця заходзімся.

Рады, як чэрці. Як людзі сумуем.

Сварымся. Мірымся. І разыходзімся.

Дзён не хапае. Тыдні марнуем.

Думаецца, у гэтым урыўку адлюстравана ўся фактуальная і падтэкставая інфармацыя, якая прасякнута радасцю і горам, роспаччу і надзеяй. Менавіта такім чыгачы бачылі Пімена Панчанку і на пачатку яго творчага шляху, і пазней, і значна пазней. Яго паэзія, яго мова дэкларуе ісціны неабходныя і вечныя. У радках яго вершаў адлюстравана філасофія жыцця беларуса [5, 233–239].

Вывады

Відавочна, што канцэпты «радавацца» і «смуткаваць» можна аднесці да базавых катэгорый, з дапамогай якіх ажыццяўляюцца кагнітыўныя аперацыі па глыбінным пазнанні рэчаіснасці. Канцэптуалізацыя і катэгарызацыя гэтых паняццяў дапамагае здабыць веды не толькі

аб асобна ўжытым чалавеку, паэце, пісьменніку, але і аб іх сучасніках і гістарычных абставінах. Мова іх твораў акумулюе ўсю энергію часу, як станоўчую, так і адмоўную. Яна становіцца маніфэстантам думак і пачуццяў не толькі асобнага чалавека, але цэлай нацыі, цэлага народа.

Літаратура

1. Пименова, М. В. Об эволюции концептуальной системы / М. В. Пименова // Лингвистика XXI века : сб. науч. ст. : к 65-летию юбилею проф. В. А. Масловой / сост. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 944 с. (Серия “Концептуальный и лингвальный мир”). Вып. 3). – С. 20.
2. Красных, В. В. Воспроизводимость как лингво-культурный феномен / В. В. Красных // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.) : труды и материалы / сост.: М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов. – М. : МАКС Пресс, 2007. – С. 23.
3. Зайнуллина, Л. М. Этапы категоризации и фазы концептуализации / Л. М. Зайнуллина // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.) : труды и материалы / сост.: М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов. – М. : МАКС Пресс, 2007. – С. 17.
4. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М. : изд-во ИКАР. – С. 36.
5. Зубкова, Л. Г. Типологическая мотивированность русского звукового строя / Л. Г. Зубкова // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.) : труды и материалы / сост.: М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов. – М. : МАКС Пресс, 2007. – С. 18–19.

Summary

The article deals with the questions of the Belarusian poetic world formed in the aspects of categorization and conceptualization of joy and sorrow as universal fragments of the language, conceptual and artistic patterns of the world. Such concepts as “rejoice” and “sadden” are supposed to be significant for the Belarusian national linguistic consciousness. They have been investigated as crucial ones in the poetry of Pimen Panchenko. The results of the investigation have been presented in the connection with the modern scientific paradigm.

Паступіў у рэдакцыю 25.03.14

УДК 37.02

**САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБЩЕНИИ
И ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА****Н. Г. Новицкая**

преподаватель кафедры иностранных языков УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ

И. Н. Бараиш

студентка физико-математического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, РБ

В статье подчёркивается роль самопрезентации в иноязычном общении, предпринимается попытка систематизации современных подходов к обучению самопрезентации на занятиях по иностранному языку. Мы акцентируем внимание на системе упражнений, способствующих формированию навыков самопрезентации на уроках английского языка.

Введение

Сегодня, когда в человеке ценятся, в первую очередь, его коммуникативные качества: коммуникабельность, мобильность, уверенность и лёгкость в общении, способность говорить логично и умение аргументировать свою точку зрения, интерес к самопрезентации резко возрос. Вступая в процесс взаимодействия с другими людьми, мы, так или иначе, задумываемся о том, какое впечатление мы производим на окружающих, какие стратегии способствуют формированию положительного образа своего «Я». Современная жизнь требует от человека умений представить себя с помощью речи, жестов, мимики и пластики, а также продемонстрировав хорошие манеры или блеснув эрудицией, проявив личностные черты, такие, как коммуникабельность, мобильность, умение сотрудничать в различных ситуациях: начиная от ситуаций повседневного общения до трудоустройства и публичных выступлений. Кроме того, сегодня, когда открыты границы и есть возможность общаться и обмениваться опытом с представителями других лингвокультур, назревает потребность в способности презентовать себя в рамках межкультурной коммуникации. Таким образом, управление впечатлением рассматривается не только как какая-то манипуляция, но и как необходимый элемент самореализации.

В силу того, что способность к самопрезентации становится главным качеством, предъявляемым к современным специалистам, обучать этому нужно уже в школе. Свидетельством того, что это становится актуальным, является также и то, что сегодня в нашей стране проводятся различные конкурсы международного и республиканского масштаба, которые акцентируют внимание на презентационных способностях личности. Например, Союз английского языка в Беларуси (English Speaking Union in Belarus) при поддержке Международного Союза Английского Языка принимает участие в Международном конкурсе ораторского искусства (International Public Speaking competition), где возраст участников от 16 до 20 лет. Гомельская гимназия № 71 проводит ежегодный областной конкурс «Искусство говорить» (The Art of Speaking), где возраст участников 12–15 лет. В связи с этим данное исследование является актуальным и востребованным. Оно ориентировано на достижение результатов в исследовании данной проблемы в области межкультурной коммуникации.

Проанализировав ряд работ и научных исследований по данной проблематике (Стернин И. А., Ларина Т. В., Леонтович О. А., Варганов А. В., Войтова С. А., Григорян А. В., Гудков Д. Б., Дмитриева С. В., Ерыкалов А. Б., Красных В. В., Куликова Л. В., Михалькевич Г. Н. и другие), мы дали своё определение термину *коммуникативная самопрезентация*, под которой понимаем особую форму совместной коммуникативной деятельности, имеющей своей целью целенаправленное и мотивированное формирование положительного образа своего «Я» в глазах внешней и внутренней аудитории, а также выработку стратегий демонстрации своего «Я-образа», представляющих собой единство речевых действий, языковых средств и невербальных средств коммуникации, позволяющих оказывать убеждающее воздействие на собеседника или аудиторию.

Но, оценивая чьё-либо коммуникативное поведение или выстраивая своё, необходимо также помнить о его зависимости от культуры, в рамках которой происходит взаимодействие.

Унікальнасць камунікатывнай самопрэзентацыі ў рамках міжкультурнай камунікацыі заключаецца ў тым, што яна трэбуе як «знанняў (кагнітыўны аспект) о спосабах выражэння станоўчага адносінаў ў інак культуры, так і навыкаў (канататывны аспект) выражэння такога адносінаў» [1, 148]. Іншымі словамі, фармірую станоўчы образ свайго «Я» ў рамках інак культуры, мы павінны ўмець выбіраць спосабы самопрэзентацыі, свайственыя іменна гэтай культуры, ідучы звычаям, правіламі паводзінаў, асабнасцямі ўжывання вербальных і невербальных спосабаў камунікацыі. Такім чынам, самопрэзентацыя ў рамках міжкультурнай камунікацыі культурна ўзасловлена і адрэдаляецца культурой таго ці інак народа і камунікатывным паводзінам, якое складваецца з камунікатывных нормаў і традыцый, іх нацыянальна-культурных асабнасцей, характэрных для канкрэтнай лінгвокультуры.

Согласно прыведённаму вышэ адрэдаляенню, ў даннаму ісследованні мы выдзелілі наступныя асабнасці камунікатывнай самопрэзентацыі ў інаязычным абшчынн. Во-первых, гэце целенаправленны мотывіраванны працэс, які адражае мотывы, на рэалізацыю якіх напавлена самопрэзентацыя, і характэрнызуе тое садржательны образ, які субьект стравітся донесці да свай аудыторыі за счёт вербальных і невербальных спосабаў камунікацыі, свайственых той ці інак культуры. Во-вторых, самопрэзентацыя ў інаязычным абшчынн культурна ўзасловлена. Гэце значыт, што ўспех ёй рэалізацыі завасыт ад таго, насколькы мы валдаем нормама і культурой паводзінаў ў рамках таго ці інак лінгвокультурнага сабшчства.

Рассматривая самопрэзентацыю ў сфэре абучэння інаязычнаму абшчынну, следует адметыт, што здэс ёсць рад трудностей, прэпятствуюцых ўспешнаму фарміраванню навыкаў камунікатывнай самопрэзентацыі ў працэсе абучэння інастранным языкам. Вот асновныя з іх, якія мы выдзелілі ў нашэй работе, прааналізавав ўчебную і методіческую літэратуру. Во-первых, абученне камунікатывнай самопрэзентацыі трэбуе ад учытэля новых, актывных методов і прыёмаў абучэння інастранныму языку. В даннаму случае дэятельность учытэля должна носыт творческий характер, она должна быт напавлена на развтыте у учащыхся камунікатывно-речевых умений. Учытэлю, в некторой степенн, боязно «пусыт в ход» новые методы і прыёмы абучэння інастранныму языку, ілі умело сочэтать іх с традыцыйнымн методами і формамн. Во-вторых, абученне навыкам камунікатывнай самопрэзентацыі должно быт орыентировано не просто на созданне сывуацын реального абшчынн, а на созданне дыалога участннков, в ходе которого разнаобразные працэсы самовыражэння протэкают более эффэктывно, где учынк учытс не просто собшчынну інформацын, но і взамодействыю. Гэце, в свою очередь, создаёт трудности для учынкнов, так как нынешнне учынкы недостаточно валдеют навыкамн дыалогического абшчынн не только на інастранным языке, но і на родном. Кроме того, сывстествуе недостаточная напавняемость учебннков і учебных пособнн соотвэствующымн упражнненнма і соотвэствующым учебным матерыалом.

В даннаму ісследованні мы прэдагаем сывстему упражнненн і заданнн, якія можно ісползовать на уроках англійского языка для фарміравання навыкаў самопрэзентацыі. Для гэтого мы ізначально адрэдалялі цель абучэння камунікатывнай самопрэзентацыі на уроках інастранным языка. Ёй мы рассматриваем как *фарміраванне у учащыхся умений самопрэзентацын с ўчётм асабнасцей інаязычного камунікатывного паведення*. Конечным рэзулътатом данной цели, согласно прыведённаму адрэдаляенню, должно стать фарміраванне лчннстн, способной прэзентовать себя на міжкультурном уровне с ўчётм асабнасцей вербального і невербального камунікатывного абшчынн; лчннстн, способной выбрать правыльную лнню камунікатывного паведення с ўчётм асабнасцей культуры таго ці інак лінгвокультурнага сабшчства.

Резулътаты ісследованнн і іх абсудженне

Спечыфіка абучэння спосабама выражэння камунікатывнай самопрэзентацыі на уроках інастранным языка заключаецца ў тым, што необходимо не просто начытть міжкультурнаму абшчынну, нужно начытть выражать своё «Я» с помощью вербальных і невербальных спосабаў камунікацын ў рамках гэтого абшчынн. Поэтому при організацын абучэння мы ісходым з таго, што обязательнымн навыкамн і умениямн, якія должны прнобретн учащыеся в соотвэствнн с поставленной целью, являются перцептывно-стратегические і камунікатывные навыки і умения, якія, в свою очередь, прэдаставлены языковымн, речевымн і техническимн навыкамн і умениямн. Учытывая спечыфіку працэса самопрэзентацын, мы полагаем, что упражнненн, цель

которых формирование и совершенствование умений и навыков в данной сфере, должны совмещать в себе следующие характеристики:

- коммуникативная направленность, которая связана с готовностью осуществлять своё речевое и неречевое поведение, принимая во внимание правила общения и национально-культурные особенности страны изучаемого языка. Она предполагает обучение как языковым (лексико-грамматические средства самопрезентации), так и речевым (логичность, связность, аргументированность и убедительность речи) аспектам самопрезентации, а также обучение невербальным средствам самопрезентации;

- психологическая направленность, которая развивает умение держать себя уверенно с другими людьми, публично выступать, строить взаимодействие с другими людьми как на вербальном, так и невербальном уровнях; контролировать своё эмоциональное состояние и интерпретировать эмоциональное состояние собеседника или аудитории; умение прогнозировать ситуацию и поведение собеседника в данной ситуации; умение выстраивать своё поведение согласно имеющейся информации.

Большое значение мы придаём тем упражнениям, которые направлены на формирование навыков и развитие умений практического владения коммуникативными средствами самопрезентации. Здесь на первое место мы ставим упражнения, которые учат эффективно использовать вербальные и невербальные средства самопрезентации, а также устанавливать взаимопонимание в процессе взаимодействия, формируют способность устанавливать контакт с собеседником или аудиторией, управлять своим эмоциональным состоянием, вызвать доверие и симпатию к своему образу и расположить к себе собеседника. В первую очередь это коммуникативно-интерактивные упражнения, которые нацелены на формирование ритмико-интонационных навыков, способствующих выразительности речи; на формирование языковых навыков, способствующих адекватному выбору слов/словосочетаний и грамматических конструкций согласно ситуации, а также наполнению речи контрастными лексическими единицами (синонимы, антонимы), эмоционально-оценочной лексикой (слова, называющие эмоции; слова-индикаторы экспрессии или слова-интенсификаторы), аргументированной лексикой и грамматическими конструкциями аргументации (вводные слова, конструкции выражения согласия или несогласия, подтверждения или опровержения той или иной точки зрения; фразы предпочтения и убеждения), а также конструкциями акцентирования внимания и проявления внимания к речи собеседника; на развитие умений аргументации и последовательного и логического изложения мысли; на развитие умений вносить ясность и целесообразность в своё высказывание; на развитие умений соотносить невербальную коммуникацию с речевым высказыванием. К данной группе упражнений мы отнесли:

algorithmic tasks (задания-алгоритмы. Суть их заключается в переходе от того, что дано, к тому, что требуется получить и построении на основе этого своего ответа. Каждое из таких заданий сопровождается чёткой инструкцией и ключевыми словами, которые способствуют выражению той или иной мысли);

imaginary-tasks (суть этих заданий заключается в том, что каждое упражнение направлено на представление учащимся какой-то мини-ситуации и её драматизацию. При этом в каждом упражнении даётся чёткая инструкция и последовательность выполнения действий с ключевыми словами);

selective tasks (данные задания направлены на самостоятельный выбор эмотивной лексики согласно ситуации и построение логического высказывания с этими словами).

Особое место в нашей системе упражнений по обучению коммуникативной самопрезентации на уроках английского языка занимают тренинговые задания. Они способствуют развитию стратегических умений самопрезентации и наиболее эффективны в обучении невербальным средствам самопрезентации, так как учат создавать эмоциональный климат во время взаимодействия, планировать и учитывать пространство взаимодействия, регулировать собственное невербальное поведение, в частности, мимику, жесты, манеру сидеть или стоять, а также развивают способность интерпретировать невербальное поведение других. Тренинговые задания ставят сложные коммуникативные задачи. Они представляют собой мини-ситуации, где обучаемые должны проявить свои коммуникативные способности как на вербальном, так и невербальном уровнях, а также способность адекватно выбирать стратегии самопрезентации, интерпретировать своё коммуникативное поведение и коммуникативное поведение своих товарищей, давать оценку как своему поведению, так и поведению других.

Выводы

Мы рассматриваем самопрезентацию, таким образом, как форму коммуникативной деятельности, а потому даём определение не просто термину самопрезентация, а термину коммуникативная самопрезентация. Акцент делается на том, что самопрезентация важна и в иноязычном общении, то есть в общении на межкультурном уровне. И здесь необходимо учитывать тот факт, что коммуникативная самопрезентация культурно обусловлена, то есть она зависит от норм и правил поведения в рамках того или иного лингвокультурного сообщества. Мы даём теоретическое обоснование системы обучения самопрезентации на занятиях английского языка. По итогам исследования, основным средством обучения учащихся самопрезентации является специально разработанная система упражнений, включающая коммуникативно-интерактивные упражнения и тренинговые задания.

Литература

1. Елизарова, Г. В. Культура и обучение иностранным языкам / Г. В. Елизарова. – СПб. : КАРО, 2005. – 351 с.

Summary

The article deals with the role of self-presentation in communication's process. It is made the attempt to systemize the modern approaches to self-presentation training at the lessons of foreign languages. We pay attention to the system of exercises which are aimed to help to form the skills of self-presentation during English lessons.

Поступила в редакцию 27.03.14

УДК 811.112.2.373

**ПРОТОТЕРМИНЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘СУБЪЕКТЫ КРЕДИТНОЙ СДЕЛКИ’
В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА****Н. Н. Приступа**аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ, г. Минск, РБ
Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор А. А. Кожина

В статье рассмотрен состав прототерминов лексико-семантической группы со значением ‘кредитор’ и ‘должник’ в немецком языке XI–XVIII вв., их этимология, специфика формы, содержательная структура и парадигматические отношения между ними. Установлена зависимость количественного развития группы от конкретно-исторического состояния кредитных отношений; неустойчивость формы прототерминов связывается с отсутствием орфографической, фонетической и словообразовательной нормы в немецком языке старшей поры; недостаточность семантической дифференциации номинаций объясняется неразвитостью системы логически связанных понятий о кредите в донаучный период.

Введение

Начальный этап истории немецкой народности связан с историей близкородственных германских племен и относится к эпохе раннего средневековья, к V–IX вв. В процессе создания первого германского государства, как отмечают исследователи, лидировали франки [1, 20]. В недрах созданной ими державы Меровингов, сменившейся империей Каролингов, в течение VI–IX вв. на основе племенных диалектов происходило формирование как языка французской народности – на западе, так и немецкой – на востоке.

Решающим событием, повлиявшим на складывание языка немецкой народности, стало разделение в IX веке империи Каролингов на три феодальных государства и появление на землях Баварии и прилегающих областей Восточно-Франкского королевства (будущей Германии) как самостоятельного политического образования. Примечательно, что к этому времени уже возникает письменность на немецком языке [2, 13].

Первые письменные тексты на немецком языке появились еще в VIII веке при Карле Великом. Это были глоссы, т. е. словари к латинским текстам (VIII–IX вв.), а также переводные памятники, содержавшие подстрочные переводы, например, Устав монахов-бенедиктинцев монастыря Сан-Галлен (конец VIII в.) [1, 293]. Следовательно, начало письменной истории немецкого языка можно датировать именно VIII веком.

Последующая история немецкого языка традиционно делится на три периода: VIII–XI вв. – древневерхненемецкий (двн.); XII – середина XIV в. – средневерхненемецкий (свн.); середина XIV в. по настоящее время – новеверхненемецкий (нвн.) [1, 28], [2, 11]. В новеверхненемецком периоде также выделяют с 1350 по 1650 гг. ранненовеверхненемецкий (рнвн.) этап, на котором закладываются основы письменной нормы новонемецкого национального языка

В течение названных периодов вместе со становлением и развитием общенародного словаря происходит и формирование лексики специального назначения, обслуживающей особые сферы человеческой деятельности, в том числе кредитную. О существовании такой деятельности у древних германцев сохранились свидетельства так называемых «варварских правд» (лат. *leges barbarorum* – законы варваров). Эти памятники правовой мысли свидетельствуют (на латинском языке) о заметной роли кредита в экономической жизни германских народов, уже начиная с V – середины VI вв. [3, 33–35]. Например, Вестготская правда (2-я пол. V в.) содержит статью о залогах и долгах; Салическая правда (нач. VI в.) – о должниках, залогах, долговых обязательствах и наказаниях за неуплату долга и т. п. [4].

Кредит, будучи категорией социально-исторической, как любое общественное отношение, имеет свою историю, отражающую развитие экономических связей в обществе. Однако независимо от времени «кредит представляет собой передачу в пользование материальных ценностей в денежной или товарной форме на условиях возвратности, срочности и платности» [5, 200] от одного лица другому. Следовательно, сущностными характеристиками кредитных

отношений на всех этапах их эволюции являлось наличие субъектов, участников кредитной сделки.

В данной статье предпринята попытка исследовать некоторые особенности формирования кредитной терминосистемы в немецком языке XI–XVIII вв. на примере прототерминов, называющих субъектов кредитных отношений. По определению С. В. Гринева-Гриневича, «прототермины – это специальные лексемы, появившиеся и применяющиеся в донаучный период развития специальных знаний» [6, 44]. XVIII век определен в качестве верхней хронологической рамки именно потому, что с него начинается научный период в исследовании теории кредита (работы А. Смита и Д. Рикардо).

Изучение состава прототерминов лексико-семантической группы (ЛСГ) «Субъекты кредитной сделки», специфики их содержательной структуры и формы может быть показательным для определения экстра- и интралингвистических факторов, влияющих на становление специальной лексики, способствует выявлению особенностей функционирования специальной лексики в определенных исторических условиях, позволяет уточнить время их появления в языке – словом, служит постижению объективных тенденций развития терминологических средств и соответствующих терминосистем в конкретном языке. На актуальность подобных исследований в свое время указывал В. В. Виноградов, подчеркивающий, что «история термина – это проблема не только национально-историческая, но и интернациональная, проблема истории науки и проблема истории человеческих цивилизаций, истории культуры группы народов» [7, 8].

При исследовании формирования терминологии в сфере кредитных отношений необходимо учитывать фактическое содержание изучаемого понятия на определенных исторических этапах, то есть некоторую систему знаний, стоящих за понятием «субъект кредита». Известно, что древнейшим, исконным видом кредита в Европе было ростовщичество, но к XVIII в. появился кредит коммерческий, банковский, ипотечный [8, 150]. Следовательно, в группе рассматриваемых номинаций нужно ожидать наличия обобщенных обозначений лица, дающего или берущего в долг; обозначений ростовщика, соотносимых с ростовщичеством, а также номинаций кредиторов, представляющих новые виды кредита. Материал исследования (в данной статье это наименования субъектов кредитной сделки, функционирующие в истории немецкого языка), извлеченный в ходе сплошной выборки из Немецкого словаря братьев Гримм [9] и Словаря немецкого делового языка (Словарь языка купцов) А. Ширмера [10], подтверждает высказанное предположение.

Результаты исследования и их обсуждение

Состав анализируемой ЛСГ достаточно обширен: отмечено около 50 номинаций лица, дающего в долг (кредитора), и лица, берущего в долг (заёмщика). Первое значение, так или иначе, могли реализовать слова *borger*, *gelter*, *glauber*, *gläuber*, *gläubiger*, *gulther*, *gülter*, *wucherer*, *wucherin*, *leiher*, *leihherr*, *gurgelstecher*, *hypothekar*, *hypothekrägläubiger*, *fenerator*, *geldschneider*, *kopfab Schneider*, *kreditor*, *pfänder*, *pfandmann*, *pfandsmann*, *pfandgläubiger*, *würger*, *abwürger*.

Номинациями должника выступают лексемы *borger*, *gelter*, *gülte*, *gülter*, *glaubner*, *glaubnehmer*, *gegenschuldner*, *pfandschuldner*, *schuldner*, *sculdenaren*, *schuldner*, *schuldnernin*, *selbstschuldner*, *selbschol*, *schuldmann*, *schultman*, *scholman*, *soller*, *leiher*, *restant*, *restierer*.

Преобладающее число номинаций, образующих рассматриваемую ЛСГ, реализует обобщенные значения 'заимодавец, кредитор'. Это слова *borger* 'дающий займы' [9, II, 241], *gelter* 'заимодавец, кредитор' [9, IV, I,2, 3068], *glauber*, *gläuber* 'кредитор' [9, IV, I,4, 7880,7985], *gläubiger*, *gläubiger* 'заимодавец, кредитор' [9, IV, I,4, 7890, 7902], *gulther*, *gülter* 'кредитор' [9, IV, I,6, 1070, 1084], *leiher* 'тот, кто дает ссуду, заем' [9, VI, 550], *leihherr* 'тот, кто дает займы, ссужает' [9, VI, 1690]. Сюда же можно отнести слова латинского происхождения, способные реализовать названное значение в числе других: *fenerator* 'заимодавец' [10, 67], *kreditor* 'кредитор' [10, 113].

Значение 'ростовщик', называющее субъекта древнейшего вида кредита, представлено наибольшим числом номинаций: *wucherer* 'ростовщик; процентщик; лихоимец' [9, XIV, II, 1700], *wucherin* 'процентщица' [9, XIV, II, 1702], *würger*, *abwürger* (бран.) 'ростовщик (безоглядно стремящийся к своей выгоде)' [10, 212, 78], *geldschneider* 'ростовщик' [9, IV, I,2, 2920], *kopfab Schneider* (просторечн.) 'ростовщик; процентщик; лихоимец' [9, V, 1770], *gurgelstecher*

(переносн.) ‘ростовщик’ [9, IV, I, 6, 1156], *fenerator* (с XVI в.) [10, 67], *kreditor* [10, 113]. О древности ростовщического кредита косвенно свидетельствует факт фиксации ныне устаревшего слова *wucherer* ‘ростовщик; процентщик; лихоимец’ с 1100 года в древневерхненемецком и средненемецком языках [9, XIV, II, 1700].

В связи с развитием торговых домов, занимавшихся банковскими операциями, а затем и банков в группу прототерминов, обозначающих субъектов кредитной сделки, в XIV–XVI вв. входит многозначное слово *fenerator*, способное, наряду со значениями ‘заимодавец; ростовщик’ реализовать значение ‘владелец ссудной кассы’ [10, 67], а также слово *kreditor* с аналогичными лексико-семантическими вариантами в содержательной структуре [10, 113].

Наконец, вновь появляющиеся виды кредита, связанные с залогом имущества, обусловили вхождение в исследуемую группу на протяжении XVI–XVIII вв. лексем со специализированным значением: *hypothekar*, *hypothekräugläubiger* ‘кредитор по закладной, ипотечный кредитор’ [10, 86], *pfänder* ‘владелец залога’, *pfandmann*, *pfandsmann* ‘залогодержатель’, *pfandgläubiger* ‘тот, кто ссужает в залог, владелец залога (недвижимого имущества)’ [9, VII, 1608, 1611, 1609].

В подгруппе обозначений заёмщика выступают номинации с обобщенным значением ‘тот, кто берет займы’ или ‘должник’: *borger* ‘берущий займы’ [9, II, 241], *leiher* ‘тот, кто берет займы’ [9, VI, 550], *gelter* ‘должник’ [9, IV, I, 2, 3068], *gülte* ‘должник’, кредитор [9, IV, I, 6, 1080], *gülter* ‘должник’ кредитор [9, IV, I, 6, 1084], *gläubner* ‘должник, кредитор’ [9, IV, I, 4, 7910], *gläubnehmer* ‘должник’ [9, IV, I, 4, 7931], *schuldner*, *sculdenaren*, *schuldner* ‘должник’ [9, IX, 1923], *schuldnerin* ‘должница’ [9, IX, 1924], *schuldmann*, *schultman*, *scholman* ‘должник’ [9, IX, 1920].

Некоторые из обозначений должника содержат в смысловой структуре дополнительные компоненты значения: *gegenschuldner* ‘взаимные должники’ [9, IX, 1923], *pfandschuldner* ‘должник по закладной, залог’ [9, VII, 1620], *selbstschuldner* ‘настоящий должник, в противоположность к поручителю’ [10, 174], *restant*, *restierer* ‘должник, не погасивший часть долга’ [9, XVII, 823].

Обращает на себя внимание наличие в каждой из подгрупп фонетических и словообразовательных вариантов номинаций (*gläuber*, *gläuber*, *gläubiger*, *gelter*, *gülte*, *gülter* и др.), что, на наш взгляд, информативно для определения времени их появления. Такая вариантность обусловлена отсутствием прочной орфографической традиции на ранних этапах развития немецкого (как, впрочем, и русского) языка. Известно, что письменность на немецком «народном» языке (*diutisc*) возникла как вспомогательное средство при обучении латыни в монастырских школах. В основу немецкого алфавита был положен латинский, который пришлось приспособлять к фонетическому строю немецкого языка [1, 33]. Это приспособление осуществлялось стихийно, каждая монастырская школа следовала своим правилам, и в результате характерной чертой большинства памятников древневерхненемецкого языка стало появление вариантных звуковых форм и написаний, в которых нашли отражение особенности разных диалектов.

Указание на вариантность формы ряда номинаций на разных исторических этапах вообще позволяет предполагать, что эти лексемы возникли в старший период истории немецкого языка. Так, наличие в словарной статье разновременных графико-фонетических вариантов свидетельствует, например, и о давнем происхождении номинации *wucherer* (двн. *wuochirari*, свн. *wuocherære*, см. *wokerer*) [9, XIV, II, 1700]. На этом же основании древнейшим обозначением должника следует считать существительное *schuldner*, которое в памятниках древневерхненемецкого периода зафиксировано в форме *sculdenaren*, в средневерхненемецких – *schuldner*, в средненемецких – *schuldner* [9, IX, 1923]. В разных формах отмечено и слово *schuldmann* ‘тот, кто дает, берет займы’ в средневерхненемецком языке – *schultman*, *scholman* и др. [9, IX, 1920].

Недостаточно отчетлива в рассматриваемой ЛСГ и семантическая дифференциация названий субъектов кредитных отношений. Во-первых, в содержательной структуре ряда номинаций потенциально присутствуют сразу два противоположных значения – ‘лицо, дающее в долг’ и ‘лицо, берущее в долг’, т. е. имеет место явление энантиосемии. К энантиосемичным названиям, способным в зависимости от контекста реализовать противоположные смыслы, относятся, в частности, следующие слова и их варианты:

1) *gelter* ‘тот, кто должен платить’ (*bekennet ein gelter vor gerichte, das her unvorzogenlich sulde haben bezaltuf einen vorgangen tag*) и ‘тот, кому должны платить’ (*der sol gelten sime gelter*)

[9, IV, I,2, 3068]; *gulther, gültter* – ‘кредитор’ (*hat er (der schuldner) dann nit zu gelden, so mach in (den kläger) zu einen geschworenen gulther gelter*) и ‘должник’ (*wir haben noch so vil der paurn, desgleichen gulther, gelt und korn*) [9, IV, I,6, 1084];

2) *schuldiger* – ‘кредитор’ (*den auszfluchtigen dem schuldiger zu seyner schulde ... behalten*) и ‘должник; тот, кто должен деньги’: *es soll keiner der zum landfrieden gehört, einer den andern bekummern oder beklagen, dann seinen rechten schuldiger* [9, IX, 1914]; *schuldmann* ‘должник’: *do der scholtman sesszehafftigk ist*; редко ‘кредитор’: *wenn ich sein einziger schuldmann wäre* [9, IX, 1920];

3) *leiher* ‘тот, кто дает ссуду, заем’: *darum ists klar, das solche leiher ... wucherer sind* – и ‘тот, кто берет займы’: *ich habe ein buch verliehen, ich weisz aber im augenblicke nicht, wer der leiher ist* [9, VI, 550].

Обозначением человека как дающего, так и берущего займы могло выступать и слово *borger*. Чаще оно реализовало значение ‘должник’ (*ein borger und wucherer ist erger denn eindieb* [9, II, 241]; ‘берущий займы’, выступая как антоним существительного *leiher* в значении ‘дающий займы’: *und gehet dem verkeufer wie dem keufer, dem leiherr (кредитор) wie dem borger (заемщик), dem manenden wie dem schuldiger*. Однако в пословице *Der Borger* (кредитор) *musz auf den zahler denken*, датированной в Словаре братьев Гримм 1482 годом [9, II, 241], слово *borger* употребляется в значении ‘кредитор’.

Не исключено, что именно с перечисленных номинаций начиналось складывание группы специальных обозначений кредитора и заёмщика. Эти номинации формировались, как правило, на основе общенародной глагольной лексики с использованием агентивного суффикса *-er*: *gelter* ← *gelten* ‘стоять’, ‘уплачивать’ [9, IV, I,2, 3068]; *schuldiger* ← *schulden* ‘быть должным, обязанным’ [9, IX, 1914]; *borger* ← *borgen* 1. ‘давать займы’, 2. ‘брать займы’ [9, II, 241]; *leiher* ← *leihen* 1. ‘давать займы (деньги, товары, а также людей в услужение)’ 2. ‘давать, передавать что-либо с какой-либо целью’; 3. ‘брать займы’ [9, VI, 550] и др. Глаголы выражали представление о деятельности участников кредитной сделки и потенциально содержали оба значения. В результате и *nomina agentis* могли выступать обозначением обоих субъектов кредита.

О нечеткости семантики прототерминов говорит не только энантиосемия, но и наличие в составе анализируемой ЛСГ слов с дублетной семантикой. К примеру, обобщенное значение ‘дающий займы, ‘заимодавец’ выступает в семантической структуре следующих номинаций: *gelter, glauber, gläuber, gläubiger, gelter, gülttherr, gültter, leiher, leihherr, borger*. Значение ‘должник’ тоже могли реализовать разные лексемы: *borger, gelter, gülte, gültter, glaubner, glaubnehmer, schuldner, sculdenaren* (свн.), *schuldner, selbtschuldner* (свн. *selbschol*), *schuldmann, schultman* (свн.), *scholman* (свн.), *soller* ‘должник’.

Такая ситуация объясняется спецификой складывания языка для специальных целей: как подчеркивают исследователи, основным источником терминологии, рассматриваемой как в диахронии, так и в синхронии, являются слова и словосочетания общенародного языка [11, 34]. Очевидно, специальное значение у слова развивается не сразу, оно вначале не имеет четкой корреляции с определенным специальным понятием, а отражает представление о конкретном действии. Поэтому семантике древнейших прототерминов присуща нечеткость, расплывчатость, зависимость значений от контекста.

Анализ выявленного материала позволяет также связывать становление состава рассматриваемой ЛСГ с изменением видов кредита. В подгруппе номинаций кредитора древнейшими обозначениями следует считать слова со значением ‘ростовщик’. В частности, возникновение слова *wucherer* ‘ростовщик; процентщик; лихоимец’ (сейчас оно является устарелым), фиксируется, согласно словарю немецкой купеческой лексики А. Ширмера, уже в древневерхненемецком языке с 1100 г. [10, 212]. В Словаре братьев Гримм приводятся примеры употребления номинации *wucherer* с аналогичным значением в XIV–XV вв. [9, XIV, II, 1700]. Правда, этот словарь, используемый как источник материала в нашем исследовании, содержит выборку из памятников, датировка которых начинается с XV века, и не фиксирует время первого появления древнейших номинаций субъектов кредита в немецком языке. Тем не менее, анализ словарных статей позволяет уточнить эти характеристики на основе косвенных данных.

Доказательством давнего происхождения той или иной номинации может служить, как отмечено выше, наличие в словарной статье разновременных графико-фонетических вариантов. В пользу древности прототерминов говорит и энантиосемия в их содержательной структуре, диффузность семантики.

Для характеристики становления специальной лексики кредитной сферы является значимым также анализ процессов, ведущих к возникновению той или иной номинации. Так, обозначения кредитора / заемщика *gläubiger*, *gläubiger*, *glauber*, *gläuber*, производные от глагола *glauben* 'доверять, верить', являются, по сути, кальками латинского *kreditor*. Эти лексемы в словаре братьев Гримм датируются XIV–XVIII вв.

На основе собственных словообразовательных ресурсов возникали и прототермины-композицы, вторую часть которых выражает слово *mann* (человек): *schuldmann* 'должник', *pfandmann*, *pfandsmann* 'владелец залога') или *herr* (господин): *leihherr*, *gültherr*.

Заемствования из других языков в рассматриваемой ЛСГ немногочисленны. Как отмечалось, это лексемы латинского происхождения *kreditor*, *fenerator*, пришедшие из итальянского и отмеченные в Словаре Ширмера с XVI в., а также *hypothekar* (XVIII в.) от латинского *hypotheka* (XVI). Из романских языков в XVI веке пришло обозначение *restant*, тоже восходящее к латинскому глаголу *restare*, 'быть в остатке, остаться' [9, XVII, 823].

Становление состава рассматриваемой группы прототерминов связано не только с ее пополнением, но и с уходом части обозначений в общенародный язык. Так, продолжительное время бытования ростовщического кредита, для которого были характерны жесткие условия займа и высокие проценты, обусловило отрицательное отношение социума к ростовщикам. Это сказалось на смысловой структуре обозначений ростовщика, на их переносном употреблении и стилистической окраске. К примеру, согласно данным Словаря братьев Гримм, с XVI века основа *wucher* наличествует в композициях-пейоративах, не только и не столько называющих ростовщика, сколько осуждающих эту деятельность: *wuchersack* (XVI в.) 'процентный мешок'; *wucherseele* 'ростовщическая душа': *verdammte wucherseele!* (под 1828 г.), *wucherklaue* 'загребаящая рука ростовщика' (1744 г.), а также в слове *wucherjude* 'еврейский ростовщик' (1702) [9, XIV, II, 1730, 1735, 1715, 1710].

Обозначения ростовщика послужили деривационной базой для большого числа метафор с ярко выраженной негативной оценочной коннотацией, преобладающей над понятийным значением. В Словаре братьев Гримм под 1524 годом зафиксированы слова *gurgelstecher* (из *gurgel* 'горло, глотка' + *stechen* 'колоть, резать') [9, IV, I, 6, 1156], *gurgelabschneider* (из *gurgel* 'горло, глотка' + *abschneiden* 'отрезать'), что буквально означает 'головорез; разбойник; кровосос' (о ростовщике): *wer interessiert sich noch für die biedereren gurgelabschneider...* [9, IV, I, 6, 1150]. Под 1700 годом в значении 'ростовщик' отмечено слово *geldschneider* в значении 'ростовщик', идентичном значению слову 'фальшивомонетчик' (*münzbeschneider*) [9, IV, I, 2, 2920]. Компоненты эмоционально-экспрессивной негативной оценки имеет разговорная номинация ростовщика *kopfabschneider* ('головорез'), зафиксированная в Словаре братьев Гримм под 1770 годом со значением 'ростовщик; процентщик; лихоимец' [9, V, 1770]. Грубо-просторечную и эмоционально-экспрессивную окраску имеют слова-пейоративы *würger*, *abwürger* (из *würgen* 'давить, душить'; *abwürgen* 'уничтожать, душить') [10, 212, 78].

Все эти существительные являются общезыковыми синонимами прототермина *wucherer* 'ростовщик', однако можно говорить, что, начиная с XVI века, отмечается уход прототерминов с названным значением на периферию формирующейся терминологии, а затем и переход их в неспециальную сферу общения. На возможность такого развития прототерминов указывал в свое время В. И. Лейчик: «...Лексическая единица получает вторичное, метафорическое значение и начинает использоваться в неспециальной сфере» [12, 29].

Выводы

Таким образом, состав прототерминов лексико-семантической группы со значением 'кредитор' и 'должник' в немецком языке XI–XVIII вв. показателен для характеристики состояния кредитной деятельности рассматриваемого периода. В своеобразии формы номинаций кредитора и заемщика отражается отсутствие орфографической, фонетической и словообразовательной норм на старших этапах истории немецкого языка; наличие дублетных синонимов и расплывчатость семантики большей части обозначений свидетельствует о поиске оптимальных номинаций для выражения понятий об участниках кредитных отношений. Однако поскольку становление системы понятий, логически связанных с кредитной деятельностью, еще далеко от завершения, то и лексемы рассматриваемой ЛСГ еще не соответствуют статусу термина.

Літаратура

1. Жирмунский, В. М. История немецкого языка / В. М. Жирмунский. – 3-е изд. – М. : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 300 с.
2. Филичева, Н. И. История немецкого языка / Н. И. Филичева. – М. : Изд. центр «Академия», 2003 – 145 с.
3. Beyerle, Fr. Die Gesetze der Langobarden / Franz Beyerle. – Weimar : Hermann Böhlaus Verlag, 1947. – XVI/508 S.
4. Антология мировой правовой мысли (пер. И. И. Варьяш) [Электронный ресурс] – М. : Мысль. – 2 т. – 1999. – Режим доступа : http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Spain/VII/Westgot_recht/text1.htm. – Дата доступа : 02.10.2013.
5. Деньги, кредит, банки : учебник / Г. И. Кравцова [и др.] ; под ред. проф. Г. И. Кравцовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : БГЭУ, 2007. – 444 с.
6. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. – М. : Изд. центр «Академия», 2008. – 304 с.
7. Виноградов, В. В. Вступительное слово на совещании по вопросам терминологии / В. В. Виноградов // Вопросы терминологии. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 3–10.
8. Белоглазова, Г. Н. Деньги. Кредит. Банки : учебник / Г. Н. Белоглазова. – М. : Высшее образование, 2009. – 392 с.
9. Grimm, J. und W. Deutsches Wörterbuch in 33 Bänden / J. und W. Grimm Leipzig: Hirzel Verlag, – 1854–1971.
10. Schirmer, A. Wörterbuch der deutschen Kaufmannssprache / A. Schirmer. – Strasburg : Trübner, 1911. – 217 s.
11. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах : учеб. пособие / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – М. : Высш. шк., 1987. – 104 с.
12. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – 4-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

Summary

The article studies the body of German prototerms of the lexical-semantic group with the meaning 'creditor' and 'debitor' in the XI–XVIII centuries. It deals with their etymology, specific character of their form, semantic structure and paradigmatic relations. It was concluded that quantitative development of the group depends on the historical state of credit relations; instability of prototerms form is connected with the lack of [orthographic](#), phonetic and word-formative standards in the German language of the latest period; [insufficiency](#) of nominations semantic differentiation is explained by the system [underdevelopment](#) of logically correlated credit concepts in the [prescientific](#) period.

Поступила в редакцию 21.04.14

УДК 808. 26 (053)

ВЕРБАЛЬНЫЯ СРОДКІ КАМІЧНАГА Ў ДРАМЕ “КАСТУСЬ КАЛІНОЎСКІ” ЕЎСЦІГНЕЯ МІРОВІЧА

В. І. Рагаўцоў

доктар філалагічных навук, прафесар,
загадчык кафедры беларускай мовы УА “МДУ імя А. А. Куляшова”, г. Магілёў, РБ

Найбольш пашыраныя ў п'есе спецыялізаваныя вербальныя сродкі стварэння камічнага, для якіх гэтая функцыя з'яўляецца асноўнай (іранізмы, жартызмы). Радзей ужываюцца неспецыялізаваныя вербальныя сродкі, для якіх функцыя стварэння камічнага эфекту з'яўляецца аказіянальнай (антрапонімы, перыфразы, формулы маўленчага этыкету, экспрэсiўна зніжаныя адзінкі). У выяўленні камічнай экспрэсiі важная роля належыць вербальным актуалізатарам (як прэпазіцыйным, так і постпазіцыйным). Стварэнню насычанай камічнай экспрэсiі садзейнічае комплекснае ужыванне вербальных сродкаў.

Уводзіны

П'еса “Кастусь Каліноўскі” стала “самым сур'ёзным творам на гістарычную тэматыку” [1, 185], якія з'явіліся ў 1920-я гады. П'есу “можна з поўнымі падставамі назваць першай у беларускай літаратуры «чыста» гістарычнай драмай” [2, 144].

Гэта першая беларуская гістарычная драма, прысвечаная канкрэтнай гістарычнай асобе – слаўнаму сыну беларускага народа, лідару беларускага нацыянальнага вызваленчага руху К. Каліноўскаму, аднаму з кіраўнікоў паўстання 1863–1864 гг. Стварэнне п'есы прымеркавана да 60-й гадавіны пачатку паўстання ў Польшчы, Беларусі і Літве за аднаўленне Рэчы Паспалітай у межах 1772 г.

П'еса мае два варыянты – даваенны (пастаўлена Беларускім дзяржаўным тэатрам – БДТ – у 1923 г.) і пасляваенны, больш дасканалы (змешчаны ў кнізе п'ес Е. Міровіча) [3, 341]. У 1928 г. п'еса экранізавана.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Нягледзячы на тое, што драма прысвечана далёка не камічным падзеям (К. Каліноўскі “ўзнімае просты сялянскі люд на барацьбу з царызмам, на барацьбу за сваё сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне” [4, 43]), у творы нямала камічных сцэн, для стварэння якіх персанажы карыстаюцца рознымі вербальнымі сродкамі.

І. Іранізмы. Іранічнае значэнне моўных адзінак выяўляецца з дапамогай актуалізатараў (як вербальных, так і невербальных).

1) [Каліноўскі:] *Згаджаюся, план пабудаваны геніяльна, але геніяльны ён на сваёй недальнабачнасці і глупству. Іранічная канатацыя прыметніка геніяльны (план) актуалізуецца спалучэннем на сваёй недальнабачнасці і глупству.*

2) [Стэмбоўская:] *Спыніце, панове, гэтыя здзекі. [Дзюларан (іранічна):] Пан Каліноўскі шчыры і гарачы патрыёт. Я яму дарую яго абразы. Паказчыкам іранічнага ўжывання вылучанага словазлучэння з'яўляецца спецыялізаваная рэмарка іранічна.*

3) [Высоцкі:] *Запэўняю, ваша высокаправаасхадзіцельства, Каліноўскі – гэта простае непаразуменне. [Мураўёў:] Запэўняю, ваша высокаправаасхадзіцельства, што Каліноўскі гэта Каліноўскі! А вось вы, сапраўды, не жандар, а простае непаразуменне! Я адмаўляюся з вамі працаваць. Вы вольны ад абавязкаў! Бывайце! У гэтым прыкладзе ўжыты мімезіс, які мае іранічна-з'едлівую афарбоўку, – простае непаразуменне! (так Мураўёў характарызуе Высоцкага, жандарскага генерала).*

4) [Каліноўскі:] *Раю вам, яснавьяльможны пан [Дзюларан], выносьцеся з Беларусі ў добрым здароўі... Як іранізм ужыты прыдатак яснавьяльможны пан (актуалізатар – выносьцеся з Беларусі).*

5) [Каліноўскі:] *Дай толькі волю здабыць, а падзяліць мы здолеем. Сабе і бізун, гэта праўда, а пана ў саху ўпражэм, а не пойдзе, дык пана бізуном сцябаць будзем. [Матруна:] Дай жа божа нашаму цяляці ваўка спаймаці. Не без іроніі ўспрымае Матруна фрагмент рэплікі*

Каліноўскага (вылучаны шрыфтам), які ён прамаўляе з упэўненасцю, пра што сведчыць ужытая Матрунай прыказка (‘гавораць, часам жартаўліва ці з недаверам, як пажаданне поспеху ў якой-н. справе’).

6) [Лявон (у акно):] *Гэй, старая, прынясі свежай саломы для пана афіцэра, зараз будзе адпачываць.* (Старая пайшла па салому ў кляц і назад.) [Ротны:] *Што ты, стары, стараешся мяне спаць улажыць?* [Лявон:] *Ды не, панок, як хочаш, я толькі думаў – змарыўся з дарогі, родненькі.* Як іранізм ужыты вылучаны прыметнік (іранічнае значэнне “падказваецца” папярэднім кантэкстам, з якога бачна, **як** Лявон ставіцца да Ротнага: абзывае яго ваякам, жандарам).

7) [Зямацкая:] *Прашу. Дзеля мяне, дзеля справядлівасці... О, мой брат будзе вечна маліцца да маткі боскай Чэнстахоўскай аб пасланні здароўя для пана генерала.* [Мураўёў:] *Добра! Вашу просьбу выканаю, аблягчу яго пакуты.* [Зямацкая:] *Прашу. Яго паданне аб памілаванні, Прашу аб справядлівай рэзалюцыі.* (Дае заяву.) [Мураўёў:] *Гатоў! (Піша.) Павесіць!* [Рэзалюцыя Мураўёва *Павесіць!* яскрава сведчыць, **як** ён збіраецца выканаць просьбу Зямацкай – “аблегчыць” пакуты яе сына.

8) [Каліноўскі (прыслухоўваючыся):] *Моляцца... Узносяць малітвы найвышэйшаму аб утварэнні на зямлі спакою. І народ верыць!.. І хавае ў дамавіну сваю вольнасць... Святая прастата!* Глыбокі іранічны сэнс закладзены ў фразеалагізм *святая прастата* (‘даверлівы, наіўны, прастадушны чалавек’), які ўзнік на аснове аднайменнага крылатага выразу (прыпісваецца нацыянальнаму герою чэшскага народа Яну Гусу). Пра іранічнае адценне выразу сведчыць актуалізатар – прэпазіцыйны вербальны выраз *І [народ] хавае ў дамавіну сваю вольнасць...*

9) [Мураўёў:] *Вельмі добра! Раней лепш ад’язджаць на той свет, ці няпраўда? Мени праважатах і дапытлівых, “дальнія провады, лішнія слёзы...” Ці не так, “сябра” Каліноўскі? Тут ужыты іранізм сябра (так дэспат Мураўёў звяртаецца да Каліноўскага).*

10) [Каліноўскі:] *Якая дурная недарэчнасць!* [Стэмбоўская:] *Я не магу чуць падобнай абразы!* [Каліноўскі:] *Гэта не абраза, графіня, а дакладнае азначэнне!* [Лапа:] *Панове! Не будзем гаварыць адзін аднаму словы «ветлівасці» і пяройдем да справы...* Актуалізатарам іранічнага ўжывання вылучанага назоўніка з’яўляецца прэпазіцыйны вербальны кантэкст *Якая дурная недарэчнасць!* (рэпліка Каліноўскага), *Я не магу чуць падобнай абразы!* (словы Стэмбоўскай), а таксама графічны паказчык – двукоссе.

11) [Каліноўскі:] *Пане капітане! Відавочна, гэта непаразуменне.* [Ротны:] *Маўчаць! Калі на асіне будзеш боўтацца, убачыш, якое непаразуменне.* З камічнай мэтай выкарыстоўваецца адметная разнавіднасць лексічнага паўтору – мімезіс. Ім з’яўляецца назоўнік *непаразуменне*, камічная (іранічна-з’едлівая) канатацыя якога выяўляецца з дапамогай разгорнутага вербальнага актуалізатара – *Калі на асіне будзеш боўтацца, убачыш, якое...* (рэпліка Ротнага).

12) [Мураўёў:] *Ну, як адчуваеце сябе “ў гасіях” у нас? Я кажу “ў гасіях”, бо заўтра вас адправім туды...* (паказвае ўгору.) *Паручык, а якой гадзіне прызначана пакаранне? Пра іранічнае ўжыванне вылучанага спалучэння сведчаць фрагменты постпазіцыйнай рэплікі Мураўёва *заўтра вас адправім туды...; а якой гадзіне прызначана пакаранне?*, а таксама рэмарка (паказвае ўгору, што азначае ‘на вісельню’). Апрача таго, паказчыкам іранічнай канатацыі названага вышэй спалучэння з’яўляецца графічны сродак – двукоссе.*

У адной рэпліцы могуць ужывацца два іранізмы, у выніку чаго камічны эффект узмацняецца:

1) [Лявон:] *Каго хаваць? Старая ды я.* [Ротны:] *Ну, глядзі, стары, калі што, дык галавой адкажаш.* (Ротны і Маставы выходзяць.) [Лявон:] *Ваяка! Эх... жандар дык і ёсць жандар! Ну, старая, ідзі, згатуй чабарку, частуй дарагога гасця.* (Выходзіць.) [Старая:] *Смалы яму ў горла, а не чабарку.* (Выходзіць.) Пра іранічнае ўжыванне назоўніка *ваяка* сведчаць Лявонавы словы *Эх... жандар дык і ёсць жандар!*, а словазлучэння *дарагога гасця* – рэпліка старой *Смалы яму ў горла, а не чабарку.*

2) [Мураўёў:] *Палкоўнік! Неадкладна прызначыць жандарскага афіцэра сакрэтна суправаджаць біскупа да Дзвінабурга. У Дзвінабургу, не выпускаючы з вагона, арыштаваць і выслаць у Вятку пад нагляд паліцыі. Усё гэта зрабіць ціха, не ўзбуджаючы натоўпу фанатыкаў.* [Лосеў:] *Слухаю, ваша высокаправадзільства!* [Мураўёў:] *Замест ліфляндскага няхай падыхае нашым наветрам, а мо **направіцца**. Хе-хе-хе...* [Лосеў:] *Надзвычайна дасцінна прыдуманая. Хе-хе-хе...* Як здэклівая іронія гучаць словы Мураўёва ў дачыненні да біскупа, якога з Дзвінабурга перасылаюць у Вятку: *мо **направіцца**, калі падыхае нашым наветрам.* Пра гэта

сведчыць яхідная генералава ўсмешка: *хе-хе-хе...* Не без іроніі прамоўлены Лосевым фрагмент рэплікі *Надзвычайна дасціпна прыдуманая* (сведчанне – трыплікаваны выклічнік *хе-хе-хе...*).

II. Жартызмы. Гэта моўныя адзінкі, якія сваім зместам выклікаюць у чытача пацеху, паколькі не адпавядаюць сапраўднаму значэнню гэтых адзінак:

1) [Ротны:] *А ў нас не зусім добра. Вось, паўстанца злавлі. Бачыце?* (Паказвае на Каліноўскага. Доктар абярнуўся, ледзь не абамлеў. Ён пазнаў Каліноўскага. Ротны задаволены сваім жартам.) *Ха-ха-ха... Айца дыякана за паўстанца палічылі... Ха-ха-ха... Знаёмцеся! Наш палкавы доктар...* (Каліноўскі падыходзіць, дае руку, доктар моцна цісне руку, гатовы абняцца з ім.) *А вы ідзіце і не рабіце глупства. Што, айцец дыякан, не чакалі гэткага афронту? Ха-ха-ха...* Паказчыкам жартаўлівай афарбоўкі з'яўляецца рэмарка *Ротны задаволены сваім жартам*, сутнасць яго – *Айца дыякана за паўстанца палічылі...* Сведчаннем таго, што Ротны задаволены сваім досціпам з'яўляецца двойчы ўжыты трыплікаваны выклічнік *ха-ха-ха...*

2) [Домб:] *Вечар добры, сябры! У-у... што я бачу! Трапіў да вас на гарбату. [Страбейка:] Добра, што не да жандараў.* [Домб:] *Бываў і там калісьці, але не спадабалася. Уцёк. Ну... жарты жартамі, сябры, а вуха трэба трымаць востра.* Сведчаннем таго, што выраз *Добра, што не да жандараў* Страбейка ўжывае як жартызм, з'яўляецца фрагмент рэплікі прадстаўніка Чырвонага жонду Беларусі Домба *Ну... жарты жартамі*.

III. Антрапонімы. Камічны эфект выклікаюць прозвішчы, якія словаўтваральна суадносяцца з словамі са зніжанай экспрэсіяй або сугучныя з імі марфемнай будовай. Так, прадстаўнікамі Белага жонду Беларусі з'яўляюцца *Лана* – мінскі маршалак і *Серакоўскі* – афіцэр генеральнага штаба. Першае прозвішча выклікае адмоўныя асацыяцыі, паколькі суадносіцца з апелятывам *лана* – разм. груб. 'рука чалавека'. Другое прозвішча сваім гучаннем асацыятыўна звязана з рус. *серый* (бел. *шэры*) – перан. разм. 'малакультурны, неадукаваны'. Да камічна афарбаваных адносяцца таксама прозвішчы (князь) *Чартарыйскі*, (пан) *Зьярджоўскі*. Першае прозвішча "пераклікаецца" з апелятывам *чорт* – 'злы дух у вобразе чалавека, пакрытага чорнай поўсцю, з рожкамі, казлінай бародкай, капытамі і хвастом' – паводле старадаўніх павер'яў беларусаў і іншых народаў. У другім прозвішчы пачатковая частка сугучная з апелятывам *звер* – 'дзікая, звычайна драпежная жывёліна'. Такім чынам, назіраецца кантраст паміж паміж прозвішчамі асоб, якія належалі да прывілеяваных слаёў грамадства ў Беларусі, і семантыкай сугучных з імі апелятываў.

Сустрэкаюцца і іншыя гаваркія экспрэсіўна зніжаныя прозвішчы: [Пан:] *Дазвольце прадставіцца: памешчык Сігізмунд Бындлеўскі... Мая жонка Стэфанія Бындлеўская.* Параўн.: *Бындлеўскі, Бындлеўская* і *быдла* – перан. разм. пагард. 'той / тая, да каго ставяцца зневажальна'. Камічны эфект узмацняецца, калі ў адной антрапаформуле ўжываюцца прозвішчы і імёны, якія належаць да розных моў і маюць розную экспрэсію. Нетутэйшае ўласнае асабовае імя *Сігузмунд* кантрастуе са зніжаным прозвішчам *Бындлеўскі*. Паводле М. В. Бірылы, гэтае імя паходзіць з нямецкай мовы, папулярнае ў Польшчы, дзе адзначана з XIV ст. [5, 110].

IV. Перыфразы. Саркастычны сэнс вылучанай ніжэй перыфразы звязаны з пэўнымі гістарычнымі рэаліямі: [Мураўёў:] *У мяне ёсць пэўны сродак – вяроўка, ці, як называюць, «мураўёўскі гальштук».*

Функцыя эўфемістычнай перыфразы – замяніць эстэтычна непрыстойнае слова "змякчальным" апісальным выразам: [Купец:] *Мадам, вы сваім ніжнім месцам, прабачце, акно зусім закрылі.* Камізм звязаны з тым, што ў свядомасці чытача перыфраза суадносіцца з аднаслоўнай прамой назвай, якая мае зніжаную экспрэсію.

V. Формулы маўленчага этыкету. Як камічна афарбаваныя ўспрымаюцца экзатычныя формы звароту да тутэйшых асоб. Напрыклад, Паліцмайстар, звяртаючыся да мясцовай асобы Старжынскай, ужывае французскую форму *мадмуазэль*: [Паліцмайстар:] *Куды, мадмуазэль, спяшаецеся?* [Старжынская:] *Да сябе дамоў.* Параўн.: *мадэмуазэль* (фр. *mademoiselle* – 'паненка, мадэмуазэль').

VI. Экспрэсіўна зніжаныя адзінкі. У п'есе ўжываецца развіты зваротак з негатыўнай ацэнкай: [Ротны:] *Ну, стары, кажы, дзе паўстанцы?* [Лявон:] *Якія?* [Ротны:] *"Якія"... не ведаеш? А? Што супроць цара пайшлі, супроць начальства? Ты не хітруй, стары барсук, ведаеш.* Вылучаны выраз ўжыты са зневажальнай ацэнкай (параўн.: *барсук* – 'драпежны пушны звер з вострай мордай і доўгай грубай поўсцю').

VII. Комплекснае ўжыванне вербальных сродкаў камічнага. Такія сродкі могуць ужывацца комплексна як у межах адной рэплікі, так і розных (суседніх), што садзейнічае стварэнню насычанай камічнай экспрэсіі.

1) [1-ы салдат:] *Вось яны, як перапёлчкі на полі.* [2-і салдат:] *А мы, як паляўнічыя; ану, пад зарад бяры на адной кожны! Айда!* [2-я дзяўчына:] *Ну, ну, не вельмі “бяры”.* [Маставы:] *Кінь, браткі, напорам браць. Гэта ж не нашы праваслаўныя бабы; яны ж беларусіткі, іх трэба абыходам абыходзіць, з кумпліменцімі. Пиэпрашам, калі ласка, паненка, са мной прайсціся.* Жартам напоўнена сцэнка: салдаты імкнуцца разыграць дзяўчат, каб прывабіць да сябе. Дзеля гэтага выкарыстоўваецца прыём квяцістасці маўлення: у рэпліцы 1-га салдата ўжываецца параўнальная канструкцыя з пераносным (метафарычным) значэннем (яны) *як перапёлчкі на полі*. Працягам жарту з’яўляецца рэпліка 2-га салдата: *А мы, як паляўнічыя; ану, пад зарад бяры на адной кожны!* Аднак 2-й дзяўчыне не спадабалася гэтае *пад зарад бяры*, пра што сведчыць фрагмент рэплікі *Ну, ну, не вельмі і двукоссе – “бяры”*. У яе ўспрыманні *пад зарад бяры* (кожны) *на адной перапёлчцы* – ‘авалодвай дзяўчынай; схілай да інтымнай блізкасці’. Адчушы, што такі “жарт” не пройдзе, маставы пераходзіць на сур’ёзны лад размовы: *Кінь, браткі, напорам браць. Гэта ж не нашы праваслаўныя бабы; яны ж беларусіткі, іх трэба абыходам абыходзіць, з кумпліменцімі. Пиэпрашам, калі ласка, паненка, са мной прайсціся.* Камізм выклікае экспрэсіўна зніжаны назоўнік *бабы* (у дачыненні да дзяўчат), бо выклікае асацыяцыі не толькі з замужнімі жанчынамі ўвогуле, але і са старымі. Маставы выкарыстоўвае “кумпліменты” з ласкальнымі словамі: *калі ласка, паненка*. Дарэчы, *кумпліменты* – лексічны аказіяналізм-кантамінант утвораны ў выніку аплікацыі ўзуальных слоў *кум* і *камплімент*. Сутыкненне ў структуры лексічнага кантамінанта двух блізкіх паводле гучання, але далёкіх значэннем узуальных слоў прыводзіць да фарміравання складанай семантыкі, што і надае аказіяналізм-кантамінанту камічнае гучанне [6, 237]. Так, у згаданым вышэй аказіяналізме сінтэзуецца семантыка слоў *кум* і *кампліменты*. Апрача таго, камізм выклікае частковая польскамоўная ўкрапіна *пиэпрашам* (польск. *przepraszam* – ‘прашу прабачыць, выбачайце!, даруйце!’), ужытая ў маўленні беларуса.

2) [2-я дзяўчына:] *А што, дзядулька, кажучь, што яны да баб ласыя. Як возьмуць нас усіх у палон замест жонак, што тады рабіць?* [Лявон:] *А брэшааш ты! А калі возьмуць, дык ты не давайся.* [1-я дзяўчына:] *Ага, ён жа дужэйшы за мяне, возьме і схопіць.* [Старая:] *А ты кусайся. Вось хто мяне схопіць, той не рады будзе.* [Лявон:] *Ды хто ж на цябе пакваціцца?* [Старая:] *А ўсяк бывае, – за недахопам і мяне ў кумпанію возьмуць.* Вербальныя сродкі камічнага: выраз *да баб ласыя*, зніжаны экспрэсіў *брэшааш* – перан. разм. зневаж. ‘хлусіш, маніш’, (не) *давайся* – тут: (не) ‘дазваляй уступаць у інтымную блізкасць’, *кусайся* – ‘хапай зубамі’, экспрэсіўна зніжаны выраз *Ды хто ж на цябе пакваціцца?*, аказіяналізм-кантамінант *кумпанія* (створаны аплікацыяй двух назоўнікаў – *кум* і *кампанія*).

3) [Мураўёў (чытае):] *Та-ак! Вы, значыць, маці свайго мілага сынка? Та-ак! А дзе яго айцец?.. Муж ааі?* [Жанчына:] *Памёр у мінулым годзе.* [Мураўёў:] *Памёр? Добра зрабіў... у пару перабраўся на той свет! Палкоўнік! Памятаеце Прэабражэнскага, гімназіста, які хацеў узарваць каменданцкае ўпраўленне? Дык, вось, гэтае бязвусае шчанё пайшло супраць цара і царскіх слуг, а маці, якая выхавала гэтае шчанё... просіць аб памілаванні... Камічны эффект выклікаюць іранізм *мілага* (сынка), якому Мураўёвым будзе дадзена “сапраўдная” ацэнка – *бязвусае шчанё* (разм. груб. ‘дзіця’). Саркастычна гучыць “спачуванне” Мураўёва, які пачуў ад жанчыны, што яе муж памёр у мінулым годзе: *Добра зрабіў... у пару перабраўся на той свет!**

4) [Паліцмайстар:] *Эх, злавіць бы яго [Каліноўскага], галубочка. Святую Аннушку на шыю атрымаем, ды і на прыкмеце ў Мураўёва буду.* У функцыі камічнага ўжываюцца іранізм *галубочка* (актуалізатар – эх, *злавіць бы яго*), метанімізм *Святая Аннушка* (у аснове – перанос ‘назва асобы → назва ўзнагароды ў яе гонар’). Вядома, што з 1742 г. расійскіх падданых узнагароджвалі шлезвіг-гальштэйнскім ордэнам святой Ганны, які 1797 г. афіцыйна ўведзены ў расійскую ўзнагародную сістэму; меў некалькі ступеняў і дэвіз “Тым, хто любіць праўду, набожнасць і вернасць”. Камізм узмацняецца ўжываннем гутарковай формы *Аннушка* замест афіцыйнай *Ганна* (Ганна Іванаўна – расійская імператрыца [1730–1740]).

5) [Лосеў:] *Злавіць! (Салдат выбягае, чуваць стрэл.) Папярэджаваю, хто з месца кранеца, таго мая куля спыніць. Што, галубчыкі, напаліся? Паручык, абишукаць усё памяшканне, а я тым часам дапрашу... [Домб:] Каліноўскі вас тут чакаў ды пайшоў. Не трэба пазніцца, пане палкоўнік. [Страбейка:] Праваронілі, пане палкоўнік, крыўдна за вас. [Лосеў:] Нічога, галубчыкі, скажаце*

*ўсё. Сродкі для гэтага ў мяне ёсць. Для стварэння камічнага эфекту ўжываюцца іранізм *галубчыкі* (паказчык – *папаліся?*), зніжаны экспрэсіў *праваронілі* (пане палкоўнік) – разм. ‘прапусцілі, праявалі’, іранізм *галубчыкі* (іранічнае значэнне падказваецца фрагментам рэплікі Лосева *Нічога... скажаце ўсё. Сродкі для гэтага ў мяне ёсць*).*

Вывады

Для стварэння камічнага эфекту ў драме выкарыстоўваюцца як спецыялізаваныя вербальныя сродкі (іранізмы, жартызмы), так і неспецыялізаваныя (антрапонімы, перыфразы, формулы маўленчага этыкету, экспрэсіўна зніжаныя адзінкі). У выяўленні камічнага эфекту важную ролю адыгрываюць актуалізатары – вербальны кантэкст. Комплекснае ўжыванне вербальных сродкаў садзейнічае стварэнню насычанай камічнай экспрэсіі.

Літаратура

1. Лаўшук, С. С. Гарызонты беларускай драматургіі / С. С. Лаўшук. – Мінск : Беларуская навука, 2010. – 412 с.
2. Лаўшук, С. С. Драматургія / С. С. Лаўшук // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі ; Ін-т літ. імя Я. Купалы. – 2-е выд. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – Т. 2 : [1921–1941]. – С. 134–166.
3. Міровіч, Е. П’есы / Е. Міровіч ; рэдкал.: В. Вольскі, К. Губаравіч, А. Бутакоў. – Мінск : Дзяржвыд БССР. Рэдакцыя мастацкай літаратуры, 1957. – 343 с.
4. Сабалеўскі, А. Еўсцігней Міровіч / А. Сабалеўскі // Беларуская савецкая драма : [у 2 кн.] / А. Сабалеўскі. – Мінск : Беларусь, 1969. – Кн. 1. – С. 37–58.
5. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія : у 3 т. / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – Т. 3 : Структура ўласных мужчынскіх імён. – 320 с.
6. Земская, Е. А. Словообразование / Е. А. Земская // Современный русский язык : учебник / под ред. В. А. Белошапковой. – М. : Высшая школа, 1981. – С. 133–239.

Summary

Specialized and non-specialized verbal means are used to create a comic effect in the drama “Kastus Kalinousky” by a Belarusian playwright E. Mirovich. Verbal actualisators play an important role identifying comic connotations of language units. The complex use of verbal means assists to form rich comic expression

Паступіў у рэдакцыю 11.03.13

УДК 811.111'367:398.91

**ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ЧАСТЬ ГРАММАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ИМПЕРАТИВА
В АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ****Е. В. Сурженко**

магистр филологических наук

аспирант кафедры английского языка и речевой коммуникации УО «ГТУ им. Ф. Скорины»,
г. Гомель, РБ

Научный руководитель: канд. филологических наук, доцент Е. В. Коршук

В данной работе интерпретационная часть грамматического поля императива рассматривается с точки зрения синтаксических и морфологических структур ее построения. Каждая из структур анализируется относительно средств репрезентации и спектра передаваемых значений (прямое побуждение, прямое с обратным смыслом, косвенное, косвенное со значением запрета, скрытое). Статистический анализ 1000 английских пословиц помогает выделить наиболее часто встречаемые структуры и сделать вывод о связи языка с мышлением народа. Результаты исследования представлены в таблицах и диаграмме.

Введение

Знания аккумулируются в голове человека в виде определенных структур. Именно через изучение грамматических и, в частности, синтаксических, аспектов языка можно получить доступ к наиболее объективному анализу таких структур, а значит, тем самым доказать связь языка и мышления.

В данной статье императив рассматривается как особая глагольная форма, выражающая не процесс, не действие как таковое, а волю говорящего, его приказ или просьбу о том, чтобы было совершено действие.

Императив является основным способом передачи побудительности в силу однородности своей семантической функции. Лексическая и грамматическая стороны императива неразделимы, т. к. представляют в сознании субъектов коммуникации единую идею – побуждение к действию. Следовательно, мы вправе считать императив не только грамматической категорией, но полноценным грамматическим полем, т. е. особой функциональной структурой, объединяющей в своем выражении целый ряд языковых средств.

Поскольку императив зачастую определяется как нравственное предписание [1, 3], пословицы могут служить примером реализации данного явления в речи. Ведь именно пословицы являются основным средством передачи базовых форм нравственного предписания назидательного, дидактического характера. Поэтому материалом для проведения анализа послужили данные сплошной выборки 1000 английских пословиц из сборника пословиц и поговорок «1000 English proverbs and sayings» [2].

Поле императива как единица структурированного знания имеет определенную организацию: оно состоит из компонентов (концептуальных признаков), которые образуют различные слои: это ядро, приядерная область и интерпретационная часть. Поскольку ядро и приядерная область не являются целью данного анализа, в настоящем исследовании будет представлена и проанализирована периферия поля, а именно его интерпретационная часть.

Интерпретационная часть – явление достаточно разноплановое и противоречивое. Как правило, это совокупность слабо структурированных предикаций, структур синтаксического уровня, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из содержания поля [3, 61]. Так, наряду с лексикой и средствами морфологического уровня, отражение в языке опосредованной сознанием действительности осуществляется синтаксическими средствами, такими, как структуры предложения, схемы построения высказывания, варианты соотносительности подлежащего со сказуемым, которые в совокупности и образуют интерпретационную часть поля. Как утверждал Ю. С. Степанов, «сознание движется по свету вместе с языком, словарь свидетельствует, о чем думают люди, а грамматика – как они думают» [4, 27].

Предикативное отношение существует только в голове человека, оно может совпадать с реальными отношениями обозначенных в суждении сущностей или не совпадать с ними, быть ложным. Предикативное отношение – это сугубо субъективная реальность. Набор же синтаксических структур входит в пространство языка. Без синтаксиса семантическое пространство языка существовать не может, ибо знание набора функциональных полей без знания видов отношений между ними лишает такое пространство жизни и движения.

Специфика синтаксиса пословиц в структуре поля императива объясняется необходимостью ясно и кратко высказать суждение, контекстуально независимое и характеризующееся опосредованной связью с ситуацией.

Результаты исследования и их обсуждение

Первым этапом на пути анализа интерпретационной части императива является рассмотрение и анализ типов предложений, представляющих пословицы.

Прежде всего, английские пословицы – это группы простых/сложных (сложносочиненных/сложноподчиненных/бессоюзных), односоставных/двосоставных предложений, выражающих значение прямого, косвенного или скрытого побуждения, разнящихся силой, степенью категоричности и оттенками значений. Структуры простых предложений представляют собой основу интерпретационной части, т. к. их количество значительно превышает сложные (86% и 14% соответственно).

Большинство рассмотренных английских пословиц со структурой простого предложения двусоставны (86,2%), что объясняется большими семантико-функциональными возможностями двусоставного предложения. Типичными для двусоставных пословичных предложений являются следующие структурные схемы (модели):

а) Существительное (Местоимение) – Глагол:

— **He that knows nothing doubts nothing;**

— **Good fences make good neighbours** [2].

б) Существительное 1 (Местоимение, Инфинитив, Числительное) – Существительное 2 (т. е. именное сказуемое):

— **Promise is debt;**

— **Two is a company** [2].

в) Существительное (Инфинитив, Герундий) – Прилагательное (Наречие, Причастие, Герундий):

— **Appearances are deceitful;**

— **To err is human;**

— **Even reckoning makes long friends.**

г) Инфинитив – Инфинитив:

— **In trouble to be troubled is to have your trouble doubled.**

Наиболее распространенной в пословичном материале (59,4%) является модель с подлежащим, выраженным номинативом (или прономинативом), и сказуемым в форме спрягаемого глагола.

Односоставные предложения, представляющие действие вне его связи с деятелем и, как следствие, характеризующиеся обобщенностью семантики, выступают в качестве основного грамматического средства создания универсального характера пословиц. Из традиционно выделяемых типов односоставных предложений в корпусе английских пословиц представлены именные и инфинитивные предложения:

— **Easy come, easy go;**

— **Better late than never** [2].

Односоставные предложения относятся к периферийной области английского синтаксиса. Меньшая распространенность односоставных конструкций в английском пословичном материале, обусловленная грамматическими особенностями английского языка, свидетельствует о том, что в английском языке обобщенность семантики в большей степени создается лексическими, и в меньшей степени грамматическими средствами [5, 18].

Большинство английских пословиц со структурой сложного предложения используют союзный способ выражения смысловых отношений между компонентами (88,1%); при этом в корпусе пословиц большей распространенностью характеризуются подчинительные отношения.

Среди английских пословиц встречаются сложносочиненные предложения как с соединительным, так и с противительным значением:

- **Experience keeps a dear school, but fools learn in no other;**
- **Give a fool rope enough, and he will hang himself;**
- **Speak the truth and shame the devil [2].**

В отличие от союзного сочинения союзное подчинение шире представлено в английском пословичном корпусе; при этом продуктивность разных типов сложноподчиненных предложений, выделяемых в зависимости от типа придаточного, различается. К распространенным типам сложноподчиненного предложения в английском пословичном материале относятся: изъяснительное; сравнения; времени; сопоставления; условия. Среди сложных предложений удельный вес сложноподчиненных структур в английском пословичном корпусе составляет 62,9%, что свидетельствует о том, что для английских пословиц в большей степени характерно рациональное и семантически дифференцирующее начало в синтаксисе.

В английских пословицах бессоюзное предложение по степени употребительности стоит на третьем месте после сложноподчиненного и сложносочиненного предложений (11,9%). Такая последовательность продуктивности сложных структур связана с генезисом английских пословиц, их связью с литературным языком. Наиболее распространенным типом бессоюзного предложения в пословичном материале является предложение с условным значением; при этом условная зависимость между частями пословичного предложения нередко осложняется элементами временного или причинного отношений:

- **Fair without, fool within;**
- **No song, no supper [2].**

Редкая встречаемость в текстах английских пословиц сложносочиненных и бессоюзных предложений объясняется характером отношений между предикативными единицами этих предложений: реализация значений равноправия и чередования не свойственна пословичному фонду, который либо использует простую по форме пословицу, либо сложноподчиненную, в которой преобладают условно-следственные или причинно-следственные отношения.

Все рассмотренные типы предложений – это опорные пункты в исследовании интерпретационной части в целом, базис построения данной области в структуре грамматического поля императива.

Сложность структурирования интерпретационной части побуждает нас определить основные структуры пословиц, выявить связи и закономерности между ними.

Грамматическое поле императива в английских пословицах реализуется структурами синтаксического и морфологического уровня.

Синтаксический уровень представлен следующими структурами:

- предложением с собственно повелительным наклонением и конструкцией «Let + Инфинитив» (ядро): *Keep your mouth shut and your eyes open; Let sleeping dogs lie;*
- моделью «предваряющее / формальное It + Инфинитив (Герундий / Придаточная часть)»: *It is easy to be wise after the event; It is no use crying over spilt milk; It is the first step that costs;*
- моделью «Существительное + перформативный глагол (глаголы хотения и желаний)»: **Brave actions never wanted a trumpet;**
- инфинитивной конструкцией: *Slow to speak but quick to act; To add fuel to the fire;*
- безимперативным повествовательным предложением: *A rolling stone gathers no moss; The proof of the pudding is in the eating [2].*

За исключением повелительного наклонения, все представленные конструкции служат для передачи интерпретационной части.

Морфологический уровень выражается посредством:

- конструкций «наречие с модально-оценочным значением «better (лучше)» + глагол в повелительном наклонении»: *Better lose a jest than a friend;*
- конструкций «наречие с модально-оценочным значением «better» + Существительное/ Прилагательное / Наречие / Причастие / Инфинитив»: *Better one-eyed than stone-blind; Better the foot slip than a tongue; Better to do well than to say well;*
- конструкцией с модальными словами в активном и пассивном залоге: **An empty sack cannot stand upright; In the evening one may praise the day;**

— конструкцией «Глагол + прилагательное / наречие в сравнительной / превосходной степени» / предложения со сравнительными оборотами: **Repentance is good but innocence is better; Blood is thicker than water; The receiver is as bad as a thief;**

— конструкцией «Глагол + worth + Герундий»: **Between two evils it is not worth choosing; An hour in the morning is worth two in the evening;**

— безглагольные предложения с градуальной семантикой (конструкции Прилагательное / Наречие в сравнительной степени): **The more haste, the less speed; The nearer the bone, the sweeter the flesh;**

— повествовательные предложения-контрастивы (две части предложения противопоставлены друг другу, используются морфологические оппозиции): **Politeness costs little but yields much** (оппозиция **little – much**); **The voice of one man is the voice of no one** (оппозиция **one – no one**) [2].

В системе интерпретационной части английские простые предложения-пословицы отличаются от соответствующих сложных набором синтаксических структур и типов побудительного значения.

В пословице, представляющей собой простое предложение, встречаются все типы побудительного значения, которые реализуются всеми указанными конструкциями. Например, **A cracked bell can never sound well** (конструкция с модальным словом в активном залоге – *косвенное побуждение*), **A burnt child dreads the fire** (*безимперативное повествовательное предложение – скрытое побуждение*). Исключение составляют лишь повелительное наклонение и конструкция «Let + Инфинитив», служащие для передачи прямого побудительного значения и реализующие ядро поля «императив»: **Eat at pleasure, drink with measure** или **Let every man praise the bridge he goes over** [2].

Для передачи побудительного значения пословицей-сложноподчиненным предложением характерны структуры «**It + Инфинитив (Герундий)**», «**Модальный глагол + Инфинитив**»: *It's an ill bird that fouls its own nest; As you brew, so must you drink.* Не используются конструкции «**Better + Повелительное наклонение**», безглагольные конструкции, конструкции с инфинитивом. Например, *Better wear out shoes than sheets; Out of sight, out of mind; To add fuel to the flames.*

В пословицах-сложносочиненных предложениях наиболее употребительными являются структуры «**It + Инфинитив (Герундий)**» или «**Модальный глагол + Инфинитив**»: *It is too late to lock the stable-door when the horse has been stolen; He who laughs at crooked men should need walk straight;* **в то время как** не встречаются конструкции «**Better + Повелительное наклонение**», безглагольные конструкции, конструкции с инфинитивом и не реализуется значение скрытого, а также косвенного побуждения, объединенного значением запрета на осуществление бессмысленных действий.

Для пословиц-бессюжных сложных предложений наиболее употребительна структура безимперативного повествовательного предложения: **A man is known by the company he keeps.** Не характерны конструкции «**Better + Повелительное наклонение**»; «**It + Инфинитив (Герундий)**», «**Модальный глагол + Инфинитив**», безглагольные конструкции, конструкции с инфинитивом, а также не реализуется скрытое побудительное значение: *Everything comes to him who knows how to wait; A wise man changes his mind, a fool never will; He who swims in a sin will sink in a sorrow* [2].

Говоря о структурах интерпретационной части поля императива, нельзя не подчеркнуть их связь с семантической составляющей, выражающейся в процессе передачи различных типов побудительных значений.

Так, прямое побудительное значение в текстах английских пословиц выражается ядром императива: **Promise little, but do much** (повелительное наклонение); **Let bygones be bygones** [2] (структура «**Let + Инфинитив**»).

Значение косвенного побуждения реализуется конструкцией «**Better + Инфинитив**»; конструкцией с модальным глаголом; безимперативным повествовательным предложением; конструкцией «**It + Инфинитив (Герундий)**»; безглагольным предложением. Например, **Better to reign in hell than to serve in heaven; Blind man can judge no colours; It's one thing to flourish and another to fight; Last, but not least.**

Значение скрытого побуждения формируется конструкцией «**Better + Существительное**»; предложением с модальным глаголом, безимперативным повествовательным предложением; конструкцией «**It + Инфинитив**»; безглагольным предложением. Например, **Better a little fire to warm us, than a great one to burn us; He should have a long spoon that sups with the devil; Many men, many minds; It is never too late to learn** [2].

Все синтаксические структуры интерпретационной части императива можно объединить, выделив ряд общих признаков – это фиксированный порядок слов, запрет двойного отрицания, стремление к двусоставности. Наличие данных характеристик объясняется недостаточностью парадигм английского глагола. Своей формой глагол не всегда может достаточно ясно указывать на субъект, требуя его наличия, вследствие чего даже безличные английские пословицы строятся при помощи формального подлежащего, которое, растворяя свое содержание в содержании сказуемого, не обозначает никакого реального субъекта, не выделяется и не рассматривается самостоятельно, но все-таки присутствует в предложении.

Косвенно или скрыто выраженное неспециализированными средствами значение побуждения в английских пословицах обладает не меньшей иллокутивной силой, нежели средства прямого выражения значения побуждения, так как зачастую содержит не только косвенное или скрытое побуждение, но и предупреждение о возможных негативных последствиях, что, при формально слабо выраженной категоричности высказывания, оправдывает действия говорящего и снижает степень его вмешательства в эмоционально-волевое «я» собеседника, создавая более высокую вероятность достижения коммуникативной эффективности.

При этом наличие функционально-семантических синонимов вовсе не свидетельствует о признаке «хаотичности», «избыточного» построения поля «императив», а имеет глубокое положительное значение для дальнейшего расширения диапазона его интерпретационной части.

Выводы

В заключение проведенного анализа остается добавить лишь результат статистического исследования. В структуре интерпретационной части императива в центре находятся предложения с градуальной семантикой (33,4%), что на 9,7% и 12,2% соответственно больше по сравнению с инфинитивными структурами и конструкциями с модальным глаголом, а также на 24,7% и на 20,4% превышает набор единиц, представляющих именные структуры и предложения-контрасты (рисунок).

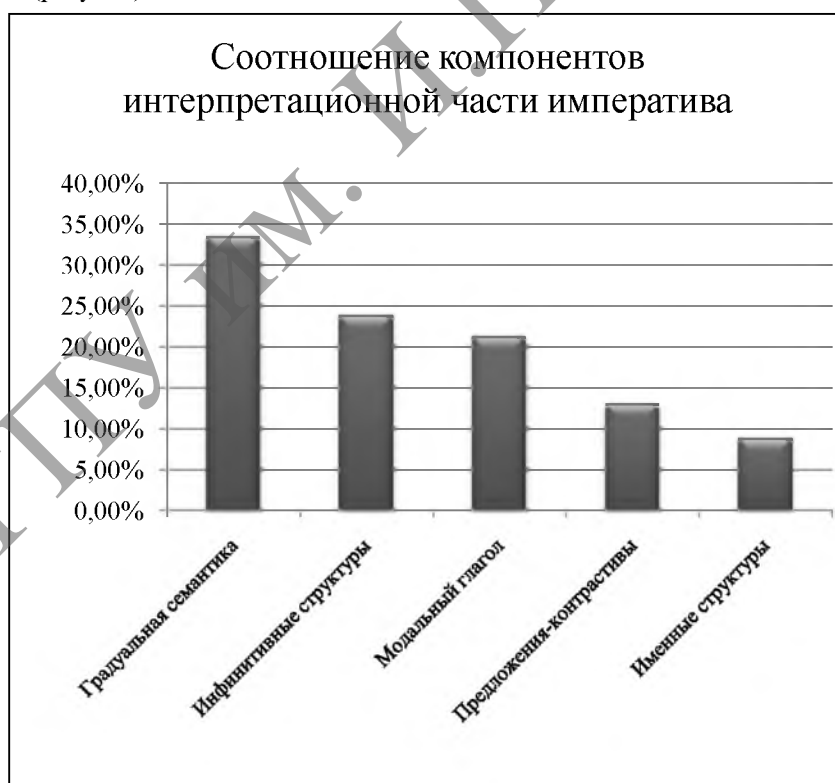

Рисунок – Диаграмма «Соотношение компонентов интерпретационной части императива (условно принятой за 100%)»

В целом, в структуре императива удельный вес интерпретационной части составил 36,8% (368 пословиц), а значит, в основе передачи данного грамматического поля лежат средства ядерного и приядерного уровней (63,2% соответственно). Анализируя интерпретационную часть и средства ее передачи, можно сделать некоторые выводы об английской картине мира. Так, например, наличие в английских предложениях формального подлежащего *it/they/one* свидетельствует о переносе ответственности за действие на субъект, индивидуальности сознания, отсутствии понятия «коллективный разум». Именно поэтому каждая пословица воспринимается так, будто она адресована конкретному человеку или конкретной группе лиц. Частая употребительность простых предложений говорит о рационализме, лаконичности и категоричности англичан, в то время как преобладание отношений подчинения над сочинением может указывать на существующую четкую расстановку приоритетов и ценностей, непоколебимость в принятии решений, малозначительности обстоятельств, оказывающих влияние на совершение действия.

Таким образом, особенности организации императива позволяют нам еще более четко и логично представить структуру поля с его ядром, приядерной зоной и интерпретационной частью, выделив при этом пласты наиболее употребляемых и наименее значимых структур. А поскольку интерпретационную часть поля саму по себе сложно структурировать, то синтаксическая организация помогает нам в этом, указывая опорные пункты в оформлении целостной структуры грамматического поля.

Літэратура

- 1 Фортейн, Э. Полисемия императива в русском языке / Э. Фортейн. – М. : Наука, 2000. – 35 с.
- 2 English proverbs and sayings / Scribd [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа : <http://www.scribd.com/doc/184797/1000-English-Proverbs>. – Дата доступа : 04.01.2009.
- 3 Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. – Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 58–65.
- 4 Степанов, Ю. С. Концепты: тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 246 с.
- 5 Рамазанова, А. Н. Побудительный потенциал англ. пословиц : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. Н. Рамазанова ; Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 2005. – 23 с.

Summary

This article defines the interpretational part of the grammatical field of imperative from the point of building by means of syntactic and morphological structures. Each of the structures is analyzed with regard to the means of representation and the spectrum of transferred meanings (direct and motivation, direct motivation with reversed meaning, indirect motivation with prohibition, implicit motivation). The statistical analysis of 1000 English proverbs helps to accentuate the most widely used structures and to make conclusions on the connection of language and the thought of nation. The results of research are shown in the tables and the diagram.

Поступила в редакцию 08.04.14

УДК 811.161.1'367.625'373

**О ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ БЕЗЛИЧНОЙ ФОРМЫ ГЛАГОЛА
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

(на материале глаголов движения)

Е. И. Тимошенкокандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания
УО «ГГУ им. Ф. Скорины», г. Гомель, РБ

В статье рассматривается явление семантического обособления (лексикализации) безличных форм глаголов движения, выражающееся в формировании разнообразных модальных значений. Устанавливается зависимость типа модального значения от общего характера, направления и интенсивности перемещения.

Введение

В системе грамматических форм слова возможно семантическое обособление одной или нескольких форм, которое может быть подведено под определение лексикализации. Под лексикализацией в языкознании понимается довольно широкий круг явлений, сущностью которых является переход в новое слово (или фразеологизм) каких-либо языковых единиц. Подобный переход может осуществляться на базе языковых элементов различных уровней (морфем, словосочетаний, падежных или предложно-падежных форм слов и др.) [1, 124].

В системе глагольных форм обращает на себя внимание семантическое обособление безличной формы, которое, насколько можно судить по специальной литературе, не было предметом лингвистического исследования. Известно, что безличный глагол (или личный глагол в безличной функции) характеризуется как форма, отражающая бессубъектное действие, действие с устраненным деятелем, самопроизвольное, стихийное и т. п. В. В. Виноградов в книге «Русский язык» наметил семантические классы безличных, в том числе личных в безличном значении, глаголов, среди которых предлагал выделять глаголы, обозначающие бытие и состояние, явления природы, стихийные явления, физические и физиологические состояния, глаголы, «связанные с представлением о судьбе, роке», называющие ощущения от внешних явлений (типа *пахло, веет*), психические переживания, глаголы, «означающие стихийную направленность действия на субъект или присущую кому-нибудь предрасположенность к действию, способность как бы невольного проявления какого-нибудь действия, а также, напротив, отсутствие в ком-нибудь волевых импульсов, расположения какому-нибудь действию». В последнем типе безличность связана с присоединением аффикса *-ся* (*не сидится, не лежится, «И верится и плачется»*. Лермонтов) [2, 370–371]. Там же В. В. Виноградов отмечает, что с «личным и безличным употреблением одного и того же глагола связаны разные его лексические оттенки» [2, 368].

Совершенно очевидно, что «разность оттенков» в определенных случаях может достигать такой степени, которая заставляет говорить не о лексико-семантических вариантах одного слова, а, по сути дела, о формировании омонимии. Предметом наших наблюдений явилось семантическое обособление (лексикализация) безличных форм русских глаголов движения, которое проявляется в формировании у них различного рода модальных и/или оценочных значений.

Глаголы движения активно изучаются в современной лингвистике. В качестве ядра данной лексико-семантической группы рассматривается «устойчивая структурно-семантическая группа глаголов несовершенного вида», которые противопоставлены друг другу по значениям однонаправленности – неоднаправленности движения, а также по некратности – кратности. Грамматической особенностью этих глаголов является неспособность образовывать соотносительную форму совершенного вида. Данная подгруппа представлена в «Русской грамматике-80» следующим списком: *бежать – бегать, идти – ходить, нести – носить, везти – возить, вести – водить, катать – катить, плавать – плыть, ползать – ползти, летать – лететь, таскать – тащить, бродить – брести, лазать – лезть, гонять – гнать, ехать – ездить* [3, 590–591]. Очевидно, однако, что к глаголам движения следует отнести не только перечисленные, но и многие другие глаголы, поскольку движение может быть как

поступательным «горизонтальным» (линейным), так и вращательным, вертикальным и др. Л. В. Надеина, например, считает, что лексико-семантическая группа глаголов движения членится на три основных класса: глаголы поступательного движения, колебательного движения и вращательного движения [4, 217]. К глаголам движения поэтому следует относить также глаголы типа *падать, поворачивать(ся), прыгать, вставать, садиться, шевелиться* и под. Ключевая позиция глаголов данной лексико-семантической группы в лексической системе языка и – шире – в языковой картине мира обусловлена «динамическим аспектом мироустройства», в соответствии с мифопоэтическими представлениями – изначальной естественной необходимостью перемещения крупных космических объектов для сотворения мира [5, 20] и др.

Результаты исследования и их обсуждение

Концептуальный характер категории движения предопределяет частотность употребления глаголов данной лексико-семантической группы и, как следствие, развитую полисемию. Особенности переносных значений в семантической структуре подобных глаголов обуславливаются такими внеязыковыми факторами, как неотъемлемость и органичность движения для самого существования мира, характер и степень интенсивности перемещения, среда и обстоятельства перемещения, находящими отражение в основном значении слова. В ряде случаев положительный коннотативный фон, которым в целом окружена семантика перемещения в реальной действительности и в языке, способствует формированию вторичных положительно окрашенных модальных и оценочных значений. Сравни: *идёт!* (прост.) в безличном употреблении для выражения согласия (– *Господа, лето кончается, необходимо потирывать последний раз на лоне природы ... . – Идёт!* – Прекрасно! Серафимович. – СРЯ, I, 633); *везёт, повезёт* (безл., разг.) ‘об удаче в чем-л.’ [*Леденеву*] *все время неизменно везет, он выиграл уже больше двух тысяч.* Вересаев. – СРЯ, I, 46).

Переносное модальное значение долженствования у глагола *следовать* обусловлено характером перемещения, отраженного в основном значении: ‘двигаться (идти, ехать и т. п.) следом, непосредственно за кем-, чем-л.’. Не представленная в толковании основного лексического значения сема ‘необходимость повторения, воспроизведения действия того, кто (или что) перемещается первым, впереди’ легла в основу модального значения долженствования безличной формы глагола, отражающего несвободу, несамостоятельность, «предписанность» действия: *следует* ‘нужно, должно, полагается’ (*Я написал кому следует, через кого следует в Петербург, чтобы меня окончательно оставили в покое.* Достоевский; *По графику переход через пролив следовало закончить в три месяца.* Ажаев. – СРЯ, IV, 133–134). Как и в большинстве случаев подобного рода, для данного глагола в безличном употреблении характерна сочетаемость с формой инфинитива или с придаточной изъяснительной. Уместно заметить, что и в глаголе *полагается*, с помощью которого толкуется модальное значение безличной формы глагола *следовать*, обнаруживается аналогичное явление. В основном значении *полагать(ся)* также относится к группе глаголов перемещения, содержащих в себе каузативную сему: др.-рус. *полагати* ‘класть, помещать’; у В. И. Даля: *Кроме подкладки, местами полагается и ватка – ‘кладётся’* (Даль, III, 256). (Семантика глагола синкретична, совмещает в себе семы перемещения, расположения в пространстве и созидания, поскольку ‘класть’ – это одновременно ‘делать так, чтобы существовало’). В современном литературном языке омоним *полагаться*¹ относится к модальным глаголам долженствования и может выражать указанное значение как личной формой, так и безличной, сравни: *За вход полагается плата; Домашней крепостной прислуге жалованья не полагалось.* Гончаров (СРЯ, III, 255).

Сема интенсивности, высокой скорости перемещения, свойственная глаголу *нести* в одном из значений (‘быстро перемещать, везти; мчать. // Передвигать, увлекать силой своего движения (о ветре, течении воды и т. п.)’ явилась основой для формирования отрицательного оценочного значения, которое реализуется как в сочетании со словами *черт, нелегкая* и т. п., так и в безличном употреблении ‘для выражения недовольства, удивления, возмущения и т. п. по отношению к тому, кто пришел или идет, направляется куда-л.’ (*Кто-то постучал в дверь настойчиво и торопливо. – Кого еще несет нелегкая? – удивился Тентенников. Саянов; – Куда вас несет? – зашептал он. – Ермолай дежурит.* Замоиский. СРЯ, II, 482–483).

Разнообразные переносные модальные значения формируются в семантической структуре приставочных глаголов движения, причем исконная пространственная семантика приставки, подвергаясь переосмыслению вместе с семантикой корня, в значительной степени предопределяет

характер переноса. Рассмотрим семантику ряда глаголов движения с приставками, этимологически имеющими значение присоединения или приближения.

Целый ряд глаголов движения, имеющих в своей морфемной структуре приставку *при-*, употребляясь в безличной форме, обнаруживают более или менее ярко выраженные модальные значения намерения, желательности, необходимости, обязательности, фатальности. В ряде случаев подобные значения реализуются в составе устойчивых оборотов. Сравн. семантическую структуру следующих глаголов. *Приходить (прийти) в голову* – 1) ‘возникать, появляться в сознании кого-л.’ (*Ему никогда не приходило в голову нагнуть с седла и запросто спросить у крестьянина, как называется трава, которую топтал его конь.* Паустовский); 3) ‘хотеть, желать, намереваться и т. п.’ ([Алварец:] *Когда еще нам сделать честь придет вам в голову, то, верьте мне, Открыты будут ежедневно двери Мои для вас.* Лермонтов) (ФСРЯ, 359). *Приходить (прийти) на ум [на мысль, на разум] кому* – ‘хотеть, желать, намереваться и т. п.’ (*Порой ему приходило на ум сделать еще что-нибудь дерзкое.* Горький) (ФСРЯ, 359–360). *Приходится (с кого), прост.* + ‘кому-л. полагается устроить угощение по случаю удачи в каком-л. деле’ (– *Все хорошо, мама, – сказал он ей, – вот они говорят, – расчудесно. С нас приходится, мама.* Герман). *Прийтись* – 1) ‘оказаться на каком-л. месте, уровне, в какое-л. время и т. п., совпасть с чем-л.’; 3) безл., с неопр. формой ‘стать необходимым, неизбежным в связи с какими-л. обстоятельствами, условиями’ (*Нам придется здесь ночевать, – сказал он с досадою, – в такую метель через горы не переедешь.* Лермонтов) // обычно кому ‘случиться, довестись’ (*Да, в каких грустных обстоятельствах пришлось нам видеться, князь... Ну что наш дорогой больной? – сказала она.* Л. Толстой); 3) 3 л. ед. ч. буд. вр. (в сочетании с предшествующим местоимением или наречием). Употребляется для указания на случайность, неопределенность, беспорядочность в совершении чего-л. (– *Вы уходите? – промолвил Паклин. – Где вы живете по крайней мере? – А где придется.* Тургенев) (СРЯ, IV, 412–413).

В просторечии приставочные глаголы типа *прижало (прижмет), припрет* в безличном употреблении также приобретают модальное значение неизбежности, отражая безвыходные ситуации, в которых человек вынужден действовать не по собственной воле. Сравн. следующие контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка: *Но вы же сами говорите: политика – дело грязное, в политике главное – вовремя предать, когда прижмет, в политике нет места красивым чувствам* (М. Панин); *И хотя в нашей практике был случаи сборов даже за сорок минут, в целом это правило соблюдается – если уж особо не припрет, раньше выйти не получается* (Отчет о велосипедном походе).

Аналогичным образом лексикализуется безличная форма глаголов движения с исконной пространственной приставкой *до-*, также имеющей значение присоединения, достижения. Рассматриваемое явление наблюдается, например, в глаголах *довестись* и *достаться*. *Довестись* (безл., с неопр. формой, разг.) – ‘случиться, прийти, утаться’ (*Вперед не доведется вам смеяться надо мной.* Н. Некрасов) (сравн. *довести* – ‘ведя, доставить до какого-л. места’) (СРЯ, с. 413). *Достаться* – 1) ‘перейти, поступить в чье-л. распоряжение, в собственность. // Выпасть, прийти на долю. // безл., с неопр. формой. Прийтись, случиться’ (*Первому досталось говорить тому же Беловзорову.* Тургенев); 2) безл., разг. ‘получить выговор, взыскание, наказание и т. п.’ (*Он был уверен, что его оговорили и что если он сегодня подаст жалобу, то следовательно достанется за вчерашний обыск.* Чехов) (СРЯ, I, 437).

Пространственная приставка *на-*, присоединяясь к глаголу в ряде случаев способствует формированию в нем модального значения долженствования, «предписанности» или неизбежности. Это связано с характером движения, этимологически отраженного в приставке, – движения, направленного сверху вниз: расположение же над чем-либо переосмысливается в сознании носителей языка как потенциальная угроза, которая требует, «диктует» определенный тип поведения. В соединении с грамматическими особенностями глагола (безличной формой) наличие в его морфемной структуре подобной приставки способствует формированию значения фатальности, неуправляемости, стихийности. Сравним следующие контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка: *Вдруг также вскрикнул не своим голосом – и на него накатило, подняло, понесло, закружило* (Мережковский) (обращает на себя внимание тот факт, что в ряду безличных глаголов, называющих неконтролируемое, не зависящее от человека состояние, все являются глаголами движения); *В детстве я учился плохо. В семнадцать лет на меня «нашло», я стал много читать и учиться. В течение одного года изучил три языка, прочел много книг* (Бабель); *«И тут, – рассказывает он, – на меня нашло. Я стал рыдать, рыдать, и*

долго никто не мог меня успокоить. Вот эти-то рыдания и были первыми припадками моего сумасшествия». ... Третий раз на него **нашло**, когда ему тетя рассказывала о том, как Христа мучили (Шестов). Глаголы, подобные выделенным в приведенных контекстах, в переносных значениях называют непроизвольно возникающие состояния. Даже в случаях личного употребления такие глаголы сочетаются с именами существительными, обозначающими разнообразные психические состояния субъекта (чаще – тяжелые для человека, «отрицательные»), возникающие стихийно, спонтанно и имеющие высокую интенсивность проявления, сравн.: *нашло (находит) оцепенение, вдохновение, сомнение, несчастье, наваждение, умиление, помрачение, уныние, смущение, затмение, озарение, заблуждение, просветление, ожесточение* и т.п. По-видимому, подобные сочетания являются промежуточной ступенью в формировании рассмотренной семантики безличных форм.

Модально-оценочное значение отрицательного отношения к кому-либо, выражающегося в неизбежности порицания или наказания, наблюдается в лексикализованной безличной форме глагола *влететь*, в основном значении принадлежащего к группе глаголов движения: ‘леть, на лету проникнуть, попасть куда-л.’; безл., разг. ‘попасть, достаться (за какую-л. вину, проступок)’ (*Вот теперь из-за такого ротозея **влетит** ротному командиру.* Куприн. – СРЯ, I, 385). Возникновение модального значения обусловлено, на наш взгляд, с одной стороны, наличием семы интенсивности в основном значении глагола, с другой – семантическими особенностями приставки, указывающей на движение, направленное внутрь чего-либо.

Как в безличном употреблении, так и в личных формах глагола *выпасть* наблюдается формирование абстрактного модального значения предопределенности, стихийности или случайности – ‘прийти, достаться’. Сравн. в безличном употреблении: *Везение заключалось и в том, что заниматься **выпало** ему самой жгучей, самой напуганнейшей на многие годы проблемой* (Гранин); *Создана, короче говоря, для брака, для семьи, для того, чтобы мужчине, которому **выпадет** быть рядом с ней, было хорошо* (И. Кио) (НКРЯ). В личных формах, реализующих рассматриваемое абстрактное значение, также присутствует элемент фатальности, предопределенности, – на это указывает сочетаемость глагола (из материалов НКРЯ): *выпала доля, судьба, жизнь, роль, счастливая оказия, удача, счастье (несчастье) выпало* и т.п. Характер модального значения также обусловлен особенностями перемещения, отражаемыми основным значением глагола, – такими, в частности, как направление сверху вниз (метафора верха – это давление, управление, предопределенность), а также наличием определенных условий, каузирующих падение. Каузативность основной семантики глагола отражается в его словарном толковании: *выпасть* – ‘упасть откуда-л. (при непрочном положении, толчке и т. п.)’ (выделено нами – Е.Т.) (СРЯ, I, 269).

Выводы

Таким образом, формирование разнообразных модальных значений у безличных форм глаголов движения, представляющее собой одно из проявлений лексикализации в языке, можно рассматривать как достаточно регулярную тенденцию. Семантический перенос в подобных случаях является ассоциативным, а тип абстрактных модальных и оценочных значений обусловлен как собственно концептуальным характером категории движения, так и частными особенностями перемещения – такими, как его направление, интенсивность и пр.

Принятые сокращения

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1981–1982.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка.

СРЯ – Словарь русского языка : в 4-х т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – М. : Русский язык, 1981–1984;

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.

Литература

1. Лопатин, В. В. Лексикализация / В. В. Лопатин // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Советская энциклопедия, 1979. – С. 124.

2. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.
3. Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с.
4. Надеина, Л. В. Образное осмысление движения в русском языке (на материале глаголов движения в русских народных говорах) / Л. В. Надеина // Известия Томского политехнического университета. – 2006. – Т. 309, № 5. – С. 217–222.
5. Топоров, В. Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверхэмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах / В. Н. Топоров // Концепт движения в языке и культуре. – М. : Индрик, 1996. – С. 7–88.

Summary

The article discusses the phenomenon of semantic aggregations of impersonal forms of the verbs of motion, as expressed in the formation of a variety of modal meanings. Set dependence of the type of modal values of a general nature, direction and intensity of movement.

Поступила в редакцию 24.03.14

МДПУ ІМ. І. П. ШАМЯКІНА

ПЕРСАНАЛІІ

*К юбилею**Егоров Николай Николаевич*

Николай Николаевич Егоров прошел большой трудовой путь от учителя сельской школы до заведующего кафедрой информатики и методики преподавания информатики.

Николай Николаевич Егоров родился 19 июня 1959 года в Семипалатинской области Аягузском районе ст. Актагай.

В 1981 году с отличием окончил физико-математический факультет Мозырского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской и был направлен на работу в Пинский РОО.

В 1982 году Министерством просвещения БССР перераспределен на должность ассистента кафедры общей физики и методики преподавания физики Мозырского

государственного пединститута.

В 1987 г. закончил аспирантуру Гомельского государственного университета.

С 1989 – старший преподаватель кафедры общей физики Мозырского государственного педагогического института.

В 1992 году защитил диссертацию «Селективные свойства объемных голографических решеток в гиротропных средах» на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук по специальности 01-04-05 «Оптика» (науч. рук. – проф. В. В. Шепелевич, проф. Б. В. Бокуть).

С мая 1993 года – начальник научно-исследовательского сектора Мозырского государственного педагогического института. С 1994 года – доцент кафедры общей физики и методики преподавания физики. С 2000 по 2001 год – проректор по научной работе института. С 20 октября 2001 года по 31 декабря 2011 года, с 1 сентября 2013 года по настоящее время Н. Н. Егоров – заведующий кафедрой информатики и методики преподавания информатики Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина.

Под руководством Н. Н. Егорова проводится значительная работа по совершенствованию учебного процесса, обновлению методического обеспечения, улучшению материально-технического обеспечения кафедры.

Николай Николаевич – автор более 70 научных, научно-методических, методических публикаций. Под руководством доктора физико-математических наук профессора В. В. Шепелевича Егоров неоднократно принимал участие в выполнении государственных и международных программ научных исследований.

Искренне благодарим Николая Николаевича Егорова за грамотное и мудрое руководство кафедрой, за неиссякаемый запас юмора и оптимизма. От всей души желаем Николаю Николаевичу здоровья, счастья, творческих успехов!

*Преподаватели и сотрудники
физико-математического факультета*

К юбилею

Голозубов Андрей Леонидович

Свою научную деятельность Голозубов А. Л. начал ещё будучи студентом Могилевского машиностроительного института, по окончании которого за трудолюбие и результаты в исследовательской деятельности был приглашен на должность инженера ОНИЛ-3 (отраслевой научно-исследовательской лаборатории). Работая в лаборатории, закончил аспирантуру, защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата технических наук.

В 2000 году приглашен в Мозырский государственный педагогический институт. Работал в должности старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой машиноведения. В настоящее время – доцент кафедры основ строительства и методики преподавания строительных дисциплин МГПУ им. И. П. Шамякина.

Андрей Леонидович активно и целеустремленно проводит фундаментальные и прикладные исследования в области ресурсосберегающих сварочных технологий с использованием низкотемпературной дуговой плазмы. Внес существенный вклад в развитие представлений о сущности термодинамических и физических процессов, протекающих в тонкопленочных кремнийсодержащих покрытиях и приповерхностной области подложки при действии высоких температур, оптимизации параметров получения покрытий заданного состава и качества. За цикл работ в данном направлении в 2006 году удостоен персональной надбавки за выдающийся вклад в социально-экономическое развитие республики.

Под научным руководством Голозубова А. Л. выполнен ряд заданий, включенных в Государственные программы научных исследований: «Материал», «Высокоэнергетические, ядерные и радиационные технологии», «Функциональные и машиностроительные материалы, наноматериалы». Разработаны и внедрены на ОАО «Мозырский нефтеперерабатывающий завод» технологический процесс и опытный образец установки для плазмохимического нанесения тонкопленочных покрытий, что позволило решить важную производственную задачу – защиту от коррозионного воздействия агрессивных сред посадочных поверхностей валов.

Работы студентов вуза, выполненные под руководством Голозубова А. Л., удостоены звания лауреатов, студент Купрацевич Ю. Н. отмечена дипломом I категории по итогам XIX Республиканского конкурса научных работ студентов высших учебных заведений Республики Беларусь. За высокие научные результаты, подготовку научных кадров, активную работу по внедрению инновационных технологий Андрей Леонидович в 2012 году отмечен Благодарностью Мозырского районного исполнительного комитета.

Голозубов А. Л. – автор более 70 научных и научно-методических работ, в том числе монографии, патентов на изобретение и полезные модели, рационализаторского предложения, методических указаний. Свои работы многократно докладывал на международных конференциях, представлял на выставках и инновационных форумах. За инновационную разработку «Способ нанесения упрочняющих тонкопленочных кремнийсодержащих покрытий», представленную на IV Ярмарке инновационных идей (г. Минск, 2013 год), награжден дипломом Государственного комитета по науке и технологиям Национальной академии наук Беларуси.

Высокая квалификация ученого-педагога, его доброжелательность и тактичность в отношении со студентами и коллегами снискали уважение коллектива университета.

Коллектив инженерно-педагогического факультета сердечно поздравляет Андрея Леонидовича Голозубова с пятидесятилетием и желает ему крепкого здоровья, неиссякаемой творческой и профессиональной энергии, успехов и удачи во всех делах и начинаниях, благополучия родным и близким!

*В. А. Васюта,
декан инженерно-педагогического факультета*

Р Э Ц Э Н З І Я

Рэцэнзія

на манаграфію *Шур, В. В. Слова ў мастацкім кантэксце: онімы, метафары* : манаграфія / В. В. Шур, С. Б. Кураш. – Мазыр : УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2013. – 268 с.

Першая частка манаграфіі – «Онімы ў творах літаратуры і соцыуме» (аўтар – доктар філалагічных навук, прафесар В.В. Шур) – прысвечана разгляду разнастайных аспектаў функцыянавання анамастычных адзінак у мастацкай літаратуры і грамадстве.

З манаграфічнай працы вынікае, што ў беларускім мовазнаўстве пачатку XXI ст. прыкметна ўзрасла цікавасць да праблем анамастыкі ўвогуле і літаратурнай анамастыкі ў прыватнасці – новага кірунку беларускай лінгвістыкі, на ўзнікненне, станаўленне і развіццё якога значны ўплыў аказалі працы самога В. В. Шура (манаграфічныя даследаванні, навучальныя дапаможнікі, шматлікія навуковыя артыкулы).

У манаграфіі комплексна апісаны онімы ў творах Якуба Коласа, Івана Навуменкі, Уладзіміра Караткевіча, Уладзіміра Верамейчыка і іншых беларускіх майстроў мастацкага слова.

Так, аналізуючы анамастычныя адзінкі ў мастацкіх творах У. Верамейчыка («песняра Палесся»), В. В. Шур зазначае, што анамастыкон яго сатырычных твораў надзвычай адметны і запамінальны.

Паэтонімы «выконваюць не толькі назывную, але і мастацка-эстэтычную, тэкстаўтваральную, жанраўтваральную і іншыя функцыі» (с. 33). Апрача ўзуальных моўных адзінак, У. Верамейчык умела выкарыстоўвае арыгінальныя індывідуальна-аўтарскія перыфразы, якія робяць мову яго твораў «надзвычай вобразнай, запамінальнай, перадаючы глыбока асэнсаванае мастацкае бачанне свету» (с. 40).

Значная ўвага ўдзелена апісанню беларускіх псеўданімаў, некаторых рэальных прозвішчаў, тапанімічных адзінак, засведчаных у сістэмах антрапанімікі і тапанімікі. На багатым фактычным матэрыяле паказана, што ў аснове шматлікіх беларускіх псеўданімаў пакладзены тапанімічныя назвы. Так, напрыклад, Канстанцін Міцкевіч (Якуб Колас) меў наступныя псеўданімы «тапанімічнага» паходжання: *Альбуцкі, Мікалаевец, Наднёманец, Марцін з-над рэчкі*; Іван Луцэвіч (Янка Купала) – *Мінчук, Стары Мінчук, Здарэнец, Янук з-над Мінска*, Мікалай Раманоўскі (Кузьма Чорны) – *Ігнат Булава з-над Турава*, Максім Гарэцкі – *Амсіслаўскі, Беларус, Максім Беларус*, Францішак Багушэвіч – *Сымон Рэўка з-над Барысава*.

Належнае месца адведзена разгляду онімаў і іх ролі ў мастацкіх творах знакамітага беларускага мовазнаўца, адмысловага празаіка Ф. Янкоўскага, годным вучнем якога з’яўляецца прафесар В. В. Шур. У прыватнасці, адзначаецца, што ў творах нісьменніка выкарыстоўваецца цэлая сістэма сродкаў і спосабаў арыгінальнага ўвядзення, уключэння разнастайных онімаў у канву яго твораў. Паводле назіранняў В. В. Шура, асноўны спосаб – непасрэднае тлумачэнне анамастычнай адзінкі. Апрача таго, у творах выкарыстаны і такія спосабы, як атрыбуцыя, акцэнтualнае выдзяленне, тлумачэнне або ўдакладненне, словаўтваральны каментарый.

Онімы, як вынікае з манаграфіі, з’яўляюцца важным нацыяльна-культуралагічным кампанентам мастацкіх твораў. Нельга не пагадзіцца з даследчыкам, што яны «дэманструюць нацыянальны, рэгіянальны, этнаграфічны, культуралагічны, сацыяльны падтэкст і каларыт таго рэгіёна, які нісьменнік выбраў у якасці аб’екта творчага ўвасаблення і адлюстравання» (с. 137).

Апрача разгледжаных, аналізуюцца і такія праблемы, як фразеалагізмы-бібліонімы ў творах мастацкай літаратуры, урбананімія Мазыра ў часе і прасторы, пра змены ў сістэме айконімаў Палесся, онім-этнонім *Іван* у творах мастацкай літаратуры і фальклору, анамастычныя назвы як надзейная крыніца вывучэння семантыкі і этымалогіі слоў і інш.

Другая частка манаграфіі – «Мастацкая метафара ў тэкста-дыскурсіўным вымярэнні» (аўтар – кандыдат філалагічных навук, дацэнт С.Б. Кураш) – прысвечана мастацкай метафары ў розных праявах тэкста-дыскурсіўнай прасторы.

Дэталёва прааналізаваны метафары ў залежнасці ад моўных адзінак, якія яе кантэкстава афармляюць, а таксама ў кагнітыўным і лінгвакультуралагічным аспектах, з пункту гледжання кантрастыўнай лінгвістыкі і перакладазнаўства, паэтыкі ідыястыліяў і нацыянальных стыляў.

Разгледжаны таксама такія праблемы, як дзеянне метафарычнага механізму на розных моўных узроўнях, тэкстацэнтрызм у сучаснай паэтычнай лінгваметафаралогіі, метафара як стымул генерацыі тэксту, трапеічная канвергенцыя ў структуры разгорнутых метафар, семантычная звязнасць у метафарычных тэкстах і яе асаблівасці, структурныя тыпы паэтычных тэкстаў-метафар, метафара як універсальны семіятычны код паэтычнага дыскурсу, метафара і сумежныя з ёй феномены як прынцыпы тэкстабудавання і некаторыя іншыя.

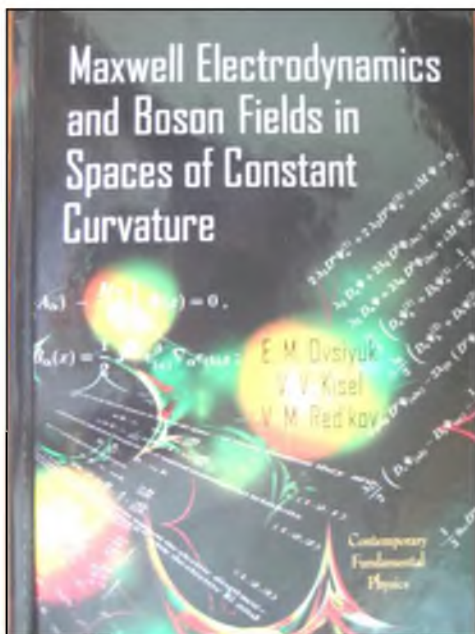
Манаграфія напісана на высокім навукова-гэарэтычным узроўні, вызначаецца тонкім аналізам фактычнага матэрыялу і абгрунтаванымі высновамі. Як вынікас з анатацыі, яна прызначаецца для студэнтаў ВНУ, навуковых супрацоўнікаў, аспірантаў, магістрантаў. Няма сумнення, што ў ёй шмат цікавага для сябе знойдуць выкладчыкі-філолагі педкаледжаў, ліцэяў і гімназій.

Рэцэнзент

*доктар філалагічных навук, прафесар,
прафесар кафедры беларускай мовы
УА «МДУ імя А. А. Куляшова»*

В. І. Рагаўцоў

БІБЛІОГРАФІЯ

В американском издательстве «Nova Science Publishers» в Нью-Йорке вышла монография «Maxwell Electrodynamics and Boson Fields in Spaces of Constant Curvature» (Ovsyuk E. M., Kisel V. V., Red'kov V. M. – New York, Nova Science Publishers, Inc., 2014).

Авторы книги – кандидат физико-математических наук, доцент Кисель Василий Васильевич, доктор физико-математических наук Редьков Виктор Михайлович и доцент кафедры общей физики и методики преподавания физики УО МГПУ имени И. П. Шамякина, кандидат физико-математических наук Елена Михайловна Овсюк.

Монография «Maxwell Electrodynamics and Boson Fields in Spaces of Constant Curvature» объемом 486 страниц посвящена детальному исследованию ряда задач классической электродинамики и теории поля в пространствах с неевклидовой геометрией. Акцент сделан на системах, допускающих точный аналитический анализ.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, а также аспирантов и студентов старших курсов, специализирующихся в области теоретической физики.

Астрейко, Е. С.

История физики (семинарские занятия) : учеб.-метод. пособие / Е. С. Астрейко. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2014. – 100 с.

ISBN 978-985-477-508-1.

Учебно-методическое пособие подготовлено в соответствии с типовой учебной программой по истории физики, разработанной на кафедре методики преподавания физики УО БГПУ им. Максима Танка.

В данном пособии впервые представлены планы восемнадцати семинарских занятий, общей дидактической целью которых является формирование у студентов физико-математических специальностей системы знаний в области истории и методологии физики, овладение методикой применения историко-методологических знаний в образовательном процессе.

Может быть использовано молодыми специалистами, учителями общеобразовательных школ, учителями-исследователями, а также магистрантами и аспирантами.

УДК 53 (09)(078)
ББК 22.гя73

Материаловедение и технология конструкционных материалов. Лабораторный практикум : пособие. В 2 ч. Ч. 1. / сост.: Л. Н. Бакланенко, А. В. Макаренко, С. А. Литош. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2013. – 72 с.

ISBN 978-985-477-341-4.

Пособие к лабораторному практикуму по дисциплине «Материаловедение и технология конструкционных материалов» предназначено для изучения структуры и свойств металлов и сплавов, макро- и микроанализа, освоения необходимых для этого приборов и оборудования, выполнения основных операций термической обработки сталей.

Разработано для студентов дневной и заочной форм получения высшего образования направлений специальности «Профессиональное обучение (машиностроение)» и «Профессиональное обучение (агроинженерия)».

Рекомендовано к использованию учреждениями образования, реализующими образовательные программы среднего специального образования по группе специальностей «Машиностроительное оборудование и технологии».

УДК 620.22(075)

ББК 30.3я7

Горовой В. А.

Теория и методика физического воспитания в схемах и таблицах : пособие для специализаций 1-03 02 01-01 «Специальная подготовка», 1-03 02 01-02 «Тренерская работа по виду спорта (с указанием вида спорта)», 1-03 02 01-03 «Физкультурно-оздоровительная работа и туристско-рекреационная деятельность» / В. А. Горовой, М. И. Масло. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2014. – 119 с.

ISBN 978-985-477-514-2.

Пособие включает содержание основных положений дисциплины «Теория и методика физического воспитания», которые систематизированы в таблицах и схемах. Цель данного пособия – помочь студентам факультета физической культуры освоить материал профилирующей дисциплины, а также способствовать совершенствованию профессионально-педагогической деятельности специалистов по физическому воспитанию и спорту.

УДК 796.015

ББК 75.1 я 73

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статьи объёмом 14 000–20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др., на русском (белорусском) языке в одном экземпляре направляются простым (заказным) письмом по адресу: ул. Студенческая, 28, 114, 247760, Мозырь, Гомельская обл.

Текст должен быть набран на компьютерной технике в текстовом редакторе (Word 97, 2000, 2003, 2007, 2010 for Windows); шрифт Times New Roman, 10pt; одинарный межстрочный интервал; абзацный отступ 1,27 см; подписи к фотоснимкам, графикам, рисункам, диаграммам набирать шрифтом Times New Roman, поля – левое, правое, нижнее, верхнее – по 30 мм. Номера страниц внизу по центру.

2. В левом верхнем углу размещается индекс УДК.

3. Далее через 1 интервал заглавными буквами без переносов и отрыва предлога от существительного печатается название статьи на русском и английском языках, которое должно быть кратким, определять область проведённого исследования и соответствовать содержанию.

4. Через 1 интервал слева от поля помещаются инициалы и фамилия автора (авторов), далее прилагаются сведения об авторе (авторах) на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество полностью;

- учёная степень и звание;

- место работы (полное название организации);

- подразделение организации (кафедра);

- должность;

- почтовый адрес для переписки, номера рабочего и домашнего телефонов, e-mail каждого автора;

- для аспирантов – сведения о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, учёная степень, звание).

5. Ниже через 1 интервал печатается аннотация (не менее 10 строк) на русском и английском языках, которая должна излагать содержание статьи; ключевые слова и словосочетания на русском и английском языках.

Далее через 1 интервал после абзацного отступа печатается текст статьи со следующей структурой: *введение; результаты исследования и их обсуждение; чётко сформулированные выводы*. Дополнительно в структуру статьи после *введения* могут быть включены *цель и методы исследования*.

6. Термины, основные понятия, языковой материал для анализа или в качестве примеров печатаются **жирным шрифтом** или *курсивом*.

7. В специальной и терминологической лексике, а также в именах собственных точность передачи букв *ё* и *е* обязательна.

8. В конце статьи дается перечень принятых в статье обозначений и сокращений (при их наличии).

9. Ссылки на литературные источники нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок записываются внутри квадратных скобок (например: [1], [2]). Внутри скобки, после порядкового номера ссылки, через запятую, без сокращений *с.* или *стр.* цифрой (или цифрами) указывается страница (или страницы) приведённой цитаты (например: [3, 14], [5, 10–12]).

10. Список цитированных источников располагается в конце текста под заголовком «Литература» и оформляется в соответствии с правилами оформления библиографического списка диссертационного исследования по ГОСТ 7.1–2003.

11. Распечатанный вариант статьи подписывается автором (авторами) на каждой странице.

12. К статье прилагаются:

а) рекомендация кафедры, научной лаборатории или учреждения (выписка из протокола заседания);

б) заверенная печатью рецензия независимого (внешнего) специалиста в данной области, имеющего учёную степень;

в) электронный вариант статьи;

г) договор о передаче авторского права в двух экземплярах (см. на сайте УО МГПУ имени И.П. Шамякина: www.mspu.by).

Редакционная коллегия журнала проводит независимую экспертизу, что является одним из основных условий опубликования поступающих рукописей. Основными критериями при оценке являются новизна, актуальность и информативность материала. В случае отклонения статьи редакция сообщает автору о решении редколлегии, рукопись автору не возвращается. Решение о доработке статьи не означает, что она принята к печати. После доработки датой поступления рукописи считается день предоставления в редакцию исправленного варианта.

Редакция оставляет за собой право отклонить статью без объяснения причин, если значительная часть ее содержания не соответствует профилю журнала.

Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов или докторантов в год завершения их обучения или соискателей перед защитой.

Просим авторов учесть положение ВАК о недопустимости предлагать редакции ранее опубликованные статьи или работы, принятые к печати другими изданиями, а также материалы, не подлежащие к опубликованию в открытой печати, в соответствии с действующими законодательными актами Республики Беларусь.

За опубликование научных статей плата не взимается.

В «Правилах» возможны изменения, с которыми можно ознакомиться на сайте вуза.

Редколлегия

E-mail vesnik.mgpu@mail.ru

www.mgpu.by

Тел. 8(0236)32-46-29